

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

ISSN0130-2620

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

185

**ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА
И БРОНЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

185

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1986

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

Ю. С. ГРИШИН, Б. Г. ТИХОНОВ

Памятники неолита и бронзы

КСИА, вып. 185

утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства **Н. И. Сергиевская**, Художественный редактор **Г. П. Валлас**
Технический редактор **Т. А. Калинина**. Корректор **Н. В. Габасова**
ИБ № 32114

Сдано в набор 30.04.86. Подписано к печати 17.06.86. Т-00180. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная, импортная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 1650 экз. Тип. зак 2542
Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

СТАТЬИ

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ОБРАЗЦЫ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В течение последнего десятилетия объектом исследования Кольской экспедиции ЛОИА (начальник Н. Н. Гурина) были окрестности Дроздовской бухты, расположенной на северо-восточном побережье Кольского полуострова. Это длинная узкая губа с небольшими ответвлениями, тихая даже во время бури. В кутовую часть ее впадает р. Дроздовка, а примерно в 3 км к востоку ровную песчаную террасу пересекает вторая крупная река — Варзина. В эти реки во время нереста заходит масса семги, а бухты часто посещаются морским зверем, преимущественно нерпой. Один из небольших заливов носит название Нерпичья Губа.

Эти условия, благоприятные для рыболовства и морского промысла, составлявших в позднем неолите и в эпоху раннего металла основу хозяйства, и послужили причиной интенсивного заселения бухты в древности. Здесь, на пространстве около 5 км, экспедиция зафиксировала более 10 памятников от мезолитических до раннесредневековых, располагавшихся группами в наиболее удобных местах. Среди них есть многослойные (неолит — ранний металл), однако, без стерильных прослоек. Особая научная ценность микрорайона заключается в том, что здесь встречаются и чистые комплексы, отражающие одну эпоху. Материалы Дроздовской бухты позволяют выявить последовательные этапы развития внутри эпох неолита и раннего металла.

Экспедиция провела также широкие исследования в центральной части полуострова — на побережье Ловозера. Полностью раскопано крупное поселение Мыс Семерка.

На северном побережье такие памятники, как Нерпичья Губа, Дроздовка, Маяк I и II, Усть-Дроздовка и Кривун, являлись длительными поселениями, тогда как Варзина 8 была охотничьим бивуаком.

На побережье господствовали морское рыболовство и морской промысел, в центральной же части полуострова — охота и озерное рыболовство. В обоих случаях, вероятно, они дополнялись собирательством.

Вывод о раннем развитии морского промысла, основанный на изучении орудий труда, подкрепляется богатейшими фаунистическими находками на поселении Маяк II. Среди сотен тысяч костных остатков большинство принадлежит гренландскому тюленю, а также нерпе, моржу. Встречаются кости нарвала, морского зайца, кита (определение Н. М. Ермоловой). Богато представлена сухопутная фауна: лось, олень, медведь, волк, заяц, бобр, россомаха. Много костей птиц (в особенности водоплавающих) и рыб (преимущественно трески).

Таким образом, по фаунистическим остаткам восстанавливается природная среда, окружавшая человека, а по орудиям труда — способ производства. В свете этих данных становится более понятной сущность изо-

бразительного искусства, дошедшего до нас в виде орнамента и скульптуры, выполненной из кости, рога и камня. Окружавшая человека действительность рождала реальные образы, хотя порой он воспринимал их, вероятно, опосредованно, пропуская через призму иррациональных представлений.

Всего на памятниках эпохи раннего металла побережья Баренцева моря за последние годы найдено свыше 80 предметов, связанных с изобразительным искусством. Они представлены орнаментированными поделками и круглой скульптурой. Встречаются и образцы искусства, занимающие как бы промежуточное положение. Это чаще всего фаланги животных, имеющие естественную округлость, на которые нанесен простейший узор из насечек, выполненных в определенном ритме. Сильная залощенность всей их поверхности указывает на длительное пребывание в руках человека.

По сюжетам скульптура делится на зооморфную и антропоморфную. Первая группа представлена 18 образцами. Среди них легко узнаются лоси (4 экз.), белый медведь (4 экз.), собака (3 экз.), хищный зверь (2 экз.), птица (3 экз.), морское животное (по-видимому, нерпа) и выдра. Антропоморфных изображений только шесть. Собственно скульптура — одна, три человеческие головы помещены на бытовых предметах, две последние представляя собой личины, при этом одна из них — крупная — выполнена на кости кита.

Изделий, на которые нанесен орнамент, насчитывается свыше 60. В двух случаях орнамент выполнен на камне, в остальных — на кости или роге. Один, наиболее сложный, орнамент нанесен на клыке моржа.

Орнаментированная кость представляет собой чаще всего обломки каких-то небольших предметов, очевидно, бытового и хозяйственного назначения. Законченных орудий немного. Обломки в основном мелкие, и все они, даже самые маленькие, имеют сильно залощенную от частого употребления поверхность, включая и места слома (свидетельство того, что поломанный предмет не выбрасывался, а еще долго служил человеку). На некоторых обломках заметно стремление выровнять края, чтобы придать фрагменту определенную форму. Иногда делались небольшие выемки, предназначенные, очевидно, для крепления шнура с целью использовать предмет в качестве подвески. Ни в одном случае не удается составить из обломков целый предмет.

Узор обычно геометрический, ритмичный, чаще всего — комбинация из ромбов и меандр (рис. 1, 3—6; 2, 7, 8). Поскольку в основном сохранились лишь фрагменты, об орнаменте можно судить по его элементам и мотивам. Композиция в целом улавливается только на единичных предметах. Количество элементов, которыми выполнен узор, чрезвычайно ограничено. Как правило, это линия, прочерченная тонким инструментом, сплошная или пунктирная, иногда пересеченная короткими перпендикулярными насечками, иногда — в виде мелких зигзагов, изредка — дугообразная. Лишь в исключительных случаях прослеживается комбинация из двух элементов — прямой линии и пересеченной. Наиболее часто ромбы завершены полностью или частично вписаны друг в друга. Встречается узор из незамкнутых треугольников. Оригинален рисунок на очень тонкой небольшой слабоизогнутой пластине (рис. 2, 8), на которой очень мелкими зигзагами выполнен четкий рисунок в виде стрел, обращенных вершинами друг к другу.

Привлекает внимание массивная (9×5 см) пластина из моржового клыка с двумя отверстиями, служившая, видимо, длительное время, на что указывают до блеска залощенная поверхность и отверстия вытянутой формы (рис. 2, 6). Предмет был найден непосредственно на 13 крупных, удивительно стандартных по величине и форме костяных наконечниках стрел, лежавших компактной массой, плотно прижатых друг к другу. Очевидно, пластина служила украшением колчана.

Форма пластины удлинено четырехугольная. Обе длинные стороны по краям орнаментированы шестью параллельными линиями, к которым

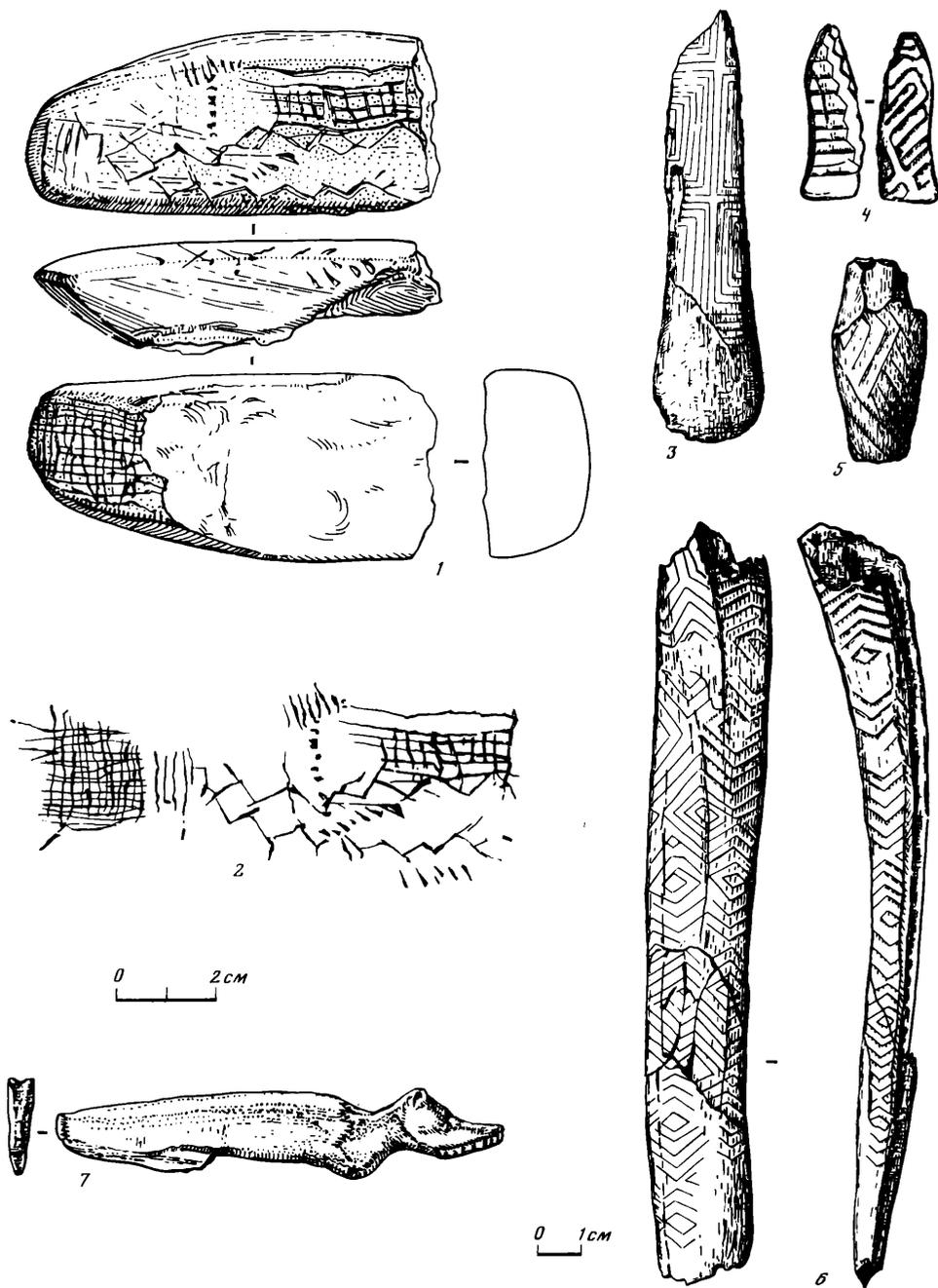

Рис. 1. Предметы искусства из камня и кости

1 — сцена ловли рыбы на мыльном камне; 2 — развертка рисунка на мыльном камне; 3—6 — орнамент на костяных предметах; 7 — костяная скульптура хищника

под острым углом нанесены более короткие, но столь же тонкие нарезные линии. Между этими 12 линиями размещен основной рисунок — меандры. Они как бы ступенчатые, и длина каждой линии, слагающей их (всего 10), увеличивается за счет вновь нарощенного звена. Художник точно выдержал длину отрезков линий и расстояние между ними. Иначе малейшая неточность привела бы к нарушению ритма и рисунка в целом. Орнамент рассчитан на заполнение всего пространства. Сложный рисунок выполнен на очень твердой пластине из клыка моржа.

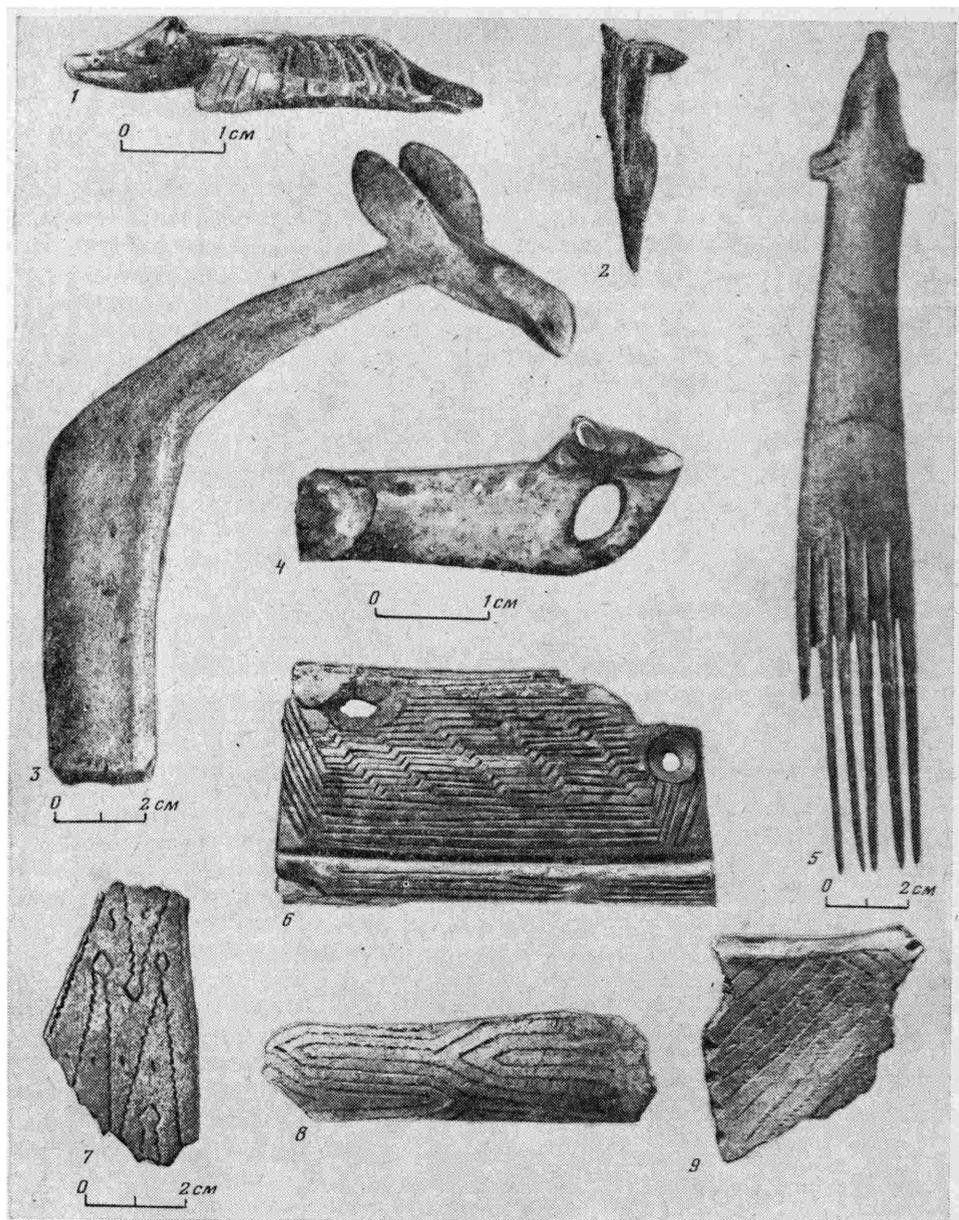

Рис. 2. Предметы из рога и кости

1, 4 — фигуры хищного зверя (1) и собаки (4) из клыка моржа; 2 — головка лося из кости; 3 — скульптура лося из рога; 5 — гребень с головой белого медведя из рога; 6—9 — орнамент на пластине: из клыка моржа (6), из кости (7, 9) и рога (8)

С одного края отверстие на пластине было поломано, и человек, дорожа вещью, просверлил другое, слегка нарушив рисунок. находка пластины позволяет связать поселение Маяк II с Оленеостровским могильником Баренцева моря, где подобный меандровый рисунок является самым характерным украшением костяных кинжалов¹. В северной Норвегии, где есть украшения, тождественные нашим², подобные рисунки пока неизвестны.

В двух случаях выполнены сюжетные рисунки. Один — на трубчатой кости — представляет голову оленя и поваленное дерево; другой — на мыльном камне — сцену ловли рыбы: река, расставленные сети и плывущая стайка рыб (рис. 1, 1, 2).

Зооморфная скульптура очень выразительна. Ей свойственны реалистическая манера исполнения и лаконизм, умение выделить главные черты. В массивной морде с горбатым носом и слегка отвислой нижней губой, часто — с серьгой на шее без труда можно опознать лося, а в короткой округлой морде с маленькими глазками и ушами — белого медведя. Морда хищника вытянута, зубы оскалены (рис. 1, 7). Во всех случаях, будь то камень или рот, поверхность скульптуры зашлифована.

Самая крупная (высота 14 см) фигура лося (рис. 2, 3) изготовлена из рога. Древний скульптор выбрал небольшой величины олений рог изогнутой формы с тремя отростками. Толстый конец он обрезал, создав корпус лося. Второй отросток срезал в продольном направлении, получив тонкую шею животного. Срез был доведен до того места, где начинались уши. Саму морду животного он вырезал из третьего (второго надглазничного) отростка (рис. 3). В целом после отделки получился удивительно живой образ — в меру удлиненная морда, небольшие выпуклые глаза, тонкие ноздри. Но особенно выразительны уши — крупные, стесанные с внешней стороны, они слегка наклонены вовнутрь — насторожены. Поверхность скульптуры заглажена, в особенности округлая часть, служившая рукоятью. Очевидно, ее держали в руке во время церемоний. Она несла ту же смысловую нагрузку, что и крупные лосевые головы Оленеостровского могильника Онежского озера³ и поселения Швянтой 3⁴.

Менее выразительна небольшая голова лося, украшающая костяной предмет, который напоминает по форме миниатюрный кивжал (рис. 2, 2).

Две маленькие (длина 3,5 см) фигурки выполнены из моржового клыка. Обе имеют отверстие для шнура. Вероятно, их носили на шее как амулеты. Первая фигура (рис. 2, 1) изображает, по-видимому, хищного зверя с длинной слегка оскаленной мордой. Вертикальными параллельными линиями показана шерсть. Отверстие проделано на конце хвоста.

Вторая фигура (рис. 2, 4) похожа на собаку с небольшими ушами и выпуклыми глазами. Нижняя часть морды слита со стержнем (обломан), ее отделяет от стержня небольшое углубление. Похоже, что собака во что-то вцепилась зубами. На спине животного, в особенности с одной стороны, ритмично расположены в два ряда небольшие ямки.

На конце гребня помещена голова медведя (рис. 2, 5). Она массивная, но не круглая. Вид животного узнается лучше всего при сопоставлении с другими образцами круглой скульптуры⁵. На Маяке II найдено шесть целых и фрагментированных гребней различной величины, но преимущественно мелких, во всех случаях украшенных на конце какой-либо фигурой, а иногда, к тому же, дополнительно орнаментированных. Гребни, украшенные скульптурными изображениями или орнаментом, известны в материалах памятников раннего металла северной Норвегии⁶.

Рамки статьи позволили нам остановиться лишь на некоторых образцах изобразительного искусства, найденных на Кольском полуострове. Но и они убеждают в мастерстве древнего художника. Чаще всего его волновал образ зверя. В большинстве случаев это были крупные промысловые животные — лось и белый медведь, как бы символизирующие сушу и море. Вероятно, они воспринимались человеком не только как источник пищи, но и как нечто большее. Если лось считался «хозяином» леса⁷, то белый медведь мог воплощать в себе могущество моря⁸.

Скульптуры белого медведя, причем в одних случаях — с отверстием, в других — с углублением, в третьих — с отчетливо выделенной шеей, видимо, крепились на какие-то стержни и имели культовый характер. Мед-

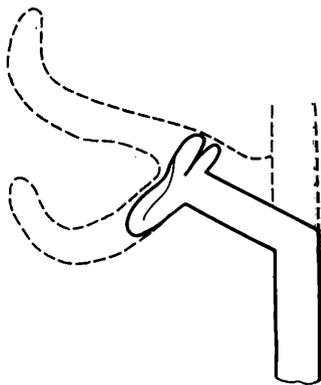

Рис. 3. Способ изготовления фигуры лося

вежий культ был широко распространен у сибирских народов⁹, а также в Карелии и Финляндии (каменные молоты с головами медведя, изображения медведей на карельских наскальных рисунках¹⁰).

Внимание древнего художника привлекали и более мелкие хищники, и пушные животные, а также его помощник — собака.

Смысловая нагрузка орнамента угадывается значительно труднее. Как показал знаток искусства Сибири С. В. Иванов¹¹, осмысление одного и того же рисунка у различных племен неодинаково, что заставляет с осторожностью высказывать суждение об этом предмете. В нашем случае с наибольшей достоверностью, по-видимому, можно расшифровать сцену рыболовства (рис. 1, 1, 2) и изображение оленя рядом с поваленным деревом. Что же касается других рисунков, то можно высказать лишь предположение. Поскольку у большинства народов зигзагообразные или струйчатые линии символизируют воду, допустима такая же дешифровка подобных рисунков из кольских памятников.

Мы уже высказывали предположение, что струйчатый орнамент символизирует стекающую кровь¹². Пластина из Маяка II была украшением колчана со стрелами и, следовательно, связана с охотничьим вооружением и, вероятно, с магическими представлениями.

Все образцы изобразительного искусства древних обитателей Кольского полуострова (за исключением орнаментированной керамики) связаны с памятниками раннего металла (Маяк II, Дроздовка, Усть-Дроздовка, Мыс Семерка, Оленеостровский могильник), где хорошо сохраняется кость — наиболее податливый поделочный материал. Однако ряд памятников, где кость не сохраняется, содержит предметы искусства, изготовленные из камня (погребение Бухта Песконец). Очевидно, причина пышного расцвета искусства лежит в экономике древнего человека, в особенности это касается многочисленных бытовых предметов.

Переход к активному морскому промыслу (охоте с выездом в море), видимо, в конце неолита — начале раннего металла, был чрезвычайно важным переломным моментом в хозяйственной деятельности человека. Обилie морского зверя, в частности, гренландского тюленя в период миграции, совершаемой дважды в течение года, делало охоту очень продуктивной, о чем свидетельствует масса костей. Этот промысел составлял твердую основу экономики, обеспечивая бесперебойное питание. С ростом экономического благосостояния и следует, вероятно, связывать пышный расцвет изобразительного искусства.

Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что человек научился использовать полезные свойства мыльного камня как удобного поделочного материала. За редчайшим исключением, вся каменная скульптура выполнена из мыльного камня, как и специальные предметы, — навершия на булаву, подвески с зубчатыми краями. В материалах неолитических памятников использование мыльного камня неизвестно.

На несомненный прогресс в материальной культуре обитателей Кольского полуострова в эпоху раннего металла указывают литейные формы для отливки кельтов и ножей, изготовленные из мыльного камня, и увеличение ассортимента бытовых предметов. Так, на Маяке II найдены четыре лампы с ручками для освещения жилищ, костяные ложки, тонкие иглы в игольниках, вязальные крючки, пряжки-застежки и т. д. Стремление к прекрасному отражают и многочисленные украшения из зубов животных, подвески, янтарные пуговицы и бусы.

Многочисленные радиокарбонные определения датируют памятники раннего металла Кольского полуострова временем от первой половины до конца II тысячелетия до н. э.

¹ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. — МИА, 1953, 39.

² Simonsen P. Varanger-Funnene II. — In: Tromso museums Skrifrer. Tromso-Nor-

way, 1961, v. VII, h. II, fig. 132, 140, 143.

³ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. — МИА, 1956, 47.

⁴ Римагтене Р. К. Художественные изделия стоянки Швянтоя 3. — В кн.: Па-

- мягники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- ⁵ *Гурина Н. Н.* О некоторых образцах древнего изобразительного искусства Кольского полуострова.— В кн.: Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982, вып. 10.
- ⁶ *Simonsen P.* Varanger-Funnene II, fig. 131, 140; *Yochelson W.* The Yukaghirs and the Yukaghirised Tungus (Yesup North Pacific Expedition, v. 9). Leiden, 1920—1924.
- ⁷ *Анисимов А. Ф.* Представление эвенков о шингэнах и проблема происхождения первобытной религии.— В кн.: Сб. МАЭ. Л., 1949, XII.
- ⁸ *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- ⁹ *Гондатти Н.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.— В кн.: Тр. Этнограф. об-ва любителей естествознания, археологии и этнографии. М., 1888, кн. 8; *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; *Иванов С. В.* Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура.— В кн.: Сб. памяти В. Г. Богораза. М.; Л., 1937.
- ¹⁰ *Савватеев Ю. А.* Залавруга: Археологические памятники низовьев р. Выг. Ч. I: Петроглифы. Л., 1970.
- ¹¹ *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—XX вв.).— В кн.: Народы Сибири и Дальнего Востока. Л., 1963.
- ¹² *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла...

Л. И. АВИЛОВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Энеолитические земледельческие культуры изучаются на территории Юго-Восточной Европы около 100 лет, в основном на материалах поселений. Не нужно доказывать важность исследования погребального обряда для культурно-хронологических сопоставлений, реконструкции социальных и культово-идеологических аспектов жизни древнего населения. Могильники культур Кукутени — Триполье, Гумельница, Тисаполгар — Бодрогкерестур позволяют ставить и решать эти вопросы на широком фоне. Названные культуры составляют часть обширной культурно-исторической общности земледельцев энеолита IV—III тысячелетий до н. э. Известны немногочисленные погребения на территории поселений и самостоятельные массовые могильники. Как правило, первые относятся к ранним этапам развития культур, вторые — к более поздним. Исключение составляет Гумельница, где оба типа комплексов хронологически не расчленяются¹. В литературе преобладает точка зрения о специфическом жертвенном характере интрамуральных погребений². Однако детальный анализ таких комплексов, относящихся к различным, но генетически и стадияльно близким культурам, позволяет трактовать их иначе.

Интрамуральным погребениям присуще чрезвычайно разнообразие обряда (поза, положение, ориентировка) в сочетании с крайне бедным инвентарем: преобладают безынвентарные погребения, нет захоронений с металлическими вещами. На территории одного памятника бывают вытянутые и скорченные костяки с различной степенью скорченности (Траян) и различной ориентировкой. Встречаются расчленения, в том числе погребения черепов (Фрумушика, Русе, Балбунар). Выразительно сочетание принципиально различных обрядов — ингумации и кремации — на одной территории и даже в пределах одного памятника (Веремье, Щербаневка).

Сказанное позволяет считать, что в период господства интрамуральных погребений погребального обряда в строгом смысле, как регламентированного комплекса представлений и действий, характерного для всей культуры, еще не существует. Но в то же время в этих погребениях уже прослеживаются все элементы, которые наблюдаются затем в экстрамуральных могильниках в упорядоченном и даже иногда территориально разграниченном виде (ср. обряд ингумации в позднетрипольских могильниках

правобережной Украины и Молдавии и кремацию в памятниках софиевского типа). Устойчивость традиции интрамуральных захоронений сказывается в том, что они сохраняются и на поздних этапах культур, когда большинство захоронений совершается в экстрамуральных могильниках.

При экстрамуральном обряде отмечается значительная унификация поз, положений, ориентировок. Погребения в основном инвентарные, фиксируется значительная имущественная дифференциация: в могильниках выделяются погребения родо-племенной верхушки и рядового населения. Набор инвентаря регламентируется для отдельных половозрастных групп коллектива (особенно ярко это проявляется в Тисаполгаре и Бодрогкерестуре)³, наблюдается концентрация металла в мужских могилах. Выделяются погребения вождей. Женские могилы значительно беднее, содержат в основном сосуды и украшения. Погребения детей занимают промежуточное положение — в целом они богаче женских и беднее мужских.

Массовость материалов (проанализировано более 1 тыс. погребений) и широта территории позволяют утверждать, что мы наблюдаем два этапа развития представлений, связанных с погребальным обрядом. Известны две его модели — интра- и экстрамуральная, закономерно сменяющие одна другую. Специфика Гумельницы заключается в том, что здесь обе модели сосуществуют, по крайней мере на каком-то этапе. Первая модель свойственна внутренним районам, более отсталым в культурном отношении. Вторая распространена на более развитых прибрежных территориях, что связано с ускоренным социальным развитием этих коллективов, в частности, с высоким уровнем металлообработки. В Триполье две традиции погребального обряда предстают разделенными во времени: на раннем и среднем этапах есть только интрамуральные погребения, на позднем — господствуют экстрамуральные могильники. В Тисаполгаре — Бодрогкерестуре констатируется не процесс перехода от одной модели к другой, а его результат, где вторая модель господствует при наличии слабых реминисценций первой.

Материалы погребальных комплексов дают возможность реконструировать некоторые идеологические аспекты жизни энеолитического населения, проследить в них более древние традиции. Известная с палеолита практика интрамуральных захоронений, помещение умерших вблизи жилищ, указывает, что источником этого обряда была кровнородственная организация коллективов. Отсюда идет приоритет коллективистских представлений, демонстрируемый интрамуральными погребениями: умерший член общины как бы продолжает оставаться ее частицей. Видимо, в этом комплексе понятий кроется причина нерасчлененности мира живых и мира умерших: они разграничиваются не качественно, а скорее территориально. Так, продолжает жить умерший Утнапиштим⁴, даже в средневековых источниках путешественники часто встречают в чужих странах умерших родственников⁵. Органичную связь интрамурального обряда неолита и энеолита с обществом ранних земледельцев демонстрируют материалы Чатал-Гююка, халафской культуры (Ярымтепе II), культур линейно-ленточной керамики, Старчева — Кереша.

При переходе к экстрамуральному обряду в рассматриваемых культурах распространяются индивидуальные погребения в бескурганых некрополях. Курганы в земледельческой среде неизвестны, они появляются только в позднем Триполье вместе с целым комплексом степных влияний. В это время происходит и переход позднетрипольского населения к скотоводству. Одиночные погребения отличают анализируемые культуры от более раннего пласта нео- и энеолитических памятников Причерноморья, где высок процент коллективных погребений (памятники мариупольского типа, могильники Хаманджии). Видимо, в период перехода к экстрамуральному обряду фиксируются определенные сдвиги в психологии древнего населения, обусловленные развитием и дифференциацией общественных отношений. Более четкие формы приобретает оценка человека как индивидуального члена коллектива, с особым местом в его структуре.

Параллельно идет унификация обрядовых характеристик, а также имущественных — вырабатывается определенный набор инвентаря для каждой половозрастной и социальной группы.

Преобладающая поза и положение погребенных в земледельческих культурах Юго-Восточной Европы — скорченно на боку (при интрамуральном обряде позы разнообразны). Традиция таких погребений восходит к неолитическим культурам Винча, Старчево—Кереш, Лендьел и резко отличает захоронения земледельцев энеолита от вытянутых на спине погребенных предшествующего степного и лесостепного неолита и от скорченных на спине — следующей по времени, древнейшей культуры. Это правило имеет и исключения, объясняющиеся конкретными особенностями анализируемых культур. В частности, вытянутая поза погребенных в гумельницких могильниках Варна и Девня может свидетельствовать об их связи с предшествующей культурой данной территории — Хамауджийей. В Чапаевском могильнике эта поза также обусловлена сложностью формирования памятников данного типа и отражает скорее всего влияние днепро-донецкого населения⁶.

Обряд ингумации типичен для земледельческих культур энеолита, хотя есть и некоторые исключения. В Тисаполгаре и Бодрогкерестуре, так же как и в предшествующей культуре Лендьел, известны немногочисленные сожжения (в могильниках, где основную массу составляют труположения)⁷. В Триполье этапа В есть ряд интрамуральных погребений по обряду кремации, а на этапе СII этот обряд становится основным в северном днепровском регионе. Этот факт наряду с сильными типологическими отличиями в материальной культуре днепровских памятников заставляет думать о сложном пути формирования данной группы и не позволяет связывать ее происхождение с классическим Трипольем по прямой линии. Появление кремации в среде земледельческих культур Юго-Восточной Европы невозможно объяснить заимствованием, так как на соседних территориях этот обряд неизвестен. Видимо, биритуализм следует считать закономерным, хотя и редким проявлением сложного внутреннего развития культуры, многообразия идеологических представлений ее носителей (ср. сожжения в халафской культуре — Ярымтепе II⁸).

Расчлененные захоронения встречаются во всех рассматриваемых культурах. Наиболее распространена практика отделения черепов, она представлена на поселениях (Фрумушика, Балбунар, Коломийщина I) и в могильниках. Если некоторые виды расчленений — отделение кистей рук, ступней ног — непосредственно связаны с представлением о вредоносной силе покойника, то содержание обычая отчленения черепов более сложно. Традиция почитания черепов восходит к докерамическому неолиту (Иерихон В, Бейсамун, Рамад, Чатал-Гуюк, Ярымтепе II, Лепенский Вир) и связана с архаической формой почитания предков в виде телесных останков⁹. Культовое использование черепов прослеживается и позже, в период бронзы (Усатово, курган Сушки). Однако черепа из Усатовских курганов скорее всего были не самостоятельными объектами поклонения, а следами жертвенных церемоний, совершенных по отношению к погребенным в центральных могилах. Об этом свидетельствует их периферийное положение в кромлехах, боковых погребениях. Таким образом, эта архаическая традиция, фиксируемая у древнейших представителей производящей экономики, оказывается весьма устойчивой.

Культовое использование черепов связано иногда с изготовлением на их основе масок, изображающих человеческое лицо. Эта традиция распространена в неолите Восточного Средиземноморья. Знаменательны череп с лепной маской из Траяна (Кукутени АВ)¹⁰, а также три рельефные глиняные маски с золотыми накладками из кенотафов Варны¹¹. Если первый тип изображения должен был, видимо, закрепить конкретный облик данного предка, то маски из Варны можно трактовать как изображение обожествленных персонажей (предков, предка-прародителя, героя мифов). В подобные изображения, по представлениям древних, могли вселяться духи умерших для получения приносимых им жертв¹². Эти пред-

ставления фиксируются письменными источниками с додинастического Египта до античности. Традиция изготовления антропоморфных масок распространена не только в Гумельнице. Существует статуэтка мужского божества из Сегвар-Тюзкёвеша, относящаяся к культуре Тиса. Его плоско срезанное лицо с выступающими краями трактуется как маска, возможно деревянная¹³.

Таким образом, маски являются существенным компонентом погребального культа и культа предков, возможно обоженных. Их изготавливали на основе черепа и без него; вторая разновидность представляется более развитой, символической формой сходных представлений: в обоих случаях маски фиксируют антропоморфный облик предка или божества.

В собственно трипольской культуре маски не обнаружены, но известны монументальные изображения человека (Александровка, Усатово). В познетрипольских погребальных комплексах широко распространены антропоморфные статуэтки. Их семантика заключается в отражении идеи плодородия. Присутствие их в погребениях говорит о тесной связи заупокойного ритуала с аграрными культами, производящей магией. Характерно, что статуэтки преимущественно находятся в детских могилах. Видимо, это отражает стремление обеспечить продолжение рода в будущем. Возможно трактовать эти фигурки и как амулеты-обереги: отношение к культу домашнего очага хорошо документировано их находками на поселениях, а также моделями жилищ. Антропоморфные статуэтки в погребениях позднего Триполья, как и расписная керамика, — пережиточное явление, связывающее эту синкретическую культуру периода ранней бронзы с неолитической традицией. Это подтверждается и деградацией форм статуэток от условно реалистических выхватинских к условным усатовским и к предельно схематизированным «ермолаевского» типа.

Во всех анализируемых культурах прослеживается обычай сооружения кенотафов. Наиболее яркие примеры относятся к Гумельнице (Варна, Девня) и Усатову. Широко распространено мнение, что это «заочные» погребения¹⁴. Действительно, известны архаические представления о том, что если не совершить погребальных церемоний для тех, чей прах недоступен для захоронения, то духи их становятся вредоносными¹⁵. Кенотаф мог быть также своеобразной имитацией погребения человека или обоженного персонажа: известны кенотафы египетских фараонов, тела которых похоронены в другом месте.

Сооружение кенотафов тесно связано с обычаем расчленения. Целью обоих ритуалов было умножение погребений одного и того же человека (мифического персонажа). Так, в каждом египетском номе была захоронена и почиталась часть тела Осириса. Тело мифического конунга исландских саг Хальвдана Черного было расчленено и похоронено в четырех частях Норвегии: люди «считали, что это обеспечивало бы им урожайные годы»¹⁶. Культ погребенных вождей исходит из того, что при жизни им приписывается особая духовная сила, «мана», или по средневековой терминологии «удача», которая должна принести процветание племени или стране. Эти сверхъестественные возможности обуславливают совмещение в лице вождя или царя двух функций — собственно царской и жреческой, характерное как для первобытных, так и для раннеклассовых обществ. Соответственно и после смерти вождя духу его приписывали большое могущество и способность оказать помощь живым соплеменникам. Эта помощь касается прежде всего урожая и изобилия¹⁷.

Кенотафы могут представлять собой и остатки церемоний, связанных с посмертными жертвоприношениями умершим предкам и вождям. Примеры такого посмертного поклонения сохранились в письменных источниках. Люди «насыпали большой курган и сделали в нем дверь и три окна. А когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года. Все подати они ссыпали в курган, в одно окно — золото, в другое — серебро, в третье — медные деньги. И благоденствие и мир сохранялись»¹⁸. Сходные посмертные жертвы опи-

саны и в «Одиссее». Призывая тень прорицателя Тиресия, Одиссей устраивает жертвоприношение, для чего роет яму, совершает возлияние, режет барана и овцу¹⁹. Яма представляется довольно точным подобием культовой ямы или кенотафа.

Правомерно поставить вопрос, не являются ли богатые кенотафы Варны и Девни, жертвенные площадки Виницы, специальная яма из Усатовского кургана I-9, культовые ямы поздне трипольских могильников остатками ритуалов посмертных жертвоприношений вождям и предкам вообще. Сходные предположения высказывает и В. Г. Збеневич²⁰. От том же говорит и стратиграфически более поздняя позиция культовых ям по отношению к центральному погребению, отмеченная в некоторых Усатовских курганах (I-9, II-2).

Структура общества древних земледельцев, в той мере, в какой она отражена в погребальных комплексах, предстает динамичной и достаточно сложной, но при этом она мало зависит от конкретных особенностей культуры. Вначале это недифференцированные в имущественном плане интрамуральные погребения, затем — могильники с унифицированным обрядом и выраженной имущественно-социальной дифференциацией. В могильниках выделяются погребения мужчин-вождей или иных лиц высокого социального ранга с богатым и социально значимым инвентарем, в частности, с парадным оружием. Они резко отличаются от обычных захоронений, которые можно отождествить с погребениями рядовых общинников. Есть и мужские захоронения промежуточного статуса — с металлическими вещами, не имеющими характера знаков власти. Вероятно, эти захоронения принадлежат главам патриархальных семей или воинам. Редки погребения, явно подчиненные по отношению к другим (Усатово, курган I-3; Девня, погребение 17), — возможно, так хоронили представителей социально низшей категории населения. Сходную в целом социальную структуру имеет некрополь Варны, несмотря на уникальное скопление богатств в погребении вождя и кенотафах. Такое положение сохраняется до финальных этапов трипольской культуры, когда в южном регионе появляются отдельные небольшие некрополи (Данку, Данчены), принадлежащие малым семьям. Обоснована точка зрения о связи этого явления с переходом поздне трипольского населения к скотоводству и возросшей самостоятельностью и подвижностью малых семей²¹. Таким образом, в имущественно-социальной сфере также отражается зависимость погребального обряда от экономической модели общества.

Итак, складывается следующая картина: земледельческие культуры Юго-Восточной Европы в период энеолита обладают характерным комплексом черт погребального обряда. Ряд этих черт, в том числе весьма специфических, появляется как бы в готовом виде и имеет точные аналогии в более ранних неолитических земледельческих культурах Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Все это подтверждает связь ритуальной, идеологической сферы с экономическими системами древних обществ, в данном случае — с земледельческим укладом экономики.

¹ Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София, 1979, с. 53.

² Бибигов С. Н. Ранне трипольское поселение Лука Врублевца на Днестре. — МИА, 1953, 38, с. 196—275; Dumitrescu H. Découvertes concernant un rite funéraire magique dans l'aire de la civilisation de la ceramique peinte du type Cucuteni-Tripolje. — In: Dacia. Nouv. ser., 1957, v. 1.

³ Авилова Л. И. Погребальный обряд земледельцев энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Вестник МГУ, 1981, сер. VIII, № 3.

⁴ Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше. Пер. с аккадск. М.; Л., 1961, с. 68.

⁵ Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1981, с. 231.

⁶ Круц В. А. Поздне трипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев, 1977, с. 75, 76.

⁷ Anđel A. Pohrebisko z doby medenei v Tibave na východnem Slovensku. — In: Slovenska archeologia. Bratislava, 1958, v. 6, s. 41; Patay P. Rézkori temető leletei Jászladányból. — In: Archeologia Ertesítő. Budapest, 1944—1945.

⁸ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры. — В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

⁹ Cauvin J. Les premier villages de Syrie-Palestine du IX-ème au VII-ème millenaire avant J. C. Lyon, 1978. p. 135.

- ¹⁰ Necrasov O. C., Nicolaescu-Ploșor D. Etude anthropologique des squelettes neolithiques appartenant à la culture de la céramique peinte Cucuteni—Tripolie, decouvertes à Traian.— In: Analele științifice unei universități «Al. I. Cuza» din Iași. Ser. nouă, 1957, t. II, 1/2: Științe naturale: geografie.
- ¹¹ Иванов И. Съкровищата из варненския халколитен некропол. София, 1978; Он же. «Золотой» некрополь Варны.— Природа, 1976, № 2.
- ¹² Фюстель-де-Куланж. Древняя гражданская община. М., 1903, с. 11—27.
- ¹³ Титов В. С. Поздний неолит.— В кн.: Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980, с. 354, рис. 214.
- ¹⁴ Тодорова Х. Энеолит Болгарии, с. 23.
- ¹⁵ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 86.
- ¹⁶ Стурлусон Снорри. Круг земной, с. 42.
- ¹⁷ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 67.
- ¹⁸ Стурлусон Снорри. Круг земной, с. 16.
- ¹⁹ Гомер. Одиссея, II, 515—540.
- ²⁰ Збенович В. Г. Поздне трипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974, с. 122.
- ²¹ Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья. Кишинев, 1980, с. 153.

И. И. ЗАЕЦ, Э. В. САЙКО

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КЛИЩЕВА

Трипольская культура — одно из наиболее ярких явлений первобытной истории, когда развитие раннеземледельческих племен определяло перспективную линию исторического прогресса. В то же время племена трипольской культурной общности не стали активными носителями прогрессивной тенденции перехода раннеземледельческих обществ на следующую историческую ступень развития, на стадию цивилизации. Это положение определялось комплексом обстоятельств и спецификой конкретно-исторической ситуации развития племен трипольской культуры. В числе особенностей, определяющих характер исторического развития трипольской культуры, — условия расселения трипольцев и формирование устойчивых локальных вариантов организации жизнедеятельности конкретных племен. Уже в период раннего периода культуры Триполье — Кукутени намечается формирование локальных различий, а для среднего периода этой культуры исследователи четко говорят о выделении ее локальных вариантов, устанавливая конкретные показатели таких различий (наличие или отсутствие укреплений, особенностей жилищ, их планировка, наличие или отсутствие в доме печей и т. д.)¹. Такая локализация обуславливалась мобильностью отдельных племен, временем заселения конкретных областей, природными условиями, характером контактов с соседями, внутренними возможностями развития экономики, степенью ее динамичности и т. д. Экономической формой выражения такой историко-культурной локализации явилась высокая вариабельность организации хозяйственной деятельности².

В качестве локальных вариантов выделяются, например, поселения северной части Прутско-Днестровского междуречья; памятники южной части междуречья; южнобугская группа памятников; группа памятников Верхнего Поднестровья; поселения, расположенные в междуречье Южного Буга и среднего Днепра.

В качестве особого варианта внутри локальной южнобугской группы памятников выступает, очевидно, культурный комплекс среднего течения Южного Буга. Характеристику этого комплекса, сложившегося здесь на среднем этапе развитого Триполья, дает поселение Клищев, для которого выделяется комплекс сочетающихся особенностей, намечающихся в планировке поселений, жилищ, их оформлении, в организации хозяйственной деятельности³. Это довольно полно исследованное поселение является своего рода эталоном трипольских памятников развитого периода на среднем течении Южного Буга в конце IV тысячелетия до н. э.

Важное место в характеристике производственной деятельности трипольских племен в данной конкретно-исторической ситуации (и в рамках общей культурно-хозяйственной традиции) занимает керамическое производство.

Керамический комплекс Клищева весьма выразителен и отличается безусловным своеобразием. Основные формы керамики, особенности ее декорировки в определенной степени уже нашли отражение в публикации⁴. Поэтому в данном случае рассматриваются в основном технические показатели керамики и особенности технологических приемов ее изготовления.

Показателен для Клищева уже ассортимент керамического комплекса и в частности распределение наиболее характерных видов гончарных изделий. Нерасписная керамика в целом составляет здесь 66,9%, в том числе с углубленным орнаментом — 26,4%, с каннелюрами — 8,8%, кухонная — 31,7%. Между тем, например, в среднем культурном слое Солончен II особенно многочисленна расписная керамика с двуцветной и одноцветной росписью⁵; в Поливановом Яре II, относимом Т. А. Поповой к переходному времени от этапа VI к этапу VII, расписная керамика составляет 85%, с углубленным орнаментом — 1%, кухонная — 14,5%⁶. Расписная керамика в Клищеве составляет 33%, т. е. половину столовой посуды.

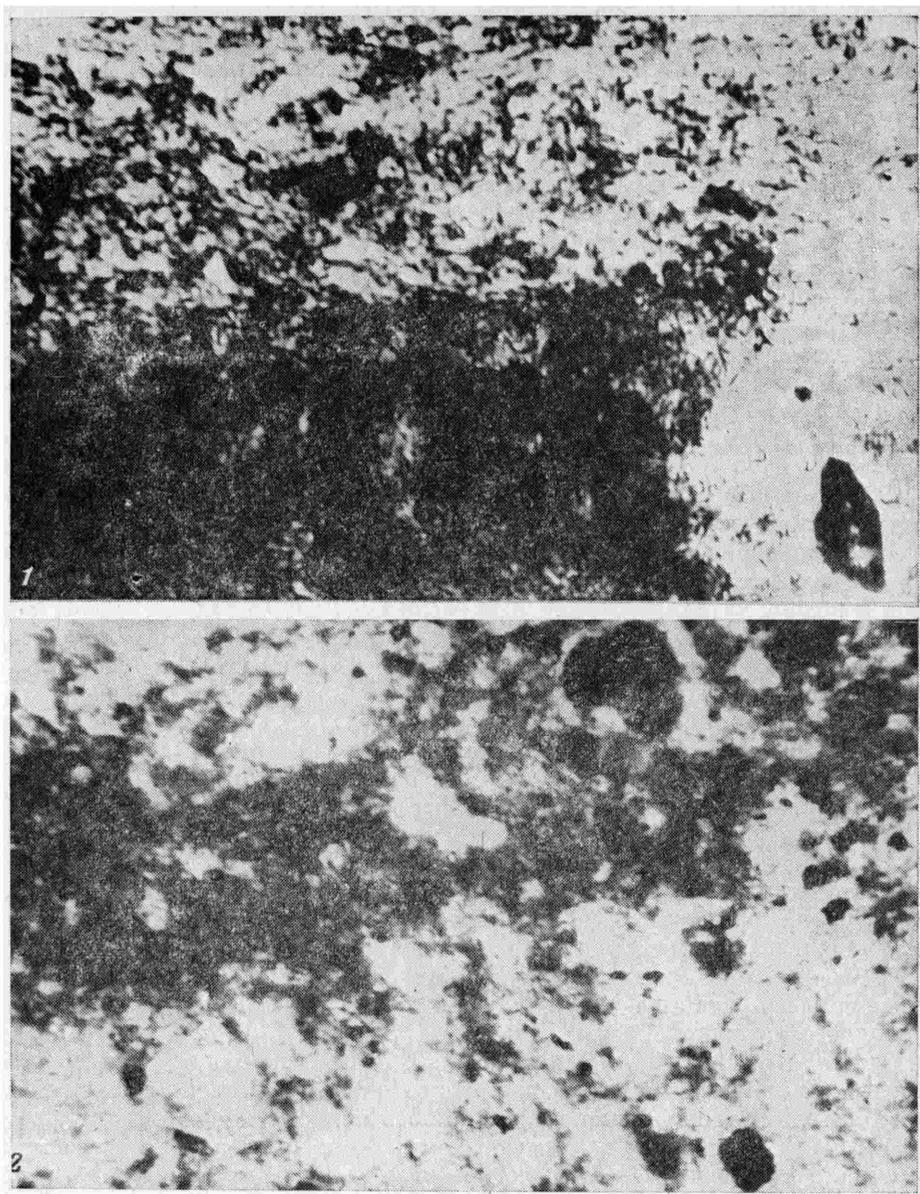
Специальному изучению подверглись глиняные массы отобранной (после соответствующей обработки и дифференциации материала) группы, включившей характерные образцы основных видов клищевских изделий. Целью исследований было выявить особенности используемых приемов в целом, их единообразие или различия для различных видов керамики, степень выраженности интегративных моментов. Прежде всего обращает на себя внимание разнообразие (по данным микроскопического, включая петрографического анализ, и химического исследований, технических испытаний) технических приемов уже на первой стадии изготовления изделий — подготовки формуемых масс за счет использования разного исходного сырья, ассортимента отощающей примеси, разного характера замеса, степени обработки.

По этнографическим данным известно, что женщины-мастерицы в домашнем производстве керамики использовали в разных районах излюбленные, технически наиболее пригодные для конкретных местных глин отощающие примеси: песок — в одних случаях, дресву — в других⁷. А. Шепард, исследуя особенности археологической мексиканской керамики верховьев Рио-Гранде, дифференцирует ее на основании фиксируемых примесей, связываемых, в частности, с локальными особенностями природного материала разных районов⁸.

Однако известно применение разных отощителей при изготовлении посуды в одном поселении и одинаковых — на поселениях разных районов. Длительное сохранение традиционного подбора строго определенного отощителя, как правило, связывается с законсервированными формами домашнего производства. Археологически в большей или меньшей степени фиксируется устойчивость норм отощения глиняных масс в изделиях ранних земледельцев. Однако в историческом развитии технология использования отощителя при изготовлении глиняных масс представляется как достаточно сложный, многопланово обусловленный процесс. Но при всех условиях характер отощения глиняных масс выступает важным показателем (особенно при учете всей технологической схемы обработки глины) в оценке технических особенностей керамического производства и в решении конкретных вопросов его развития⁹.

Клищевские мастера в качестве исходного сырья использовали различные виды и варианты глин: глины каолиновые, каолинит-гидрослюдистые, гидрослюдистые, хромит-гидрослюдистые, гидрослюдисто-нон-гранитовые. В составе сырьевого материала — карбонатные породы, в том числе ракушечник, глинистый сланец, гранитные породы, кварц.

Специальный анализ искусственных силикатов — черепка основных видов изделий — выявил использованные при изготовлении керамики Клищева приемы подготовки и обработки глиняных масс. Расписные изделия, представленные сосудами разных форм, разных размеров, с монохромной или полихромной росписью и т. д., имеют разные по составу, структуре

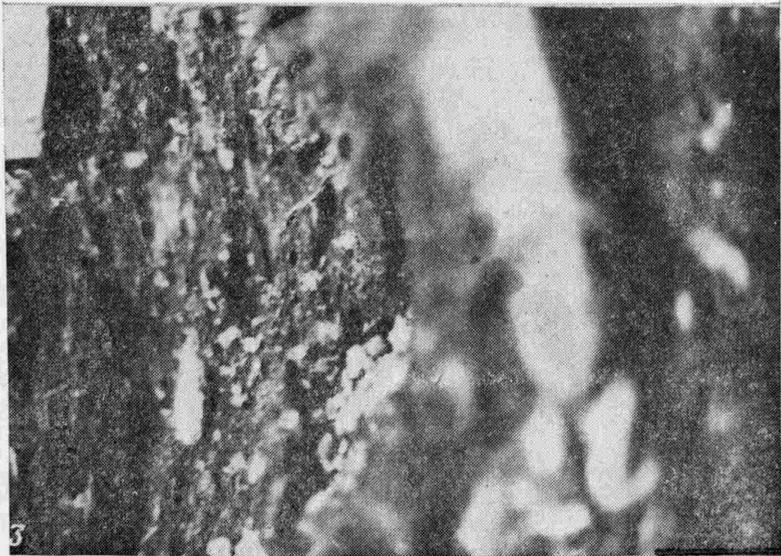
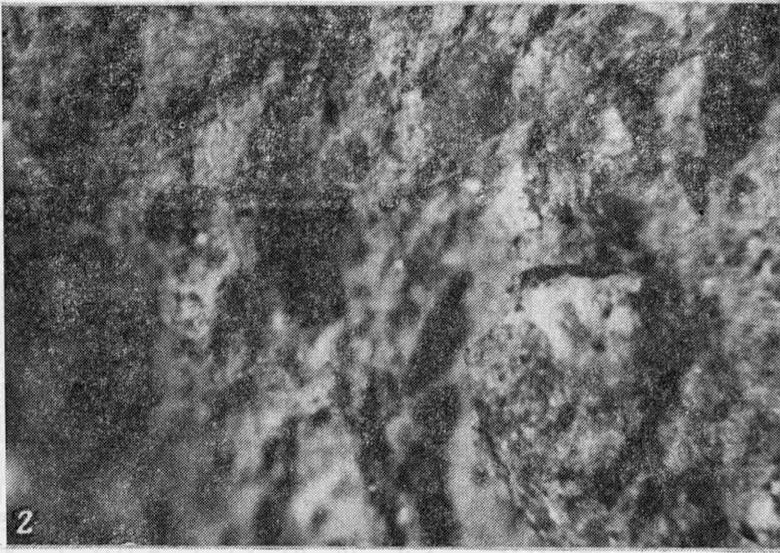
Рис. 1. Структура глиняных масс изделий с рельефным украшением. Микрофотографии (1, 2)

силикатные массы. Это, например, массы из гидрослюдистой глины плотной упаковки. Кластический материал в ней достаточно однообразен для всей группы изделий, изготовленных из таких масс. Это кварц, микроклин, плагиоклаз, слюдистокварцевая порода, гидрослюда и др. В качестве дополнительной примеси отмечаются обломки песчанистой глинистой породы и отдельные зерна кварцевой. Размеры остоающей примеси 0,1—0,7 мм. Обычно они остроугольные, иногда округлые. Такие массы связываются, в частности, с тонкостенными небольшими сосудами средней толщины с монохромной росписью.

Другая группа расписных изделий изготовлена из каолинитовой гли-

Рис. 2. Поперечные срезы черепка. Макрофотографии →

1, 2 — тонкостенные сосуды с поверхностью, покрытой каннелорами; 3 — горшкообразный сосуд с рельефным украшением

ны, алевритовая примесь в которой составляет 20—25%. Размеры кластического материала 0,05—0,1 мм. В основном зерна окатаны или полуокатаны. С двух сторон эти изделия имеют плотные, достаточно толстые обмазки из глины каолинит-гидрослюдистого типа. Обжиг изделий чаще более высокий, чем в первой группе.

Следующую хорошо выделяемую значительную группу составляют изделия из глиняных масс, отощенных зернами кварцевого материала, составляющего 15—18% всей массы. Глиняные массы этих изделий более рыхлой упаковки, замес неровный. Как правило, изделия, изготовленные из этой массы, отличаются от других расписных изделий некоторой небрежностью обработки внутренней поверхности, особым, менее четким профилем.

Среди расписных изделий имеются образцы повторяющихся глиняных масс с растительным отощителем и масс с отощителем в виде примеси зерен глиняной породы.

В числе ведущих типов изделий в клищевском комплексе — сосуды с углубленным рельефным орнаментом. Среди них — крупные сосуды грушевидной формы, разной высоты — от 20—25 до 50 см, диаметром в наиболее широкой части до 40 см, крышки, биноклевидные сосуды, миски и т. д. Для изделий рассматриваемого вида показательно разнообразие вариантов структур керамической массы (рис. 1). Различие структур и общего вида этих масс определяется разным характером используемых глин и отощающих примесей. В числе отощителей выступают слюдястый песок, различного рода глинистый отощитель, каменистые отсортированные породы. В последнем случае фиксируются зерна кремнистых пород, дробленого гранита, слюды, угловатые зерна кварца. Содержание специально введенного отощителя различно — от 5 до 15%. Обращает на себя внимание неравномерность его разброса. В качестве отощителя глины очень часто используется естественная гранитная крошка, образующаяся в расщелинах гранитных обрывистых выходов по берегу Южного Буга и собранная у реки. Об этом свидетельствуют переотмытость материала, закругленные углы многих крупных зерен. Размеры зерен отощителя достигают 2—3 мм. Как показали микроскопические анализы материала, доля введенного отощителя в виде каменистой породы, как правило, колебалась от 7—8 до 15%. Калибровка его была разной, но четко выдерживались более или менее крупные размеры основной части. Распределение в массе в основном неравномерно.

Глинистый отощитель представлен здесь плотной тонкоструктурной, инородной по отношению к основной массе глиной в виде оформленных крупных включений разного вида и размеров.

Для изделий, именуемых в литературе «керамикой с поверхностью, покрытой каннелюрами», намечается несколько иной подбор формуемых масс. Что касается отощающих примесей, то в целом природа основного материала сохраняется — это песок, зерна глинистого материала, толченый ракушечник, изредка каменистая порода — как правило, округлая мелкая галька (рис. 2). В качестве связующей и основы выступают, как правило, каолинит-гидрослюдистые, гидрослюдистые с повышенным содержанием карбоната и карбонатные глины. Содержание кластического материала различно и варьирует в широком интервале от 10—15 до 35%. Состав довольно разнообразен — кварц, полевой шпат, слюда, слюдястые сланцы, эффузивы, зерна амфибола, рутила, рудные и т. д. Форма зерен остроугольная и округлоугольная.

Очень выразительную группу изделий составляют сосуды довольно грубой выделки типа котлов, часто с темной поверхностью и характерным оформлением прямого венчика («жемчужный» орнамент) и плечиков сосуда.

Эта группа изделий представлена различными по размерам (порой очень крупными — высотой до 30—40 см и диаметром 30—40 см), толщине стенок, высоте и характеру оформления венчика вариантами. Для них показателен особенно широкий ассортимент используемых масс и наи-

более широкий и разнообразный по форме, величине и наполнению отощитель. По характеру рельефного оформления плечиков и венчика, профиля, окраски поверхности и обработки внутренней поверхности здесь намечаются два устойчивых варианта.

Изучение особенностей отощающих примесей в массах изделий первого варианта позволило в их числе назвать: 1) песок мелко- и крупнозернистый; 2) каменистую породу — дресву (как правило, кремнистые сланцы, граниты, слюдястый материал); 3) толченый ракушечник; 4) крупные зерна карбонатных пород; 5) глинистый сланец; 6) зерна плотных глинистых светложгущихся тонкодисперсных пород, ожелезненной плотной глины, глинистой массы с высоким содержанием мельчайших зерен кластического материала, плотной глины каолинового типа с мелким, неровно разбросанным кластическим материалом. Содержание отощающего материала достигает 30 и даже 40%. Размеры зерен отощителя — шамота, песка, дресвы, сланца и т. д. — различны. В качестве связующего выступают чаще всего гидрослюдисто-карбонатные, пелитокриптолепидобластовые, каолинит-гидрослюдисто-нонтронитовые глины с примесью криптозернистого карбоната, криптозернисто-известковая глина и др. В последнем варианте содержание окиси кальция достигает 25—30%.

Изделия второго варианта изготавливались в основном из гидрослюдисто-карбонатной глины с довольно значительной добавкой крупнодробленной каменистой породы. Содержание специально введенной отощающей примеси достигает 25—30%. Размеры основной части зерен колеблются в пределах 0,3—2 мм.

Такое разнообразие вариантов в сочетании глиняных масс и отощителя на одном поселении служит своего рода основанием для заключения об отсутствии главного технического принципа их изготовления, интегрирующей тенденции, при этом не только для изделий разных типов (для которых в ряде случаев и прослеживается связь с определенными типами глиняных масс), но и для однотипной керамики. Одновременно в ряде случаев можно говорить об устойчивых технологических схемах, основанных на единстве приемов отощения глиняных масс, используемых для изготовления изделий разного рода, не только по составу отощителя, но и по характеру замеса, хотя и при наличии вариаций в деталях (степень насыщения отощителем, плотность массы и т. д.). Это, например, схема, в основе которой лежит использование плотных тугих глиняных масс, изготовленных на базе каолинит-гидрослюдистых глин с использованием каменистого материала в качестве отощителя — гранитной крошки, кварца, иногда с добавлением сланцевых пород. Из таких масс изготавливались изделия расписные, изделия с рельефным украшением. Вторая технологическая схема связывается с карбонатной глиной и карбонатным отощителем в виде плотной карбонатной породы обломочного характера, угльбой формы, довольно крупных размеров (до 0,7—0,9 мм) и ракушечника.

Особый вариант составляют массы, отощенные зернами глинистой породы. Однако при повторяемости масс такого типа они выглядят несколько обособленно. По характеру обработки они близки к первому варианту технологической схемы. Между тем, этот вариант, как показали исследования, достаточно показателен для более раннего памятника (VI) Троснянца, известен, например, в Ладыжинском комплексе и активно развит в районах Среднего Побужья в более поздний период.

Итак, для Клищева уже по данным предварительных специальных исследований вырисовывается достаточно сложная картина использования различных технических приемов, схем (разных, в частности, для однотипных изделий), свидетельствующая о децентрализованном характере производства керамики. Возможно, в будущем такое различие более отчетливо свяжется с тремя основными комплексами жилищ, с тремя гнездами их группировки. При этом, с одной стороны, выявляются приемы подготовки формовочных масс, устойчивые для трипольских памятников рассматриваемого времени (карбонатные глины с карбонатным

отоштителем в рамках традиционного способа — использования глинистого отоштителя); с другой — оригинальные клищевские (широкое использование каменистого материала, в том числе в глинистых массах расписных изделий — здесь активно использовались кварцевые породы). В комплексах памятников других районов для расписных изделий, как правило, отмечаются «чистые» или отощенные различного рода глинистыми породами массы. В Клищеве использование каменистого материала возникло как результат местных возможностей употребления особого сырья: гранитной крошки и кварцевых россыпей в связи с местными глинами. Специфическим в общей системе технологических средств обработки глиняных масс выглядит прием отошения их примазками, рыхлыми ожелезненными глинистыми породами. Этот прием выступает как переработка старой традиции отошения формовочных масс глинистым материалом, которая ведет начало от использования обычной глиняной пересушенной глины в массе ранней трипольской керамики до применения более сложной совокупности глинистых пород — различного рода глинистых сланцев, мягких ожелезненных пород, запесоченных каолиновых пород, отмеченных и позже.

В целом же для технологии обработки глины в Клищеве показателен общий традиционализм. При учете временных, общих в историческом развитии керамического производства достижений четко вычлняется традиционность в обработке глиняных масс, характере смешивания глин, не столько проминки и перемешивания, сколько в смешении ее.

Своеобразие технических приемов намечается и в формовке клищевских сосудов, прежде всего в дополнительной обработке поверхностей и профиля. К числу особых черт относится, например, прием страховки венчика горшкообразных сосудов применением глиняной подкладки с внутренней стороны венчика.

Реконструкция температурных условий обработки клищевских керамических изделий (на основе петрографических исследований, кривых водопоглощения и выборочных термографических и рентгеновского дифракционного анализа) позволила, во-первых, установить различие температур обжига; во-вторых, отметить в целом относительно низкий и неустойчивый температурный режим для основной части керамики; в-третьих, выделить три устойчиво повторяющиеся температурные режимные нормы. Первая — температура обжига 600—800°, вторая — 700—750°, третья — 850° при возможном повышении температуры до 950°.

Обращает на себя внимание различие в степени обжига изделий не только разных типов, но и одного. Особенно большие перепады отмечены для изделий с углубленным рельефным украшением. Здесь, судя по состоянию глиняной массы, разница в температуре тепловой обработки материала для разных образцов достигает 300° (650° — для одних и 950° — для других). Для некоторых котлообразных кувшинов температура обжига достигала 950—1000° (что было подтверждено рентгеновским методом). Для многих изделий, украшенных росписью, сосудов с рельефной ornamentацией, котлов с «жемчужным» украшением, изделий с грубой обмазкой характерен неравномерный и неровный по толщине прожог.

Таким образом, обжиг клищевских изделий осуществлялся при разной температуре, причем интервал используемых температур был достаточно широким — от 650—700 до 900—1000°. Выдержка высоких температур, как правило, была непродолжительной. Разброс температур, отмеченный для клищевских изделий одного вида, естественно объясняется недостаточно отработанным регулированием обжига. Перепад в температуре и различие в термических изменениях масс изделий различных типов скорее всего могли быть связаны с перепадами температуры в разных участках печи. Возможно также, что разные группы изделий обжигали в разных условиях. Но представляется в то же время не случайной устойчивостью сравнительно низких и определенных температур, а также характера поверхности — темной (например, для одной из наиболее распространенных групп изделий горшкообразной формы с прямым венчиком), что свиде-

тельствует о преобладании в камере печи восстановительной среды. Такая устойчивость, возможно, вызвана сохранением в Клищеве более древних производственных традиций для изготовления изделий этого конкретного типа, получение которых обеспечивалось именно такими условиями обжига (хотя для этого периода известны уже двухъярусные гончарные горны, судя по обнаруженным в Веселом Куте)¹⁰.

Таким образом, техническими показателями керамики Клищевского поселения характеризуются не только технологические особенности ее изготовления, но и ее специфика, указывающая на локальность клищевского варианта трипольской культуры. Это проявляется в освоении специфических приемов обработки глин, обусловленных возможностями местного сырья. В особой форме это прослеживается и в подготовке глиняных масс группы расписных изделий, тесто которых отощено крупными зернами кварца, в отличие от других (с растительной примесью, глинистыми породами), в том числе плотных «отмученных», отмечаемых в литературе как характерных для расписных сосудов рассматриваемого времени. Показательно, что массы такого типа с крупными кварцевыми зёрнами отмечаются для традиционной керамики с рельефным украшением. Сказываются особенности клищевской керамики в устойчивом сохранении традиционных приемов отощения и замеса глиняных масс, связываемых с традиционными типами изделий предшествующего периода, но в своеобразном выполнении (многокомпонентность отощителя).

В то же время здесь намечаются технические приемы, имеющие дальнейшее развитие в более поздних памятниках исследуемого района. И, наконец, в комплексе выделяется керамика, по техническим показателям выпадающая из местных схем, которая может свидетельствовать о контактах с соседними племенами, более активно осваивающими новые технологические схемы производства керамики (например, расписной). При всей неоднородности материала здесь достаточно четко выделяются два разных технологических уровня и не менее трех устойчивых технологических схем изготовления керамики.

Все изложенное свидетельствует о сложных условиях формирования местного производства керамики, его специфике, и одновременно о некоторой своего рода заторможенности в развитии. В свою очередь вместе с другими показателями такие данные определенным образом характеризуют особенности среднебугского варианта жизнедеятельности трипольцев и — шире — конкретные формы процесса децентрализации и локализации в историческом развитии племен трипольской общности.

¹ Энеолит СССР. М., 1982. Сер. Археология СССР, с. 210—212.

² Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ (к постановке проблемы). — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972, вып. 1, с. 16.

³ Энеолит СССР, с. 211, 212.

⁴ Заец И. И. Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (этап VI—VII). — СА, 1974, № 4, с. 180—200.

⁵ Мовша Т. Г. Многослойное трипольское поселение Солончены II. — КСИА, 1965, 105.

⁶ Попова Т. А. Древние земледельцы Среднего Поднепровья в IV—III ты-

сячелетиях до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972, с. 9.

⁷ Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959.

⁸ Shepard A. Rio Grande Glaze-Paint Pottery: A Test of Petrographic Analysis. — In: Ceramic and Man. N. Y., 1965, p. 62—86.

⁹ Сайко Э. В. К характеристике ранне-трипольского керамического производства. — КСИА, 1982, 169, с. 38—43.

¹⁰ Цвек Е. В. О времени обособления гончарного ремесла в трипольском обществе. — В кн.: XVII конференция ИА АН УССР: Тез. докл. Киев, 1978, с. 5.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАРЫЕ КУЖОНЕШТЫ

Трипольская керамика является важным и постоянно используемым в исследовательской практике археологическим источником. Ее изучение способствует решению сложных проблем, связанных с периодизацией, социальной структурой общества и его хозяйственно-экономическим обликом. Однако исследователи, широко привлекая керамический материал, чаще всего применяют для его обработки формально-морфологические методы. Вопросы технологии гончарного производства рассматриваются фрагментарно и без определенной системы, хотя именно технологический анализ дает существенные дополнительные сведения по названным проблемам.

Настоящая статья является опытом технологического анализа керамики Триполья. Сформулирую основные задачи такого анализа. Первая задача состояла в том, чтобы проследить, как соотносятся морфологические особенности трипольской керамики с особенностями, выделенными по результатам ее технологического анализа. Вторая задача сводилась к непосредственному анализу трипольской керамики с тем, чтобы выявить специфику культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс) и выявить на этой основе общие вопросы истории населения.

Решение поставленных задач складывалось из разбора нескольких сюжетов. Для первой задачи рассматривался вопрос о связи морфологических групп, объединяющих посуду по однородным способам обработки поверхности (включая особенности орнаментирования), и групп, выделенных по особенностям исходного сырья и состава формовочных масс. В рамках решения второй задачи разбирались следующие вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; 2) выяснение местных и неместных культурных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; 3) признаки смешения этих традиций.

Исходным материалом для анализа послужила керамика поселения Старые Кужонешты, относящегося к памятникам трипольской культуры этапа VI¹. Керамический комплекс поселения представлен несколькими морфологическими группами, различающимися по способам обработки и орнаментирования внешней поверхности сосудов: группа А — посуда с расписной поверхностью; Б — с углубленным орнаментом; В — с каннелированным орнаментом; Г — с гладкой поверхностью без орнамента; Д — с грубо обработанной поверхностью без орнамента или с рельефным орнаментом; Е — с неопределимыми морфологическими особенностями.

Поверхность керамики группы А хорошо обработана лощением и покрыта двух- или трехцветной росписью, нанесенной до обжига. Для керамики группы Б характерно покрытие поверхности сильно углубленными врезанными линиями. Керамика группы В — «каннелированная» — орнаментировалась неглубокими, полукруглыми в профиле желобками. Поверхность керамики группы Г тщательно заглаживалась или лощилась, но оставалась неорнаментированной. Группу Д образуют сосуды с небрежно выполненной поверхностью, часто имеется еще дополнительное покрытие в виде шероховатого слоя глины.

Своеобразие каждой морфологической группы достаточно очевидно и свидетельствует о не случайном характере этих особенностей.

Исходя из различия внешнего облика, трипольскую глиняную посуду довольно часто разделяют на «кухонную» и «столовую», предполагая определенные технологические принципы при ее изготовлении и соответствен-

но разную сферу использования. Для проверки и потребовалось выяснить, различаются ли морфологические группы по технологии. Результаты такого сопоставления даны в ходе дальнейшего изложения.

Охарактеризую источниковедческую базу, которая лежит в основе всех дальнейших аналитических рассуждений, а также кратко остановлюсь на источниковедческих возможностях технологической информации для изучения истории древнего населения. Детальной обработке подвергался материал одного жилища поселения Старые Куконешты, в пределах которого найдено около 4 тыс. обломков посуды всех морфологических групп. Для технологического изучения были отобраны обломки донных частей — 310 экз. Подобный подход позволяет в дальнейшем оперировать не числом фрагментов неизвестного количества сосудов, а числом самих сосудов.

Технологический анализ проводился под бинокулярным микроскопом МБС-2 по методике, разработанной А. А. Бобринским². Изучались следующие особенности керамики: 1) отличительные особенности глин, использованных для изготовления посуды; 2) состав минеральных и органических примесей, специально вводимых в глину.

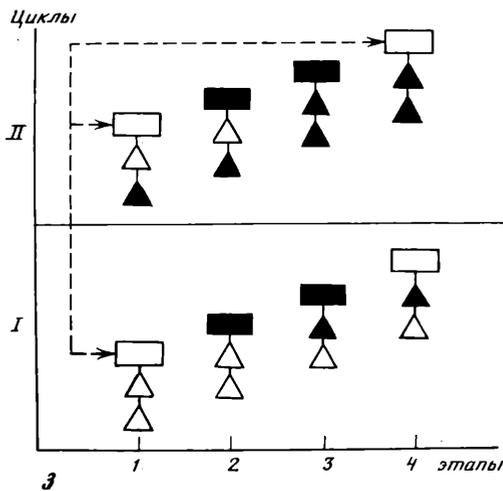
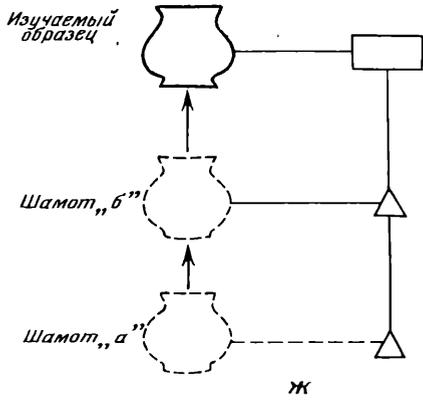
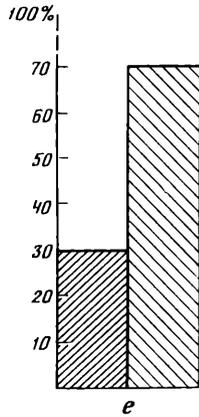
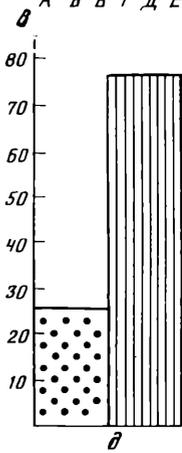
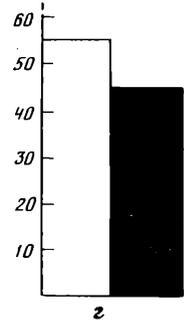
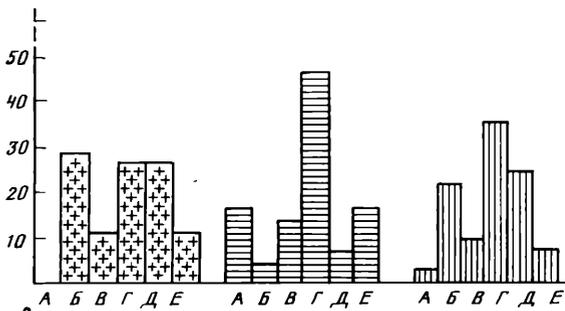
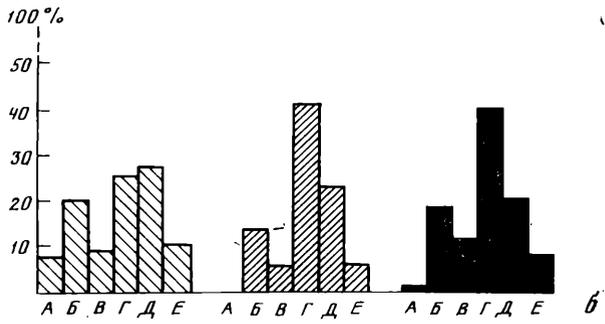
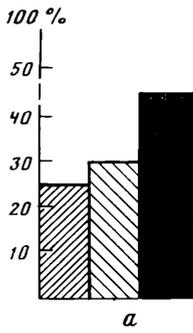
Каковы же возможности технологической информации как источника?

На основе анализа навыков труда в гончарстве А. А. Бобринским были выявлены закономерности поведения таких навыков при стабильных и нестабильных условиях существования гончарных производств³.

Изготовление глиняной посуды осуществляется на основе применения *системы взаимосвязанных навыков труда*, которые не могут меняться произвольно. Постепенно они становятся традиционными для определенной группы населения и передаются контактным путем от поколения к поколению по родственным каналам. В относительно замкнутых человеческих коллективах, составляющих, например, население одного поселка, вырабатываются поэтому единообразные приемы гончарной технологии. Однако для такого маленького коллектива не может долго сохраняться более или менее полная культурная изоляция. Нарушение замкнутости чаще всего бывает связано с задачей воспроизводства населения, когда объединяются носители разных технологических традиций. Нарушение замкнутости может быть зафиксировано по смешанному состоянию культурных традиций в технологии, которые для эпохи первобытности отражают процесс смешения населения в целом. Навыки труда в гончарстве делятся на две группы: приспособительные, наиболее быстро реагирующие на возникновение процессов смешения, и более устойчивые — субстратные. Навыки отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс относятся к группе приспособительных. Они позволяют фиксировать по керамике начальные стадии процессов смешения разного в культурном отношении населения. Эти общие положения лежат в основе интерпретации конкретной технологической информации, выявленной по керамике поселения Старые Куконешты.

Изучение особенностей глин, использованных для изготовления керамики поселения Старые Куконешты, показало, что она представлена двумя качественно различными сортами: нежелезненной и железистой. Оба сорта происходят из разных источников. На их основе в производстве применялось три вида основного исходного сырья: 1) легкоплавкая железистая глина (при окислительном обжиге дает кирпично-красную окраску); 2) огнеупорная нежелезистая глина (в окислительной среде дает белый цвет); 3) смесь той и другой глин (железистой и нежелезистой; в окислительной среде дает те или иные оттенки розового цвета). Распределение изученной гончарной продукции по видам исходного сырья отражено на рисунке (рис., а).

Казалось бы, что употребление разных глин допустимо расценивать как следствие истощения запасов одного из глинищ. Однако такому предположению противоречит большое количество посуды, изготовленной из смеси железистой и нежелезистой глины. На рисунке хорошо прослеживается частое одновременное употребление обеих глин (рис., а). Поэтому применение в продукции изучаемого гончарного производства

разных сортов глин правильнее объяснить существованием различных традиций в навыках отбора сырья.

Учитывая специфику пирометрических свойств ожелезненной и не-ожелезненной глин, можно было бы предположить их взаимосвязь с посудой определенного функционального назначения. Например, для «кухонной» посуды с грубой поверхностью, которая постоянно соприкасалась с огнем, должна была бы применяться огнеупорная («белая») глина, а для «столовой» посуды — легкоплавкая («красная»).

Распределение морфологических групп керамики по видам исходного сырья (рис., б) показывает, что ни одна из групп не обнаруживает преимущественной связи с тем или иным видом сырья. Следовательно, во-первых, при изготовлении посуды разных морфологических групп мастера не отдавали предпочтения какому-либо определенному виду сырья; во-вторых, еще раз подтверждается тезис, что мы имеем дело с разными культурными традициями в выборе исходного сырья.

В керамике поселения Старые Куконешты зафиксировано три рецепта формовочных масс: глина + шамот; глина + экскременты животных или птиц; глина + шамот + экскременты. Два первых рецепта относятся к группе несмешанных, а последний — к группе смешанных (рис., в). Посмотрим, не обнаружится ли связь технологических данных с морфологическими группами на этом уровне анализа. Ситуация сходна с той, которая была разобрана выше. Распределение керамики разных морфологических групп по составу формовочных масс не указывает на существование какой-либо преимущественной связи с определенным рецептом. Следовательно, рецепты формовочных масс никак не соотносятся с морфологическими группами посуды. Здесь мы снова имеем дело с проявлением различных культурных традиций, но уже в другой области технологии — навыках труда по подготовке формовочных масс глиняной посуды.

Выше отмечалось, что сложение смешанных навыков труда в технологии гончарства отражает процесс смешения носителей этих навыков и, для ранних эпох, населения в целом. Выяснить это позволяют наблюдения за соотношением смешанных и несмешанных навыков труда на ступенях отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс. На первой ступени смешанные навыки труда представлены в значительном количестве (рис., г). На второй ступени — подготовке формовочных масс — смешанные навыки также хорошо проявляются, они существенно преобладают над «чистыми» (рис., д). На основании приведенных данных можно сделать общий вывод о значительной культурной смешанности изготовителей глиняной посуды. Таким образом, в рамках истории поселения Старые Куконешты выявляются признаки смешения носителей культурных традиций использования «белой» и «красной» глин.

Попробуем выяснить, какая из двух традиций является местной, обобщая случаи использования древними гончарами в качестве исходного сырья отдельно «красной» и «белой» глин (рис., е). Учитывались не только реальные сосуды, которые были подвергнуты изучению, но и сосуды, пошедшие на изготовление шамота, использованного в качестве примеси. Таким образом, общее число наблюдений возросло до 1030. Судя по этим данным,

←

Рис. Данные о технологических особенностях керамики поселения Старые Куконешты

а — распределение сосудов по видам исходного сырья; б — распределение морфологических групп керамики по особенностям исходного сырья; в — распределение морфологических групп керамики по составу формовочных масс; г — распределение сосудов из несмешанного и смешанного сырья; д — соотношение сосудов с чистыми и смешанными рецептами формовочных масс; е — распределение сосудов из «белой» и «красной» глины; а-е — в %; ж — уровни изучения образцов керамики с шамотом в формовочной массе; з — модель смешения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья; 1 — керамика из «белой» глины; 2 — керамика из «красной» глины; 3 — керамика из какой-либо одной глины («белой» или «красной»); 4 — керамика из смеси «белой» и «красной» глин; 5 — керамика из глины и шамота; 6 — керамика из глины и экскрементов; 7 — керамика из глины и какого-либо одного неглинистого компонента (шамота или экскрементов); 8 — керамика из глины с шамотом и экскрементами; 9 — А, В, В, Г, Д, Е — разные морфологические группы глиняной посуды

культурная традиция применения «красной» глины значительно преобладала, что дает возможность предполагать ее местный характер. Традиция применения «белой» глины, вероятнее всего, привнесена извне.

Далее наши наблюдения будут связаны с шамотом как с одним из искусственных компонентов формовочной массы. Шамот представляет собой дробленые черепки. Обычно на его изготовление употреблялась посуда, которая к моменту создания нового сосуда уже вышла из употребления (разбилась). Поэтому ее могли подвергнуть дополнительному специальному дроблению и использовать в качестве примеси. Оказалось возможным установить по шамоту своеобразные цепочки, отражающие относительную микрохронологию явлений. Рассмотрим уровни изучения образцов с шамотом в формовочной массе (рис., ж). Первоначально рассматривается состав шамота в образце, а затем — состав шамота, который содержится в первом шамоте, т. е. в шамоте образца. Таким образом, получается цепочка из трех звеньев: 1) изучаемый образец; 2) шамот изучаемого образца — это шамот «б»; 3) шамот, содержащийся в шамоте «б», — это шамот «а». Очевидно, что шамот «б» по времени старше, чем изучаемый образец, а шамот «а» — старше шамота «б». Получается три хронологических уровня: I — наиболее древний шамот «а»; II — шамот «б»; III — непосредственно изучаемый образец. Анализ шамотных цепочек позволяет выявить общий ход процессов смешения на поселении.

Результаты полученных данных представлены на схеме (рис., з). Прежде чем перейти к интерпретации явлений, показанных на схеме, остановлюсь на двух главных моментах, которые лежат в основе их объяснения. Уже упоминалось, что навыки отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс относятся к группе приспособительных. Однако внутри данной группы первыми всегда реагируют на возникновение смешения носителей культурных традиций именно навыки по отбору исходного сырья, а затем уже навыки по подготовке формовочных масс. Последние дольше сохраняют свою специфику. Это первое исходное положение.

Второй момент не менее важен для объяснения. Он связан с тем, что процесс смешения первоначально отражается непосредственно в изучаемом сосуде, а затем, постепенно развиваясь, захватывает более глубокие (шамотные) уровни. Поэтому построить относительную микрохронологию процессов смешения можно только на основе анализа шамотных цепочек. Культурные традиции подготовки формовочных масс согласно последовательности их возникновения образуют два закономерных цикла (рис., з).

Первый этап первого цикла как бы предвывает сам процесс смешения: носители двух самостоятельных культурных традиций сохраняют ярко выраженную специфику на всех трех выделенных уровнях относительной микрохронологии. Они делают керамику только из привычного сырья, а для шамота используют как свою разбитую посуду, так и посуду гончаров другой технологической традиции. Данный этап отражает конгломератное состояние носителей разных культурных традиций и является необходимым условием начала их смешения.

На втором этапе первого цикла наблюдается начало собственно процесса смешения носителей разных культурных традиций в навыках отбора исходного сырья. Это проявляется в том, что формовочная масса реального сосуда уже делается из смеси двух глин («белой» и «красной»), а шамоты обоих уровней еще остаются несмешанными по составу.

На третьем этапе происходит дальнейшее углубление процесса смешения: наряду с формовочной массой реального сосуда смешанная технология распространяется на сосуд, из которого был изготовлен шамот «б».

Таким образом, с каждым последующим этапом расширяется сфера применения смешанных навыков труда.

Окончание первого цикла (четвертый этап) связывается с привыканием пришлого населения к тому сырью, которое применяют местные производители посуды. Сосуды этого этапа имеют следующую технологиче-

скую структуру: формовочная масса реального сосуда состоит из несмешанного сырья, шамот уровня «б» — из смешанного сырья, а шамот уровня «а» — из несмешанного.

Случай, когда при такой структуре реальные сосуды изготовлены из «белой» глины, наиболее вероятно объяснять как проявление нового притока носителей данной культурной традиции. Характерно, что в сосудах, отражающих первый цикл процесса, смешением еще не затронут самый древний уровень шамотных традиций — шамот «а», который на всех четырех этапах представлен несмешанным сырьем.

На втором цикле процесс смешения культурных традиций проходит те же этапы, но при этом процессы смешения проникают на более глубокий уровень, в шамот «а» (он представлен смешанным сырьем). На всех этапах второго цикла формовочная масса реальных сосудов, включая шамот уровня «б», соответствует аналогичным этапам первого цикла, что дополняется, однако, смешанностью на уровне более древнего шамота «а».

На модели процесса смешения хорошо видно, что проникновение в местную среду носителей другой традиции по отбору сырья происходило неоднократно. Периодичность таких проникновений показана на схеме пунктирными линиями.

Таким образом, исследование керамического комплекса трипольской культуры поселения Старые Куконешты позволило установить следующие факты, характеризующие как само гончарное производство, так и историю здешнего населения.

На поселении Старые Куконешты гончары использовали два разных сырьевых источника и при изготовлении посуды применяли три вида исходного сырья. Причем виды сырья не обнаружили предпочтительной связи с какими-либо морфологическими группами глиняной посуды. Смешанные навыки отбора сырья и подготовки формовочных масс свидетельствуют о том, что в рамках истории поселения действовали носители двух самостоятельных культурных традиций. Местная культурная традиция в гончарстве базировалась на использовании «красной» ожелезненной глины, а пришлая — нежелезненной «белой» глины.

Эти две традиции постепенно смешивались, что нашло отражение в изученном материале. В основе развития процесса смешения лежит неоднократный приток инородного населения в местную культурную среду.

Вероятно, жители поселения представляли собой родовой коллектив, где действовали известные в этнографии принципы экзогамии, запрещавшие браки внутри рода. В брачные отношения вступали представители двух родовых общин, в каждой из которых были свои культурные традиции в некоторых звеньях гончарства. Видимо, поэтому и удалось зафиксировать культурную неоднородность населения Старых Куконешт и два разных источника его формирования. В то же время определенная стандартизация форм и орнаментации, характерная для различной гончарной продукции, указывает на принадлежность обеих групп этого населения к единой этнокультурной общности.

¹ Раскопки поселения Старые Куконешты (Рышканский р-н Молдавской ССР) проводились Молдавской неолитической экспедицией в 1976—1978 гг. под руководством В. И. Маркевича. Выражаю благодарность автору раскопок за материал, любезно предоставленный для технологического исследования.

² Бобринский А. А. Гончарство Восточ-

ной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.

³ Там же, с. 242—244; Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения. — В кн.: Тез. док. Советской делегации на VI Международном конгрессе славянской археологии в Софии. 1980 г. М., 1980, с. 57, 58.

ТРОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Палеосоциологическая проблематика, связанная с изучением социально-семейных отношений по данным погребальных комплексов, может быть признана традиционной для отечественной науки. Особое место в этих исследованиях принадлежит вопросам о происхождении обряда парных разнополоых погребений в культурах евразийского бронзового века¹. Названная тема тесно связана с характеристикой одного из видов совместных погребальных комплексов, ранее не привлекавших внимания исследователей, — тройных разнополоых погребений. Очевидно, тройное погребение отразило реально существовавшую форму брачных отношений в ее весьма архаичном варианте, связанном с определенными разновидностями группового брака². Исходной формой тройного погребения могло явиться групповое разнополоое погребение, содержащее захоронение субъектов, взаимосвязанных по линии брачно-классной зависимости³. Подобный социальный феномен, имеющий пережиточные формы вплоть до современности, может быть выявлен и по археологическим материалам мезо-неолитических могильников Нижнего Поднепровья, Прибалтики, Карелии⁴. Групповой разнополоый комплекс мог структурно-генетически предшествовать как собственно парным разнополоым погребениям с захоронением брачной пары, так и тройным разнополоым погребениям, являвшимся промежуточной формой между ними.

Действительно, отдельные тройные погребения могут быть обнаружены на памятниках глубокой архаики, являясь составной частью групповых разнополоых комплексов. Так, в латвийском неолитическом могильнике Абора I тройные разнополоые погребения входили органичной составной частью в два групповых комплекса, древнейших на памятнике: 6(4—3—7) и 59(56—57—58)⁵. В первом названном комплексе основной инвентарь — при мужчине, одна из женщин — в позе сидя, и обе женщины ориентированы антитезно относительно мужского костяка; в основании комплекса помещен взрослый субъект неизвестного пола. Для второго комплекса половые определения отсутствуют, однако можно предположить его разнополоость, исходя из разности позиций погребенных: один субъект — в позе сидя, два других — на правом и левом боках, ориентированные антитезно относительно сидящего костяка; в основании комплекса захоронен взрослый субъект неизвестного пола. В поднепровском неолитическом могильнике Марьевка можно обнаружить как групповой разнополоый комплекс древнейшей структуры — трое мужчин и одна женщина (погребение 6—9), так и собственно тройное разнополоое погребение — двое мужчин и женщина в богатом головном уборе из множества подвесок — зубов рыб (погребение 10—12)⁶.

Ряд тройных комплексов древнейшей группы оказывается, судя по инвентарю, погребениями лиц, причастных к сфере культа и захороненных с двумя сопровождающими. Это погребение 1—3 Кубенина, 55—57 Южного Оленьего острова, 1—3 д. Перевозной на среднем Енисее (взрослый субъект (мужчина?) в богатом головном уборе из множества костяных кружков; юноша, перекрытый покровом с пластинками из мамонтовой кости; девушка, пораженная тремя наконечниками стрел)⁷.

Таким образом, тройные разнополоые комплексы мезо-неолитической эпохи характеризовались некоторыми престижными чертами обряда и ритуала, выделявшими их среди прочих захоронений. Древнейшие тройные погребения не только иллюстрировали особенности социально-семейного положения лиц, захороненных в них, но и имели признаки начальной социальной стратификации⁸.

Основное количество тройных разнополоых погребений обнаружено в культурах энеолита — бронзового века евразийской степной полосы и со-

предельных территорий, что составляет представительную серию в несколько десятков комплексов.

Тройные комплексы западной части евразийской степи эпохи палеометалла представлены захоронениями в курганах ранних скотоводов ямно-катакомбного круга. Тройные комплексы ямной общности весьма малочисленны, что, очевидно, следует связывать со слабым развитием явлений социальной стратификации, отмеченным Н. Я. Мерпертом у этих племен⁹. Однако выделяются показательные по обрядово-ритуальным признакам тройные погребения, в частности, в курганных группах у с. Шпаковка (Северский Донец) и совхоза Аккермень (р. Молочная). В кургане 8/5—7* Шпаковки погребены основная пара с восточной ориентировкой и второй мужчина, помещенный антитезно; инвентарь отсутствует (рис. 1, 1)¹⁰. В кургане 5/6 Аккерменя погребены мужчина с охрой у черепа и взрослый субъект (женщина?) с мотыгой из рога оленя, второй взрослый, помещенный антитезно между костяками основной пары, у его черепа — смола (рис. 1, 2)¹¹. Комплекс из Шпаковки был четко квалифицирован В. А. Городцовым как захоронение лиц неравнозначного социального положения¹². Комплекс из Аккерменя по социально-семейной структуре, очевидно, близок Шпаковскому.

Количество тройных разнополых комплексов в катакомбных памятниках увеличивается, что соответствует, надо полагать, возросшей степени стратификации на уровне семьи и общины в этих раннескотоводческих обществах с существенными признаками патриархальной доминантности. Так, в бассейне Северского Донца назовем тройные комплексы в курганах на Шуркином Поле и у ст. Ступки. В кургане 4/7—9 Шуркиного Поля в паре с мужчиной-доминантом лежит молодая женщина, при которой — два сосуда и жаровня, тогда как вторая женщина, зрелого возраста, с сосудом в инвентаре — в ногах основной пары (рис. 1, 3)¹³. Захоронение в кургане 2/3—5 Ступки нарушено, однако можно установить, что погребен мужчина с женщиной, имевшей бусы, оба — с южной ориентировкой; третий взрослый субъект (женщина?), ориентированный на юг — юго-восток, имел сосуд¹⁴. В Приазовье, в бассейне р. Молочная, в курганной группе на Троицком Поле, в кургане 3/9 погребены основная пара с юго-восточной ориентировкой и второй мужчина, положенный у нее в ногах, головой на юго-запад¹⁵. Обратим внимание на центральное местоположение катакомбы с тройным престижным комплексом на катакомбном кладбище кургана. На юге Херсонщины отметим тройные разнополые комплексы в курганах у сел Шевченко и Новочерноморье. Так, в кургане 4/10 у с. Шевченко погребены старик, головой на запад, с кремневой пластинкой, мужчина зрелого возраста, головой на юг — юго-восток, при нем — смола и алебастр, и женщина зрелого возраста, размещенная под ногами старика, с северо-западной ориентировкой; в западном углу — кремневый наконечник дротика (рис. 1, 5)¹⁶. Данный тройной комплекс совершен в основной могиле кургана. Показательны также оба Новочерноморских тройных комплекса¹⁷. Так, в кургане 4/17 погребены взрослый субъект (мужчина?), у черепа — точильный брусок, у таза — кремневый наконечник стрелы; второй взрослый (женщина?), обращенный к первому погребенному; третий взрослый, ориентированный антитезно относительно основной пары, помещен у нее в ногах (рис. 1, 9). Этот тройной комплекс — основной для катакомбного кладбища кургана. В кургане 5/7 погребены взрослый субъект (мужчина?) с сосудом и второй взрослый (женщина?), оба — с юго-западной ориентировкой; череп третьего погребенного лежал у ног первого с двумя сосудами и кремневым наконечником копыя — очевидно, умерший помещался антитезно относительно основной пары. Тройной комплекс — единственное катакомбное погребение кургана.

Наконец, в степях Калмыкии тройные разнополые комплексы обна-

* Здесь и далее принято сокращение: цифра перед косой означает номер кургана; цифры за косой — номера погребений.

Рис. 1. Тройные погребения энеолита — бронзового века из Северного Причерноморья (1—3, 5, 6, 8, 9), Калмыкии (4) и Вольни (7)

1 — Шпаковка, курган 8, погребение 5—7; 2 — Аккермень, курган 5, погребение 6; 3 — Шуркино Поле, курган 4, погребение 7—9; 4 — Лола II, курган 4; 5 — Шевченко, курган 4, погребение 10; 6 — верхний Маныч, курган 40, погребение 2; 7 — Войцеховка, курган 9, погребение 3—5; 8 — Танковое, курган 9, погребение 4; 9 — Новочерноморье, курган 4, погребение 17

ружены в Лолинском II и Архаринском II могильниках¹⁸. Так, в кургане 4 Лолы погребены мужчина и женщина с сурьмяной височной подвеской и пастовыми бусами; третий взрослый субъект (женщина?) — за спиной мужчины (рис. 1, 4). Тройной комплекс — единственное погребение кургана. В 2/2 Архаринском кургане погребены мужчина, вытянутый на спине между двумя женщинами, одна из которых, зрелого возраста, — на правом боку, головой на левом плече мужчины, с костяным кольцом на руке; вторая, молодая, лежала ничком, грудью на правой руке мужского костяка. Данный комплекс — центральный в катакомбном кладбище кургана. Отметим также тройной комплекс с верховий Маныча (рис. 1, 6)¹⁹.

Как можно заметить, обрядово-ритуальные признаки тройных катакомбных погребений достаточно единообразны. Так, тройные комплексы выделяются планиграфически в катакомбном кладбище кургана: это — либо основное, либо центральное захоронение, иногда — единственное. Мужчину-доминанта сопровождает женщина, близость социальной позиции которой, как правило, подчеркнута параллельностью размещения в могильной камере, тогда как третий субъект обычно помещен у них в ногах. Примечательно, что в роли второго сопровождающего в этих нерядовых одноактных комплексах выступают как мужчины, так и женщины, очевидно, патриархальные рабы. Не исключено, что в этом факте проявляются специфика исторических судеб племен катакомбной культурной области, интенсивность миграций и этнических контактов, способствовавших развитию процесса социальной стратификации.

Тройные комплексы восточной части евразийского степного пояса эпохи палеометалла могут быть рассмотрены на примере погребений в культурах афанасьевско-окуневского круга в долинах Алтая и Енисея. Так, на Алтае в энеолитическом могильнике афанасьевского типа Курота, в кургане 2, отмеченном двойным кромлехом, погребены мужчина и женщина, скорченно на спине, головой на восток; второй мужчина — в аналогичной позе, но с антитезной ориентировкой; в инвентаре — два сосуда, пест, курильница²⁰. На левобережье среднего Енисея, в долине р. Абакан, центральное погребение 4 позднеафанасьевского могильника Тас-хазаа содержало тройной престижный комплекс: основную пару с обильным и характерным инвентарем (топорик, зернотерка, игольник, сосуд, курильница) сопровождала положенная в ногах женщина, имевшая малый инвентарь производственного типа (рис. 2, 5)²¹. Примечательна разнотипность умерших: мужчина и женщина-рабыня имеют окуневские антропологические признаки, первая женщина — афанасьевские, сходные с древнеямыми. Разности антропологических характеристик соответствовала, заметим, разнотипность керамики. Мужчины-доминанты обоих тройных комплексов, судя по присутствию вазочек-курильниц с соляной орнаментацией, были, возможно, причастны к сфере культа. Показательно, что размещение погребенных соответственно особенностям их социально-семейного статуса в Куроте и Тас-хазаа имеет четкие параллели в ямном и катакомбном ритуалах западных степных регионов.

В окуневских памятниках позднего энеолита — ранней бронзы на среднем Енисее можно обнаружить тройные комплексы с захоронениями как лиц культового статуса, так и глав определенных семейно-родовых объединений, помещенных обычно в центре четырехугольных каменных оград. Так, тройной разнополый комплекс ограды 8/21 могильника Черновая VIII²² — выразительный пример первой разновидности. Мужчину с оригинальным культовым инвентарем (роговой жезл со змеей, заглавляющей животное, ритон с цветком, крупная лунарная подвеска) сопровождали две женщины с культовым и бытовым инвентарем. Примечательно, что если основная пара захоронена последовательно, очевидно в результате естественной смерти, то вторая женщина положена одновременно с мужчиной-«жрецом» (рис. 2, 4). Данный комплекс, центральный в группе из семи детских могил, располагался в то же время на периферии ограды в целом, в соответствии с широко распространенной

Рис. 2. Тройные погребения неолита — бронзового века из Прибайкалья (1—3) и Южной Сибири (4—6)

1 — Пономарево, погребение 7; 2 — Циклодром, погребение 5; 3 — Подострожное, погребение 5;
 4 — Черновая VIII, ограда 8, погребение 21; 5 — Тас-хазаа, погребение 4; 6 — Каменка II, ограда 9, погребение 2

в первобытных культурах практикой размещения лиц культового статуса. Окуневские тройные комплексы второй разновидности отметим для могильников Черемушный Лог (могила 5), Сыда V (ограда 3/5), Черновая VIII (ограды 2/3, 5/3, 6, 8/7)²³. В них мужчин-доминантов, имевших иногда преклонный возраст, сопровождали две, часто разновозрастные женщины, а также дети. Захоронения совершались и одноактно, последовательно. Можно заключить, что окуневские тройные комплексы свидетельствуют как о многочленном составе семей мужчин не рядового, ведущего общественного положения, так и о существенном развитии социальной стратификации на уровне семьи и общины у этих племен скотоводов и охотников.

Редкие тройные комплексы периода развитой бронзы могут быть изучены на примере культур андроновско-срубного круга. Так, в кургане 13/2 зауральского могильника Алакуль погребены двое взрослых мужчин и женщина (с ребенком?), сопровождавшиеся обильным разнообразным инвентарем, украшениями, костяками двух коней, тушей коровы²⁴. Подобный престижный комплекс — единственный в обширном подкурганном кладбище. В минусинском могильнике Сухое Озеро I, в могилах оград 2 и 243²⁵, также можно предположить тройные разнополюе комплексы, выделяющиеся по обрядово-ритуальной структуре среди прочих многочисленных андроновских захоронений.

Позднесрубный тройной не рядового характера комплекс назовем для

северокрымской степи, где в кургане 9/4 могильника у с. Танковое погребены мужчина (?) с оселком, помещенный между двумя женщинами, при одной — бронзовое колечко или серьга, при второй, лежавшей ничком, — сосуд (рис. 1, 8)²⁶. Редкий по обрядово-ритуальным параметрам тройной комплекс карасукской культуры на среднем Енисее был совершен в ограде 9/2 могильника Каменка II, где в двойном каменном ящике погребены мужчина со значительным инвентарем (керамика, бронзовые изделия) и в соседнем отсеке — мужчина и женщина, причем инвентарь почти полностью сосредоточен при мужчине (рис. 2, 6)²⁷. Доминирующая позиция в данном комплексе принадлежала двум 40-летним мужчинам, возможно братьям, захороненным последовательно, в отличие от женщины, погребенной одновременно с одним из них.

Как можно заметить, находки тройных разнополых комплексов в культурах развитого и позднего бронзового века представляют большую редкость, что, очевидно, объясняется широким распространением обряда парного разнополого погребения — наиболее типичного вида совместного погребального комплекса той эпохи, отразившего прогрессирующее развитие форм малой (нуклеарной) семьи.

Форма тройного разнополого погребения, в котором нашли обрядовое выражение как специфика архаичных семейных структур, так и начатки социальной стратификации первобытных коллективов, не может рассматриваться как узкое территориально-хронологическое явление, присущее отдельному культурно-историческому региону. Об этом свидетельствуют примеры тройных разнополых комплексов из сопредельных с евразийской степью областей, наиболее яркие из которых можно обнаружить в кургане 9/3—5 комаровского Войцеховского могильника (рис. 1, 7), катакомбах 65 и 66 Сапаллитепе, могиле 124 тазабагъябской Кокчи 3, гробницах Майкопа и Нальчика, прибайкальских памятниках — серовском Пономареве (погребение 7), китойском Циклодроме (погребение 5), глазковском Подострожном (погребение 5) (рис. 2, 1—3)²⁸. Отметим также существование захоронений эпохи бронзы, пышных по ритуалу, множественных по составу погребенных. Основу их составляли тройные погребения мужчин-доминантов с сопровождающими. Таковы комплексы из Бахчисарая, Иваньи, Тимофеевского могильника²⁹.

В целом можно заключить: если древнейшие тройные разнополые погребения уходят корнями в архаичные структуры, связанные с нормами группового брака и сегрегацией полов, то их поздние аналоги в культурах энеолита — бронзового века отражают интенсивный процесс развития форм патриархальной доминантности в обществе ранних скотоводов³⁰.

¹ Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. — ПИДО, 1934, № 7/8; Сорокин В. С. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. — СА, 1959, № 4; Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, гл. 4; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, гл. 8.

² Семенов Ю. И. Происхождение семьи и брака. М., 1974, гл. 7.

³ Бугинов Н. А. Первобытнообщинный строй: Основные этапы и локальные варианты. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, вып. 1; Полов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. — СЭ, 1982, № 1.

⁴ Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973, гл. III; Симченко Ю. Б. Культура охот-

ников на северного оленя Евразии. М., 1976, гл. 6; Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984, гл. III; Хлобыстина М. Д. Северный Оленеостровский могильник Баренцева моря как палеосоциологический источник. — В кн.: Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

⁵ Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979, с. 44, 45, рис. 38; 39; 41; табл. 5.

⁶ Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории. — СА, 1979, № 3, с. 59.

⁷ Фосс М. Е. Погребения на стоянке Кубенино. — В кн.: Тр. ГИМ. М., 1938, вып. 8, с. 75, 78, 80, рис. 1, табл. I—III; IV, 2; Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. — МИА, 1956, 47, с. 302, рис. 27; 27а; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.

- ч. III.— МИА, 1955, 43, с. 233, 249, 250, рис. 120; *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948, с. 61—63, табл. 8.
- ⁸ Принципиально аналогичны древнейшим тройным разнополюм комплексам Восточной Европы и Сибири тройные погребения из Барма Гранде (Монако, Приморские Альпы, Гримальди): мужчина и юноша, оба — с культовым инвентарем, женщина — с малым инвентарем (эпипалеолит); и могильника Гоэдик (Франция, Морбиган): двое мужчин, женщина в сидячей позе в богатом уборе (погребение Ф—Х, в составе группового комплекса Д—Ф—Х, пренеолит). См.: *Verneau R.* Nouvelle découverte de squellettes préhistoriques aux Baoussé-Roussé, pres de Menton.— In: *L'Anthropologie*. Paris, 1982, III; *Requart M., St.-J. Hoedic.* Anvers, 1954.
- ⁹ *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 130—134.
- ¹⁰ *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— В кн.: Тр. XII АС. М., 1905, т. I, с. 316, табл. I, 6.
- ¹¹ *Вязьмитина М. I., Ілліньська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. I., Ковпаненко Г. Т.* Кургані біля с. Ново-Пилишівки і радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, VIII, с. 48, рис. 31; 33, I.
- ¹² *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., с. 185.
- ¹³ Там же, с. 240, табл. IV, 5.
- ¹⁴ *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г.— В кн.: Тр. XIII АС. М., 1907, с. 317.
- ¹⁵ *Клейн Л. С.* Кургані біля с. Троицького.— АП, 1960, VIII, с. 151, 152, рис. 109; 112.
- ¹⁶ *Черненко Е. В., Яковенко Э. В., Корпусова В. Н.* Раскопки в окрестностях Скадовска.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 27, 28, рис. 2, 4; *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди — бронзы. Киев, 1972, табл. 5, 60, 61; 6, 30.
- ¹⁷ *Ковпаненко Г. Т., Качалова Н. К., Шарафутдинова И. Н.* Курганы у с. Новочерноморье Херсонской обл.— В кн.: Памятники эпохи бронзы..., с. 68, 76, рис. 2, I, 3.
- ¹⁸ *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР.— В кн.: Тр. Калмыц. НИИЯЛИ и Калмыц. республикан. краевед. музея. Элиста, 1966, вып. 2, с. 50, 51, 110, рис. 18; 19; 75.
- ¹⁹ *Синицын И. В.* Древние памятники верхнего Маныча. Саратов, 1978, ч. 2, табл. 15, 4.
- ²⁰ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1951, с. 57, 58; *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология..., Прилож. 29, № 25.
- ²¹ *Кызласов Л. Р.* Афанасьевская эпоха в истории Хакасии.— В кн.: Вестник МГУ, 1971, сер. IX, № 2.
- ²² *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры.— В кн.: Памятники окуневской культуры. Л., 1980, с. 10.
- ²³ Там же, с. 5, 7—9, табл. II, 9; VII, 6, 7; IX, 13, 14; *Хлобыстина М. Д.* Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на среднем Енисее.— СА, 1971, № 4, с. 25, 32, рис. 1, I.
- ²⁴ *Сальников К. В.* Курганы на оз. Алаккуль.— МИА, 1952, 24, с. 56, 57.
- ²⁵ *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978, с. 18, 23, табл. X, I; XV, I; XVII, 3; XVIII, 3.
- ²⁶ *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—IV тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, с. 192, рис. 72, 9, 13—15.
- ²⁷ *Хлобыстина М. Д.* Каменный могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников.— СА, 1970, № 1, с. 121—124, рис. 2—4.
- ²⁸ *Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М.* Нові дослідження Войцехівського могильника.— АП, 1956, VI; *Аскарів А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; *Игина М. А.* Хорезмская экспедиция 1977 г.— В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии в 1977 г. М., 1979; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974; *Он же.* Неолитические памятники средней Ангары. Новосибирск, 1975.
- ²⁹ *Крис Х. И., Веймарн Е. В.* Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая.— КСИА, 1958, 71; *Свешников И. К.* Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванны Ровенской обл.— СА, 1968, № 2; *Крайнов Д. А.* Древнейшая история..., с. 200—202.
- ³⁰ *Мерперт Н. Я.* Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций.— In: *Studia Prachistorica*. Sofia, 1980, 3.

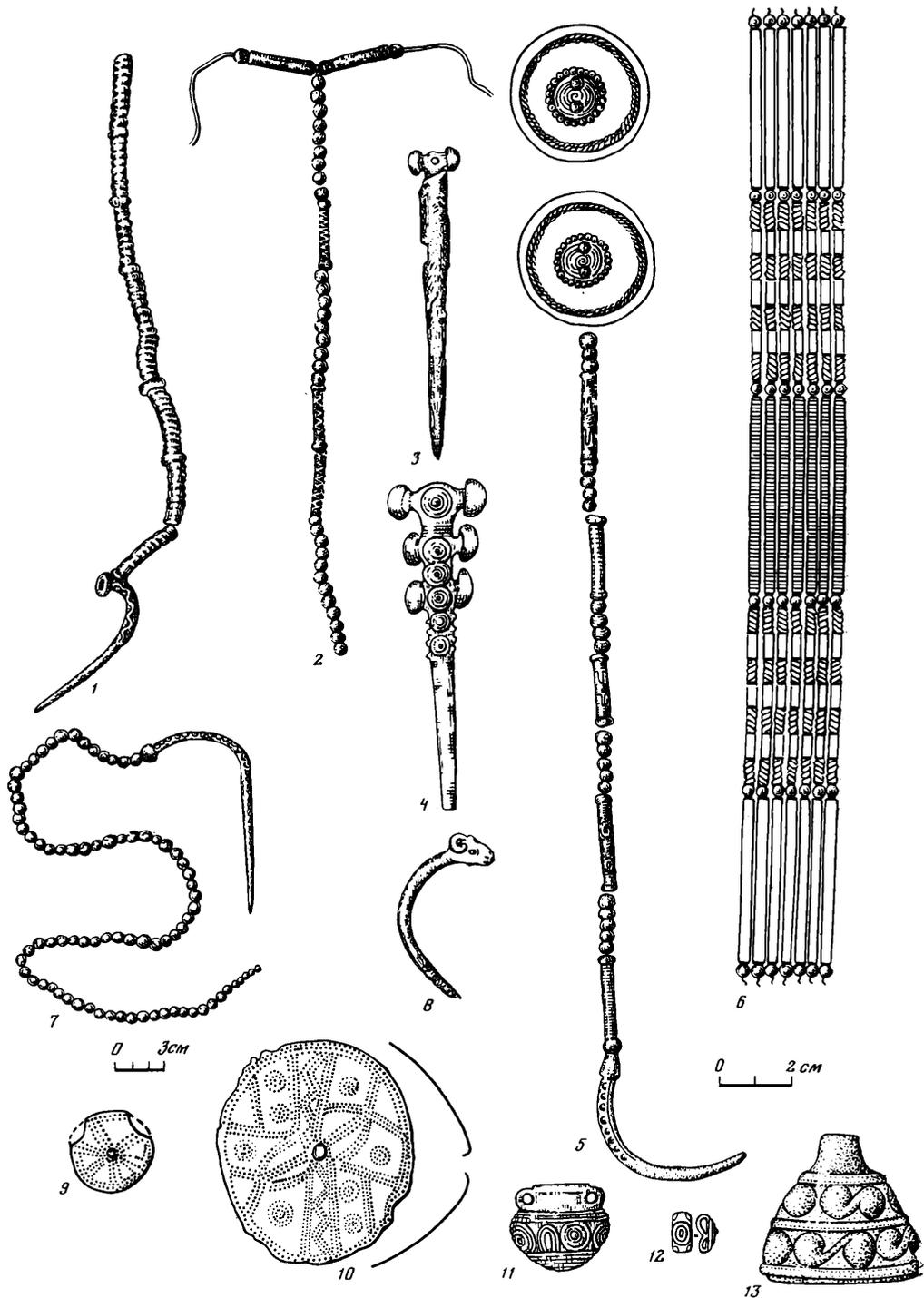
О ПОЯСНЫХ НАБОРАХ ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Изучение костюма племен эпохи бронзы является одним из путей восстановления этнокультурных особенностей быта, важной стороной археологической классификации и описания культурных группировок. Основным источником исследования костюма северокавказского населения бронзового века служат данные типологии и погребального обряда. Б. Е. Деген, реконструируя костюм того времени по находкам из курганов Кабардино-Балкарии, отметил украшения головы, шеи, рук, ряд таких изделий, как бронзовые булавки, бляхи, но он не имел сведений о поясных наборах¹.

Настоящая статья ставит целью выделить предметы, которые могли крепиться к поясу. Анализ материала построен на изучении погребений Центрального Предкавказья периода средней бронзы (конец III — середина II тысячелетия до н.э.), позволяющих судить о месте расположения *in situ* вещей относительно скелета. Круг памятников ограничен следующими курганами: у ст. Усть-Джегутинская в Верхнем Прикубанье², ст. Суворовская на р. Кума³, в Минераловодском р-не, у Пятигорска⁴, Кисловодска⁵, Ессентуков⁶, у сел. Чегем II (1972, 1973 гг.)⁷, у с. Кишпек (1974; с. Кызбурун III)⁸ в предгорной Кабардино-Балкарии. Привлечены сведения из предгорий Северной Осетии и центрального Ставрополья. Весь круг памятников территориально принадлежит к центрально-предкавказскому району северокавказской культурно-исторической общности. В. И. Марковин в 1960 г. выделил его как центральный вариант северокавказской культуры (общности) с двумя группами: кабардино-пятигорской и дигорской⁹.

Поясной набор как категория костюма был зафиксирован в следующих случаях. В кургане 23/1 у сел. Чегем II (1972 г.) в яме был открыт скелет, лежавший вытянуто на спине. В области таза и костей ног находился пояс из 35 бронзовых кованых трубочек (семь рядов по пять звеньев), разделенных бронзовыми бусами (рис. 1, 6). Рядом с поясным набором из пронизей (определение авторов раскопок) обнаружены две литые бляхи с двумя отверстиями. В области берцовых костей лежала молотковидная булавка с парными выступами, обращенная головкой к тазу (рис. 1, 4). В кургане 1/28 у с. Кишпек в яме лежал скелет вытянуто на спине. В области его нижних позвонков находились две литые бляхи с двумя отверстиями. От нижней бляхи, от тазовых костей между костями ног, тянулась цепочка из пяти литых манжетовидных пронизей, разделенных бронзовыми бусами. В области колен к ней примыкала косым отверстием (в головке) бронзовая дуговидная булавка (рис. 1, 5; 2, 3). В кургане 2/15 Нежинской I группы у Кисловодска в 1982 г. в каменном ящике зафиксирован женский скелет, вытянутый на спине. В области таза «горизонтально» лежали две литые манжетовидные пронизи. От них между костями ног отходила цепочка бус и таких же литых пронизей, которая заканчивалась у колен (рис. 1, 2; 2, Ж). В кургане 3/19 Нежинской I группы в 1983 г. в каменном ящике была найдена низка длиной около 30 см из спиральных пронизей, разделенных бронзовыми бусами. На конце цепочки, который был обращен к «ногам», находилась бронзовая посоховидная булавка. Она примыкала к пронизям отверстием в головке (рис. 1, 1). Вероятно, низка пронизей располагалась от костей таза в направлении ступней (скелет, кроме тлена черепа, не сохранился).

Таким образом, во всех указанных случаях от пояса вниз спускался длинный хлястик, украшенный бусами и пронизями. Хлястик заканчивался булавкой, имевшей специальное отверстие в головке для подвешивания. Рядом с поясом (тазом) скелетов находятся и бляхи. Эти примеры позво-

Рис. 1. Привески к поясу и украшения хлястиков поясных наборов

1, 2, 7 — Нежинская I группа: 1 — курган 3, погребение 19; 2 — курган 2, погребение 15; 7 — курган 2, погребение 21; 3, 5 — Кишпек: 3 — курган 1, погребение 27; 5 — курган 1, погребение 28; 4, 6 — Чегем II, курган 23, погребение 1; 8 — Суворовский могильник, курган 5, погребение 11; 9, 12, 13 — Усть-Джегутинская: 9 — курган 32, погребение 2; 12, 13 — курган 3, погребение 1; 10, 11 — Суворовская: 10 — курган 1, погребение 1; 11 — курган 11, погребение 13.

ляют выделить вещи, которые по месту находки в погребении можно интерпретировать в качестве деталей этого оригинального поясного набора. Приведем их перечень и особенности местонахождения в могилах.

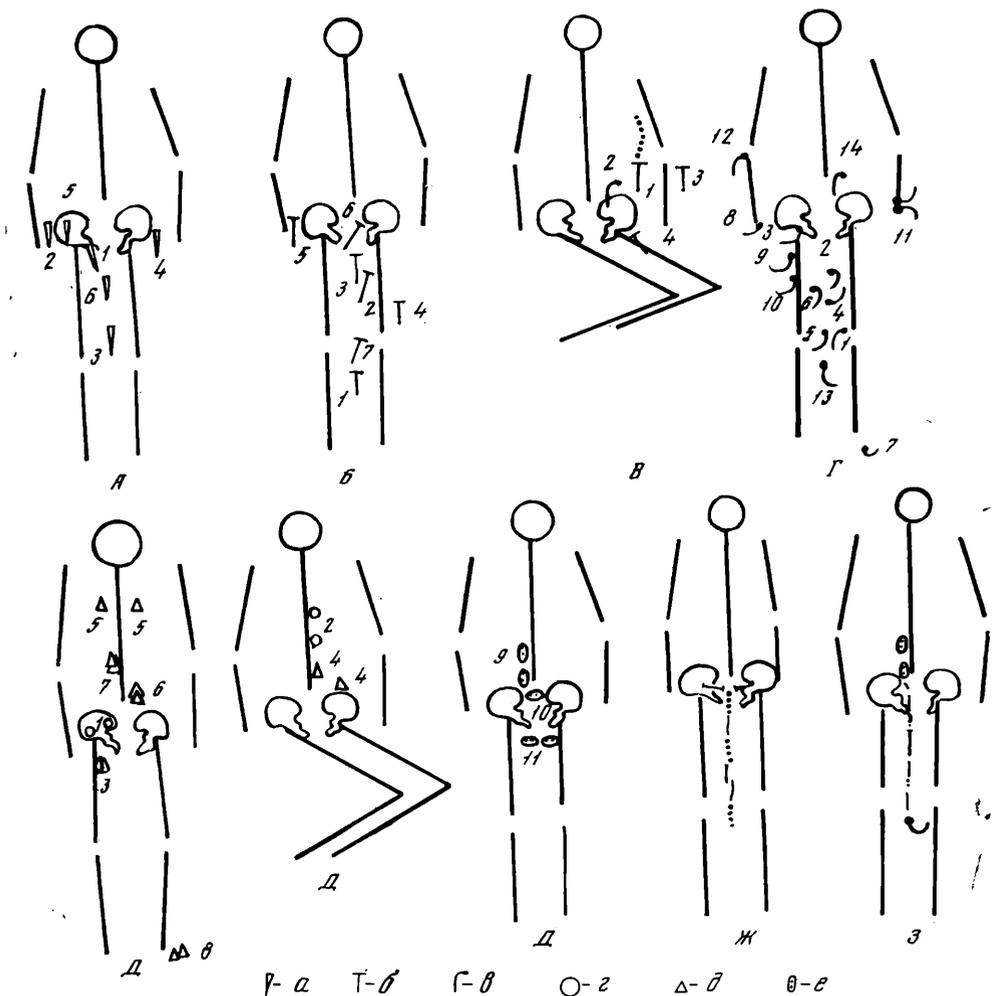
1. Костяные булавки. Учтены молоточковидные булавки из Суворовского могильника (курган 13/12; 1/5); могильника на Константиновском плато (раскопки В. И. Марковина). Игловидная булавка без шляпки найдена в Усть-Джегутинском могильнике (23/3). Иговидные булавки со шляпкой обнаружены в могильниках Усть-Джегутинском (44/2), Суворовском (17/12). Сломанная булавка происходит из Усть-Джегутинского могильника (32/2). Все булавки сопровождали вытянутые на спине скелеты. Украшения лежат в могилах у запястья, таза, между бедренными костями (рис. 2, А). Головки булавок нередко обращены в сторону пояса. В кургане 13/12 у ст. Суворовская, помимо молоточковидной булавки, найденной на тазовой кости, зафиксированы три молоточковидные булавки у правого локтя, с внешней стороны.

2. Бронзовые молоточковидные и полимолоточковидные булавки. Учтены булавки из погребений на Константиновском плато: 1/6 (раскопки В. И. Марковина); 2/2, 6, 13 (раскопки Э. В. Ртвеладзе); из Усть-Джегутинского могильника: 24/1; 32/8; из курганов Кабардино-Балкарии у с. Кишпек: 1/27; 34/1; у сел. Чегем II в 1973 г. Булавки с несколькими парами молоточков или полимолоточковидные есть в Суворовском могильнике (1/5); у сел. Чегем II (23/1). В погребениях Минераловодского р-на, на р. Кума, в Верхнем Прикубанье булавки с молоточковидной головкой в подавляющем большинстве найдены при скелетах, захороненных на спине вытянуто (рис. 2, Б). Булавки лежат между бедренными или рядом с тазовыми костями. Головки украшений повернуты в сторону предполагаемого пояса, к которому они, вероятно, крепились «шнурком»¹⁰.

Реже молоточковидные булавки встречаются в погребениях с другим положением костяков. На Константиновском плато (1/6) булавка находилась на бедре у таза скелета, лежавшего на спине скорченно (раскопки В. И. Марковина). В разрушенном погребении в каменном ящике у Кисловодска в 1965 г. А. П. Руничем доследован скелет, покоившийся скорченно (видимо, на спине). Молоточковидная булавка находилась у левого локтя с внешней стороны (рис. 2, В). У с. Кишпек (1/27) молоточковидная булавка находилась с внутренней стороны у левого локтя скелета, лежавшего на спине скорченно (рис. 2, В). Булавка была помещена в кожаный футляр (рис. 1, З). От ее головки тянулась низка бус, украшавшая «шнурок». В Кабардино-Балкарии у сел. Чегем II (34/1) молоточковидная булавка обнаружена у колен скелета, лежавшего скорченно на правом боку. Рядом с ней были трубочки-пронизки, свернутые из листа меди, и, видимо, обломок кованой бляхи.

3. Бронзовые посоховидные и дуговидные булавки. Посоховидные булавки имеются в курганах на Константиновском плато: 2/2, 9 (раскопки Э. В. Ртвеладзе); 2/5 (раскопки И. С. Гумилевского); 1/4 (раскопки В. И. Марковина); в курганах Нежинской I группы у Кисловодска: 1/15; 2/21; 3/19; в Суворовском могильнике: 1/4; 6/6; 10/1; у с. Кишпек: 1/3. Посоховидные булавки были обнаружены главным образом при скелетах, лежавших на спине вытянуто (рис. 2, Г). Только в одном случае (Кишпек, 1/3) посоховидная булавка сопровождала скелет, положенный на спине скорченно (рис. 2, В). Булавки находятся в погребениях у таза, в области нижних позвонков, между бедренными костями. Головки булавок часто повернуты в сторону предполагаемого пояса. В кургане 2/21 Нежинской I группы такой шнурок был украшен низкой бронзовых бус. Посоховидная булавка лежала на правой бедренной кости, головкой в сторону таза. Низка бус отходила от ее головки и была уложена «змейкой» у тазовой кости (рис. 1, 7). Местоположение посоховидной булавки у локтя скелета зафиксировано только один раз—в кургане 10/1 Суворовского могильника (рис. 2, Г).

Дуговидные булавки представляют собой разновидность изогнутых булавок. В отличие от посоховидных, они не имеют прямого участка

Рис. 2. Схема расположения находок костяных, металлических молоточковидных посоховидных булавок, блях и поясных хлястиков в погребениях

А — костяные булавки: 1—3 — Усть-Джегутинская: 1 — курган 32, погребение 2; 2 — курган 23, погребение 3; 3 — курган 44, погребение 2; 4, 5 — Суворовская: 4 — курган 17, погребение 12; 5 — курган 13, погребение 12; 6 — Константиновское плато (условное расположение), курган 1, погребение 5; Б — бронзовые молоточковидные и полимолоточковидные булавки: 1 — Чегем II, курган 23, погребение 1; 2—4 — Константиновское плато: 2 — курган 2, погребение 2; 3 — курган 2, погребение 6; 4 — курган 2, погребение 13; 5, 6 — Усть-Джегутинская: 5 — курган 24, погребение 1; 6 — курган 32, погребение 8; 7 — Суворовская, курган 1, погребение 5; В — молоточковидные и посоховидные булавки при скелетах, лежавших на спине скорченно: 1, 2 — Кишпек: 1 — курган 1, погребение 27; 2 — курган 1, погребение 3; 3 — Кисловодск, раскопки А. П. Рунича, погребение; 4 — Константиновское плато, курган 1, погребение 6; Г — бронзовые посоховидные и дуговидные булавки: 1, 7, 14 — Константиновское плато: 1 — курган 2, погребение 2; 7 — курган 2, погребение 5; 14 — курган 1, погребение 4; 2 — курган Франчица у г. Ессентуки; 3—5 — Нежинская I группа: 3 — курган 2, погребение 21; 4 — курган 1, погребение 15; 5 — курган 3, погребение 19; 6 — Константиновское плато (условный знак), курган 2, погребение 9; 8 — Усть-Джегутинская, курган 40, погребение 2; 9—12 — Суворовская: 9 — курган 1, погребение 4; 10 — курган 6, погребение 6; 11 — курган 5, погребение 11; 12 — курган 10, погребение 1; 13 — Кишпек, курган 1, погребение 28; Д — бляхи: 1 — Усть-Джегутинская, курган 32, погребение 2; 2, 4, 7, 9 — Кишпек: 2 — курган 1, погребение 27; 4 — курган 1, погребение 3; 7 — курган 1, погребение 18; 9 — курган 1, погребение 28; 3, 10 — Суворовская: 3 — курган 1, погребение 1; 10 — курган 11, погребение 13; 5, 6, 8 — Константиновское плато: 5 — курган 2, погребение 6; 6 — курган 1, погребение 4; 8 — курган 2, погребение 5; 11 — с. Чегем II, курган 23, погребение 1; Ж, З — схемы поясного хлястика: Ж — Нежинская I группа, курган 2, погребение 15; З — Кишпек, курган 1, погребение 28; а — костяные булавки; б — молоточковидные и полимолоточковидные булавки; в — изогнутые посоховидные и дуговидные булавки; г — бляхи кованые слабо-выпуклые; д — бляхи кованые сильновыпуклые; е — бляхи литые с двумя отверстиями

стержня (рис. 1, 5, 8). Дуговидная булавка с продольным отверстием в головке входила в поясной набор из кургана 1/28 у с. Кишпек (рис. 1, 5). Три дуговидные булавки с поперечным отверстием в головке лежали рядом с костями таза у запястий скелетов в кургане 5/11 Суворовского могильника (рис. 1, 8) и кургане 40/2 Усть-Джегутинского могильника (рис. 2, Г).

По расположению в могилах костяных и бронзовых булавок рассмотренных выше типов можно сделать вывод, что их находки у нижних позвонков, между тазом и запястьями, на тазовой кости, между костями ног или просто у бедренной кости отражают прикрепление украшений к поясу. Вторая позиция местонахождения молоточковидных и посоховидных булавок в Центральном Предкавказье отмечена реже. Она связана с находкой булавки у локтя скелета. Молоточковидные и посоховидные булавки в этих случаях также выполняли, очевидно, функции привесок, но уже не к области пояса. Принадлежность дуговидных булавок с поперечным отверстием в головке к поясным украшениям, судя по их положению у запястий скелетов, по нашему мнению, вероятна, но не безусловна.

4. Бляхи. В погребениях с молоточковидными и посоховидными булавами часто встречаются разнообразными бляхи: кованые слабовыпуклые (рис. 1, 9), кованые сильновыпуклые (рис. 1, 10), литые с двумя отверстиями (рис. 1, 5), «колокольчики», т. е. литые бляхи конусовидной формы с одним отверстием. Рассмотрим их расположение в могилах. Кованые слабовыпуклые бляхи найдены в Усть-Джегутинском могильнике (32/2); у с. Кишпек (1/27).

Кованые сильновыпуклые бляхи, включенные в нашу сводку, происходят из Суворовского могильника (1/1); из раскопок на Константиновском плато: 1/4 (В. И. Марковин); 2/6 (Э. В. Ртвеладзе); 2/5 (И. С. Гумилевский); из кургана 1/3, 18 у с. Кишпек. Кованые бляхи при вытянутых и скорченных на спине костях обычно находят у тазовых костей (нередко вместе с булавкой), у нижних позвонков, на уровне грудной клетки. Бляхи часто встречаются парами. Два случая своеобразны. В кургане 2/6 на Константиновском плато сильновыпуклые кованые бляхи лежали по обе стороны позвоночника на уровне груди. В кургане 2/5 того же некрополя бляхи были положены к ступням взрослого скелета, рядом с посоховидной булавкой (рис. 2, Д).

Литые бляхи с двумя отверстиями происходят из Суворовского могильника (11/13); из курганов 1/28 у с. Кишпек и 23/1 у сел. Чегем II (рис. 2, Д). В кургане Суворовского могильника литая бляха лежала на крестце. Рядом с ней обнаружен литой миниатюрный сосудик (рис. 1, 11) — видимо, подвеска к поясу. В кургане 3/1 Усть-Джегутинского могильника на тазовых костях скелета, покоившегося на спине вытянуто, были найдены четыре литых «колокольчика» (рис. 1, 13), а также низка пронизей, украшавших, по определению А. Л. Нечитайло, пояс (рис. 1, 12). Такие же «колокольчики» отмечены в кургане 6/1 Усть-Джегутинского могильника. Костяк не сохранился, «колокольчики» находились по центру могилы, на месте предполагаемого пояса¹¹.

Расположение в захоронениях блях различного типа, литых подвесок, сосудиков, «колокольчиков», сегментов пронизок в области таза и бедренных костей позволяет предполагать, что они крепились к поясу. Особенно определенно проступает связь с поясным набором литых блях с двумя отверстиями и «колокольчиков». Кованые бляхи могли использоваться как поясные и нагрудные украшения. В некоторых могилах невозможно определить, с какой деталью костюма связана бляха.

5. Бронзовые бусы, спиральки, литые манжетовидные пронизи. Эти детали использовались для украшения свисающего поясного хлястика или «шнурка»-привески к поясу. Примеры таких наборов уже отмечены. Но их могли применять и для украшения других элементов костюма, например, шнурка ожерелья¹².

Кроме того, аналогии поясным подвескам найдены в предгорной Северной Осетии и горной Кабардино-Балкарии. В Северной Осетии известна случайная находка молоточковидной булавки, литых блях с двумя

отверстиями у с. Ардон¹³, кованой сильно выпуклой бляхи у с. Ногир (1/11)¹⁴. Литые манжетовидные пронизи, полимолоточковидная булавка, литая бляха с двумя отверстиями обнаружены в разрушенном погребении у с. Дигора¹⁵ и в кургане 2/1, 2 у с. Урух¹⁶. В погребении у с. Дигора отмечена скорченность скелета, в кургане у с. Урух скелеты лежали в ямах на спине скорченно и вытянуто. Описание расположения находок в могилах при их издании отсутствует. В горной Кабардино-Балкарии литые манжетовидные пронизи найдены в погребении 2 некрополя у с. Былым близ г. Тырнауз, а также в открытом комплексе вещей, поступивших из Былымского могильника в сектор археологии КБНИИ в 1977 г. Скелеты в Былымском некрополе сильно потревожены. Отмечено их вытянутое положение. Среди былымских украшений имеются необычные для предгорной полосы булавки, напоминающие тип «павлинье перо»¹⁷.

Ввиду недостатка фактологической базы сейчас невозможно сказать, использовались ли племенами предгорной Северной Осетии и горной Кабардино-Балкарии поясные наборы, аналогичные наборам племен предгорной зоны Чегема и Нальчика, Минераловодского р-на и Верхнего Прикубанья.

Много костяных и бронзовых булавок обнаружено в могильнике у хут. Веселая Роща в центральном Ставрополе¹⁸. Все булавки происходят из погребений, содержащих вытянутые на спине костяки. В погребениях в ямах булавки лежали, как правило, у локтя (4/7; 8/4; 16/6, 7; раскопки М. А. Романовской 1979 г.). В погребениях в катакомбах молоточковидные и посоховидные булавки фиксировались у локтя (13/4; 18/4; 17/1) и у бедренных костей ниже таза (1/8; 11/4; 15/3; 30/3; раскопки В. А. Кореняко 1975 г. и М. А. Романовской 1978, 1979 гг.). Поэтому для района центрального Ставрополя можно отметить использование племенами периода средней бронзы длинного поясного хлястика, украшенного молоточковидной и посоховидной булавками, наряду с обрядом положения булавки у локтя покойного, так же как и для племен предгорий Кабардино-Балкарии, Минеральных вод, Верхнего Прикубанья.

Изложенный материал позволяет прийти к следующим выводам. У племен периода средней бронзы Центрального Предкавказья существовал своеобразный поясной набор. Его составляли прикрепленные к поясу костяные, металлические стержни-булавки, в ряде случаев — бронзовые кованые и литые бляхи, спиралевидные и манжетовидные бронзовые пронизи. Костяные и бронзовые булавки привешивались к поясу, образуя хлястик, достигавший колен. Для его декора использовались бусы и пронизи. Подобная интерпретация объясняет многочисленные находки костяных и металлических булавок в погребениях в области таза и у костей ног. Кроме того, иногда к поясу крепились литые модельки сосудиков и «колокольчики»-конусы. Поясной хлястик, украшенный подвеской-булавкой, по всей видимости, следует оценить как типичное убранство костюма племен Центрального Предкавказья, принадлежавших к северокавказской общности и хоронивших своих сородичей по обряду на спине. Только в одном случае мы можем наблюдать отклонение от этого обычая (Чегем II, 34/1): молоточковидная булавка была обнаружена при скелете, скорченном на правом боку. Нам представляется, что данный пример находит объяснение в погребальных культах племен Чегема и Нальчика. В период средней бронзы здесь получили распространение два типа положения покойных в могилы: скорченно на боку, вытянуто на спине или на спине с согнутыми в локтях ногами¹⁹.

Другое характерное место находки молоточковидных и посоховидных булавок в могилах племен Центрального Предкавказья связано с локтем скелета. Оно отражает иной способ прикрепления булавок к костюму.

По расположению в погребениях Чегема и Нальчика молоточковидные и посоховидные булавки-привески по своей сущности отличаются от распространенных здесь в период средней бронзы длинных Т- и У-образных (рожковидных) булавок. Т- и У-образные булавки найдены в могилах у плеч покойных, поперек груди²⁰. Они могли быть застежками грубошерст-

ной одежды, как уже отмечалось в литературе²¹. Обращает на себя внимание и тот факт, что Т- и У-образные булавки обнаружены при скелетах, скорченных на боку, т. е. в могилах с иным обрядом погребения. Не скрываются ли за этими различиями обрядов и элементов костюма «разнокультурность» местного населения в Центральном Предкавказье в период средней бронзы и разные истоки формирования этнических признаков украшения одежды?

Появление атрибутов поясного набора со свисающим хлястиком у племен Центрального Предкавказья началось в пределах первого периода по хронологической схеме А. Л. Нечитайло, т. е. в конце III тысячелетия до н. э.—1800/1700 гг. до н. э. Для периода ранней бронзы такой вид убранства костюма неизвестен. С первым этапом периода средней бронзы связаны находки костяных булавок, металлических молоточковидных и изогнутых посоховидных булавок, которые, несмотря на различия форм и рода материала, выполняли функции привесок близкого назначения, а также кованых слабовыпуклых и сильновыпуклых блях. На втором этапе по схеме А. Л. Нечитайло (1800/1700—1500/1400 гг. до н. э.) происходит развитие на местной основе элементов поясного набора. В качестве привесок начинают употребляться полимолоточковидные, дуговидные булавки, литые бляхи с двумя отверстиями, «колокольчики», модельки-сосудики, литые пронизи с валиками-манжетами и другие украшения²².

На Северном Кавказе поясной набор со своеобразными привесками-булавками, пронизями, бляхами, как и отдельные его элементы, бытовал среди населения предгорной зоны. Этот элемент одежды не был свойствен горским племенам Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана. В качестве своеобразного «надкультурного» признака хлястик с привешиваемой к нему булавкой-стержнем из кости или металла получил широкое распространение среди племен ямной и катакомбной культурно-исторических общностей Предкавказья и Калмыкии, исключительно в памятниках с обрядом погребения покойных на спине вытянуто или скорченно. Молоточковидные булавки использовались племенами этих культурных образований и в Северном Причерноморье²³.

Половозрастные определения скелетов с элементами поясного набора, проведенные на материалах Усть-Джегутинского, Суворовского могильников и погребений Минераловодского р-на²⁴, показали, что более 20 скелетов из 30 исследованных в этих захоронениях принадлежало женщинам и детям (в других могилах половозрастные определения были невозможны). В связи с этим фактом можно поставить два вопроса. Во-первых, не являются ли булавки рассмотренных выше типов, бляхи, пронизи и другого рода подвески к поясу не только декоративными предметами, но и атрибутами культуры женщины и ребенка, сопряженными с магией космических сил. В пользу такого предположения свидетельствуют различные солярные знаки на бляхах, булавках, пронизях в виде крестов, звезд, кругов, змеек, спиралей. Ранее подобную гипотезу высказал Б. Е. Деген²⁵. Во-вторых, не отражает ли использование поясного набора с привесками разного рода сложения в данных обществах похожих верований и обрядов погребальных культур.

Исчезновение поясного набора с булавками-подвесками на примере племен Верхнего Прикубанья наблюдается на третьем этапе по схеме А. Л. Нечитайло (1500/1400—1300 гг. до н. э.). В это время происходят существенные перемены в погребальном обряде, типах керамики, металлическом инвентаре и, видимо, в религиозных представлениях²⁶. В центральном Ставрополье и Калмыкии поясные наборы с булавками не фиксируются на хронологическом горизонте скорченных на боку погребений в ямах и катакомбах.

¹ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, 3, с. 256—264.

² Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 63, рис. 3, 24; 13, 4; 26, 1—17; 31, 13; 33, 1—15; Она же. Отчет о раскопках кур-

ганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1963 г. Архив ИА, р-1, № 2792; Она же. Отчет о раскопках курганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 г. Архив ИА, р-1, № 2872.

³ Нечитайло А. Л. Суворовский курган-

- ный могильник. Киев, 1979, рис. 3, 3, 4; 4, 6, 7; 5, 1, 2; 36; 38; 50; 59; 60; 70; 83; 84, 6; *Она же*. Отчет о раскопках у ст. Суворовской Ставропольского края в 1966 г. Архив ИА, р-1, № 3298.
- ⁴ *Гумилевский И. С.* Отчет о раскопках кургана 2 на Константиновском плато близ г. Пятигорска в 1952 г. Архив ИА, р-1. № 4495, рис. 8, 2; *Рвеладзе Э. В.* Отчет о раскопках курганов на Константиновском плато в полевом сезоне 1965 г. Архив ИА, р-1, № 3230, табл. XXXV—XXXVII; XXXIX; *Марковин В. И.* Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.— КСИИ, 1971, 127, с. 35—44, рис. 13; 14, 1, 2; 15.
- ⁵ *Кореневский С. Н.* Отчет о раскопках на Кавминводах в 1982 г. Архив ИА, р-1, рис. 117; 118; 264; 267; 268; 302; 307; *Он же*. Отчет о работах на Кавминводах в 1983 г. Архив ИА, р-1; *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1965 г. Архив ИА, р-1, № 3033.
- ⁶ *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 г. Архив ИА, р-1, № 2869, рис. 13.
- ⁷ *Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки в 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 33, рис. 19, 2, 10; *Нагоев А. Х.* Отчет о раскопках у сел. Чегем II в 1972 г. Архив ИА, р-1. № 4966; *Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Основные итоги раскопок курганов эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II в 1973 г.— В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. 1, рис. 3, I, с. 11; *Они же*. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.
- ⁸ *Мизиев И. М.* Отчет о раскопках кургана у с. Кишпек КБАССР в 1974 г. Архив ИА, р-1, № 5449, рис. 64; *Он же*. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, рис. 9; 11; 13; 14.
- ⁹ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, 93, рис. 49, с. 125—129. Новый материал по периоду средней бронзы в Центральном Предкавказье ставит на повестку дня уточнение локальных группировок древних племен в центральном районе Северного Кавказа.
- ¹⁰ Термин «шнурок» принят условно.
- ¹¹ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, рис. 37, 6.
- ¹² *Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки..., рис. 19.
- ¹³ *Латынин Б. А.* Молочковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСГЭ, 1967, вып. 9, видимо, рис. 61, а (изображения на рис. 61 и 62 в публикации перепутаны); *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа..., рис. 13, 79.
- ¹⁴ *Николаева Н. А.* Периодизация кубано-терской культуры, исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху.— В кн.: Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981, рис. 5.
- ¹⁵ *Тменов В. Х.* Новые археологические памятники на территории Северной Осетии.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, т. XXXVI, вып. 1, рис. 32, 5—10; с. 16.
- ¹⁶ *Николаева Н. А.* Периодизация кубано-терской культуры..., рис. 5, 3, 8, 10, 16, 17.
- ¹⁷ *Батчаев В. М.* Клад из сел. Былым.— В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии, вып. 1, с. 44; *Мизиев И. М., Ступников Р. Н.* Отчет об археологических работах у г. Тырнауза КБАССР в 1976 г. Архив КБНИИЯЛИ.
- ¹⁸ *Романовская М. А.* Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в сезон 1978 г. Архив ИА, р-1, № 8488; *Она же*. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 г. Архив ИА, р-1, № 8489; *Кореняко В. А.* Отчет о работах на территории Ставропольского края в 1975 г. Архив ИА, р-1, № 6892.
- ¹⁹ *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке...; *Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Основные итоги...
- ²⁰ *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке... с. 227; *Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки..., с. 27; *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, рис. 6.
- ²¹ *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, 23, с. 58.
- ²² Даты периодов см.: *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, рис. 39.
- ²³ *Латынин Б. А.* Молочковидные булавки...; *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Элистинский могильник. Элиста, 1971; *Синицын И. В.* Древние памятники восточного Маньча. Саратов, 1978; *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Древности восточного Маньча.— В кн.: Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981, с. 29—66; *Эрдниева У. Э.* Гапурский могильник.— Там же, с. 77, рис. 10; 12; *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Древности восточного Маньча.— В кн.: Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. В нашу задачу не входит исследование традиций ношения молотчовидных булавок племенами ямной культуры Северного Причерноморья.
- ²⁴ Определения приведены в работах А. Л. Нечитайло, И. С. Гумилевского, С. Н. Коренева.
- ²⁵ *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке..., с. 282—286.
- ²⁶ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, с. 96—103. 105

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Север Западной Сибири, основную часть которого занимает Ямало-Ненецкий автономный округ, еще слабо затронут археологическими исследованиями. Однако имеющиеся находки позволяют отнести начало широкого освоения этой территории к эпохе бронзы, что в определенной степени было обусловлено причинами экологического характера.

Первые находки, относящиеся к бронзовому веку, были обнаружены на севере Западной Сибири в 1926 г. Р. Е. Кольсом. На западном берегу дельты р. Таз им были найдены остатки стоянки (4), представленные несколькими каменными изделиями и фрагментами плоскодонных горшков, украшенных гребенчато-ямочным орнаментом. В 1925—1929 гг. в низовьях Оби обследование археологических памятников проводил Д. Н. Редриков. Среди собранных им на стоянках Хара-Патка близ пос. Кушеват, на месте городища Вож-Пай и на Обдорском холме в г. Салехард древних изделий имеются черепки керамики и каменные сосуды, которые могут быть отнесены к бронзовому веку. За исключением образцов керамики с Салехардской стоянки, все эти материалы оставались неопубликованными, хотя и привлекли внимание к древностям нижней Оби.

Большое значение для изучения бронзового века рассматриваемого региона имеют работы В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской. Ими были проведены раскопки на Салехардской стоянке и выделен особый тип керамики, отнесенной к бронзовому веку¹. Кроме этого памятника, В. Н. Чернецов отнес к эпохе бронзы находки Р. Е. Кольса на стоянке 4 и стоянку Сартынья II на р. Северная Сосьва.

Новый этап археологического изучения севера Западной Сибири был начат работами Ямало-Обской (1961 г.) и Обско-Тазовской (1963 и 1964 гг.) историко-этнографических экспедиций МГУ, руководимых Л. П. Лашуком. Из открытых и исследованных этими экспедициями памятников бронзовому веку принадлежат нижний слой стоянки в бухте Находка на ямальском берегу Обской губы, стоянки Мыс I и IIА на р. Таз вблизи пос. Тазовский, а также нижний слой поселения в урочище Пернашор в г. Салехард. Находки с этих памятников первоначально были датированы в пределах II тысячелетия до н. э.²

В 1966 и 1976 гг. в Ямало-Ненецком автономном округе проводила исследования Заполярная экспедиция ЛОИА³. Ряд стоянок, характеризующих бронзовый век этого края, открыт вблизи пос. Ярсале, а на мысе Корчаги около Салехарда обнаружены остатки стоянки с материалами, подобными находкам Р. Е. Кольса и Л. П. Лашука в низовьях Таза.

Среди случайно обнаруженных в 60—70-х годах памятников периодом энеолита и бронзы датируются стоянка на р. Йоркута-яха в юго-западной части Ямала, стоянка на р. Хэ-яха — притоке р. Щучья, открытая Ю. Б. Брилоном, стоянка шапкульской культуры в пределах Салехарда⁴.

Археологические памятники известны на севере Западной Сибири в многочисленных местах, но их сосредоточенность там, где проводились специальные изыскания, позволяет предполагать широкое заселение этого региона в эпоху бронзы. Уже накоплены значительные и разнообразные материалы, характеризующие целым рядом разнокультурных комплексов сложность происходящих здесь в ту эпоху этнокультурных процессов. Эти материалы позволили наметить благодаря аналогиям в культурах юга Западной Сибири этапы и пути заселения западносибирского севера и прийти к выводу о раннем проникновении самодийцев в высокие широты⁵. Однако сами материалы большей частью оставались неизданными. Здесь впервые дается обобщающий их обзор.

Наиболее ранним памятником периода металла севера Западной Сибири считается стоянка, отнесенная В. Ф. Старковым к шапкульской культуре. Собранный на вымыве берега в пределах Салехарда, материал этой

стоянки представлен мелкими черепками керамики и шлифованными орудиями из сланца: наконечником стрелы листовидной формы, сильно уплощенным маленьким долотцем, фрагментом тонкого тесла и небольшим топориком клиновидной формы. Горшки имели слегка приостренные и отогнутые наружу венчики. Орнамент наносился в основном по принципу ступающей гребенки, но иногда сочетался с узорами, выполненными обычными гребенчатыми оттисками. Среди узоров преобладает мотив горизонтальных линий и чередующихся заполненных и незаполненных треугольников. В верхней части сосудов узор дополнялся ямками, встречающимися и на отдельных фрагментах стенок. Перечисленные находки имеют аналогии среди материалов шапкульской культуры, распространенной в Тюменском Притоболье. Эта культура датируется второй половиной III тысячелетия до н. э., ранним суббореалом⁶. Открытие в Салехарде стоянки шапкульского типа существенно расширяет ареал культуры и отражает заселение Приполярья из далеких районов таежного Зауралья.

Иные орнаментальные традиции позднеолитических памятников таежного Зауралья прослеживаются в керамическом комплексе Йоркутинской стоянки (рис. 1, 6—8), датируемой первой четвертью II тысячелетия до н. э. Горшки этой стоянки имели, по-видимому, митровидную форму и были орнаментированы сплошь. Основным мотивом орнамента были горизонтальные и вертикальные ряды «шагающих» оттисков гребенчатых и гладких штампов. Иногда эти ряды перемежались поясами округлых или продолговатых ямок и рядами зубчатых вдавлений, сделанных челюстью мелкого хищника. Характерной особенностью являются частые оттиски птичкообразных штампов и штампов в виде перевернутой арочки. На одном из сосудов птичкообразные вдавления составляли треугольные фестоны. Как достопримечательность отметим волнообразный выступ на краю венчика и неорнаментированное валикоподобное утолщение в верхней части горшка, прослеженные на единичных экземплярах.

Внутреннюю поверхность горшков иногда заглаживали пучком осоки, а внешнюю — зашлифовывали. Горшки делали из глины с примесью шамота и лепили из коротких лент. Вместе с этой керамикой был найден обломок тонкого листовидного ромбического в сечении наконечника стрелы, выточенного из шиферного сланца. Его длина более 10 см.

Образцы керамики, близко сопоставимой с йоркутинской, найдены на берегу оз. Ярсалинского и на Оби, ниже устья р. Полуй. С последнего местонахождения происходят и сланцевые наконечники стрел, подобные наконечнику Йоркутинской стоянки.

Как продолжение традиций йоркутинской керамики, по-видимому, выступает одна из групп керамики нижнего слоя стоянки в бухте Находка и стоянки Пернашор (рис. 1, 1—5). Горшки, входящие в эту группу, имели округлые днища, прямой и слегка отогнутый приостренный венчик. Всю внешнюю поверхность покрывал поясной орнамент. Кроме того, она шлифовывалась. Самым характерным орнаментальным мотивом являются плотные ряды мелкозубчатых арочных вдавлений, образующие подобие чешуйчатого узора. Использовали мелко- и крупнозубчатые гребенчатые прямые штампы, при помощи которых наносили пояса косорешетчатого узора, ряды косо и вертикально поставленных отпечатков, вертикальные и горизонтальные зигзаги. Применяли также гладкие прямые штампы и штампы, дающие каплевидные оттиски и вдавления в виде запятых. Употребляли способ «шагающей гребенки». Под венчиком делали два или три ряда ямок. В Пернашоре ряды ямок иногда опоясывали и тулово.

Эта керамика имеет большое сходство с керамикой Ортинской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Печора вблизи г. Нарьян-Мар⁷. Некоторое орнаментальное сходство наблюдается также с отдельными образцами керамики стоянок Колва-вис 16 и других местонахождений, открытых Г. А. Черновым и А. И. Блохиным в заполярном бассейне Печоры, на р. Колва, а также с горшками с поселений Ружникова и Пижма II в Центральном Тимане и Чужьяэль (жилище 4) — в верхнем течении р. Мезень⁸. Наблюдаются различия в керамике зауральских и европейских па-

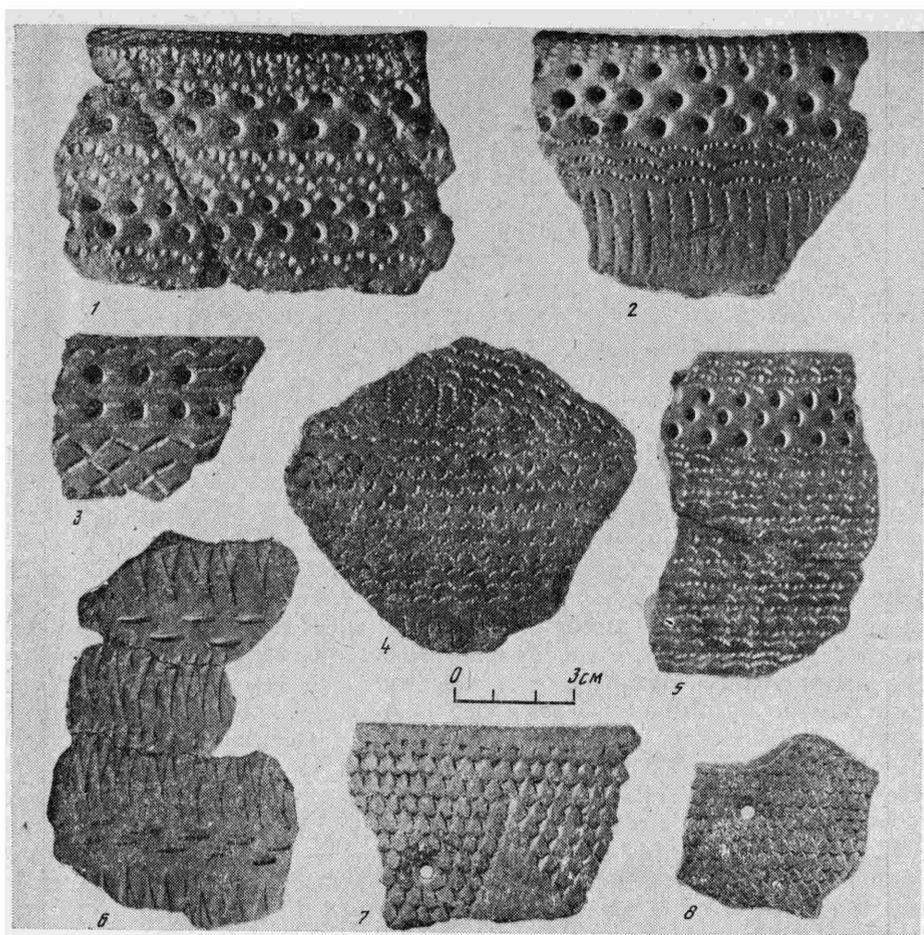

Рис. 1. Типы керамики

1—5 — ортинский тип: 1, 2, 5 — Пернашор, 3, 4 — бухта Находка; 6—8 — йоркутинский тип (Йоркутинская стоянка)

мятников, проявляющиеся в наличии S-видных профилей венчиков горшков Ортина и Чужьяёля, в геометризме узора керамики Чужьяёля, в нахождении на европейских памятниках чашевидных сосудов. Однако общие признаки и в первую очередь мелкие арочные элементы узоров позволяют объединить отмеченные керамические комплексы в одну культуру, которая может быть названа ортинской. В какой мере соотносится с этой культурой украшенная чешуеобразным узором керамика Чужьяёля — отражает ли влияние этой культуры или может быть в нее включена, — еще неясно. Тем более что это поселение находится вдали от других памятников ортинской культуры, располагающихся вблизи Полярного круга на пространстве от низовьев Оби до Тиманского кряжа. Возможно, памятники севера Западной Сибири удастся выделить в особый пернашорский, более ранний вариант ортинской культуры. Такое выделение соответствовало бы гипотезе, что сложение культуры произошло на основе зауральских позднеолитических и энеолитических памятников типа Сартынья I° и Йоркута, разделяемой в настоящее время большинством исследователей памятников типа Ортино.

Одновременно с ортинскими памятниками на севере Западной Сибири, по-видимому, существовали поселения еще двух культур, связанных происхождением с таежными частями Сибири. Одна из них названа сартыньской. Характерный для нее керамический комплекс был выделен на стоянках Сартынья II и Салехард I В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, а затем изучен на основе поселения Сартынья I Е. А. Васильевым, наме-

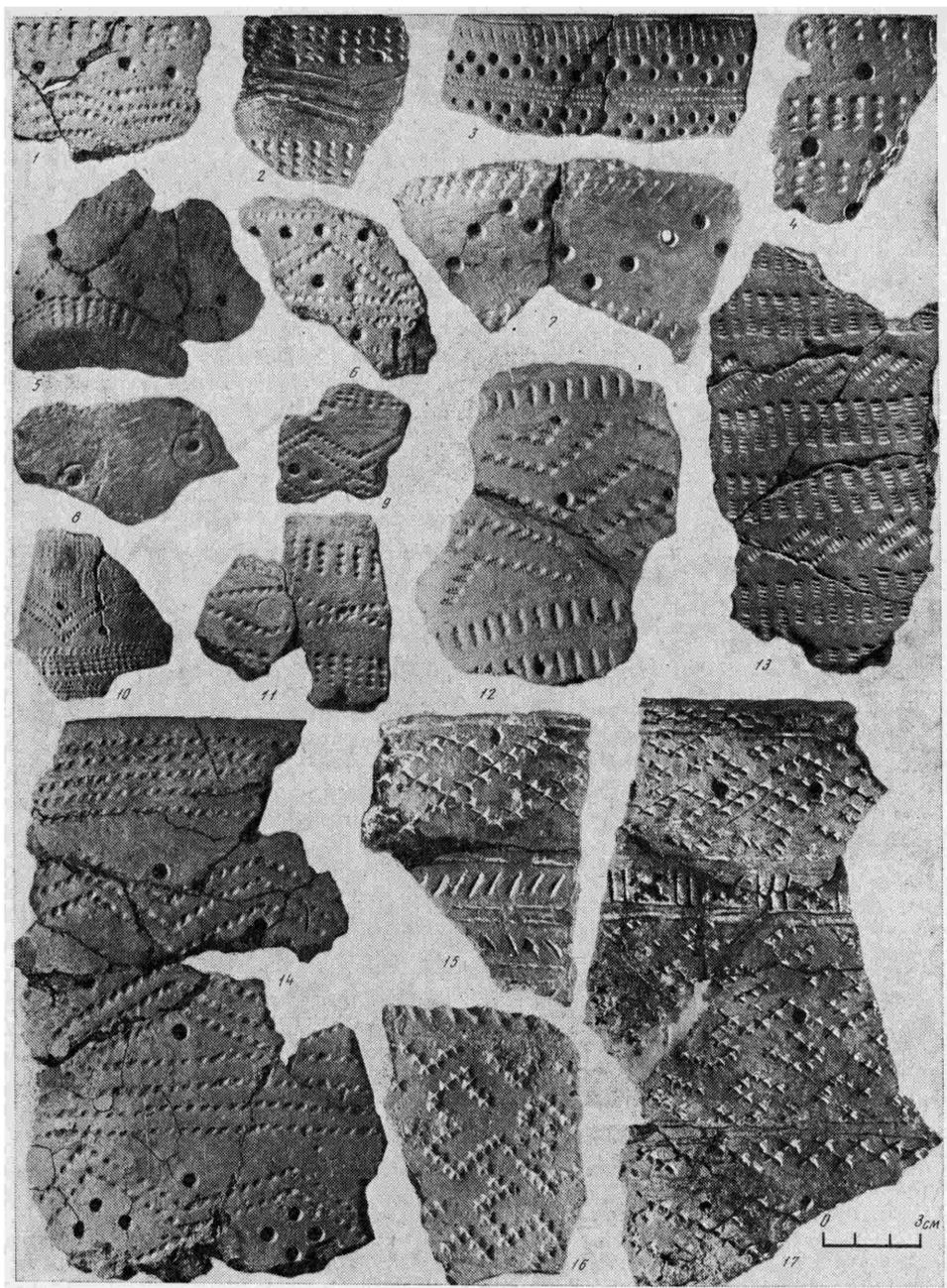
тившим в развитии этой культуры два этапа¹⁰. Местом сложения этой культуры является таежная часть Нижнего Приобья, где, кроме северососьвинских памятников, к ней относятся комплексы на поселениях Малый Атлым I, Шеркалы XI и XIII. К основным признакам культуры можно причислить горшки с уплощенными днищами, ладьевидные сосуды, прямоугольные блюда, миски с загнутыми внутрь краями, среди сложных и разнообразных орнаментов которых выделяются четырех- и шестиугольные фигуры, образующие сотовидные ромбы и зигзаги. Некоторые сосуды снабжены выступами на краях и небольшими ручками, оформленными в виде головок птиц или животных. Образцы такой керамики и найдены на стоянке Салехард I, отражающей распространение сартыньинской культуры в низовья Оби на втором этапе своего существования, датированном XIV—XIII вв. до н. э.

Еще одна культура выделяется на основе материалов стоянок Тазовская IV, открытой Р. Е. Кольсом; бухта Находка, Мыс I и IIА, Пернашор, исследованных Л. П. Лашуком; Корчаги IA, обнаруженной Л. П. Хлобыстиным. По первым находкам эта культура может быть названа тазовской. Для нее типичны плоскодонные горшки со слегка выпуклыми стенками и небольшими днищами (рис. 2, 1—12, 14, 15). Они лепились ленточным способом с широкими стыковыми заходами. Внешняя поверхность горшков пришлифовывалась, а на внутренней стороне имеются иногда следы заглаживания, напоминающие гребенчатые расчески. Внешняя сторона сосудов полностью, включая дно, орнаментирована композициями изямочных и линейно-гребенчатых вдавлений. Оттиски гребенчатых штампов располагаются вертикально или с небольшим наклоном, часто так плотно друг к другу, что весь пояс вдавлений воспринимается как единое целое. Между рядами гребенчатых отпечатков помещали горизонтальные, сделанные тем же гребенчатым штампом линии зигзагов, которые иногда образовывали вытянутые ромбы. При помощи длинных гребенчатых штампов делали пояса из горизонтальных линий. Для заполнения пространств между поясами гребенчатых оттисков использовали ряды редко расположенных глубоких ямок. Такие же ямки располагали поодиночке или парами на углах зигзагов, в середине образованных ими треугольников и ромбов. Имеются случаи расположения ямок в углах ромбов. Иногда для орнаментации использовали кольцевидные оттиски, сделанные полой костью, и каплеобразные вдавления. Последние характерны для стоянки в бухте Находка. На этой стоянке встречены сосуды с ребристым изгибом стенок и горшки, украшенные прямыми штампами лестничного типа.

Вместе с тазовской керамикой встречены изделия из кремнистых пород: скребки, близкий по очертаниям к прямоугольному треугольнику клинок ножа, наконечник стрелы треугольной формы. Употреблялись и сланцевые шлифованные орудия. Кремнистые породы мало использовались обитателями западносибирского севера, по-видимому, из-за большой редкости этого сырья.

Керамика тазовской культуры может быть сопоставлена с комплексами еловских памятников Томского Приобья и близкими им группами керамики, выделенными на поселениях Васюганья и Ваха¹¹. Их сближают общие принципы орнаментации и формы сосудов, в силу чего их можно считать родственными и выводить происхождение тазовской культуры из общей с еловской культурой основы. Возможно, появление памятников тазовской культуры на севере Западной Сибири связано с проникновением туда носителей еловских традиций. Керамика, подобная еловской и тазовской, обнаружена на стоянке Малый Атлым I и близ Вож-Пая, что, по-видимому, отражает один из путей, которым они продвигались. По аналогии с еловской культурой тазовские памятники можно датировать последней четвертью II — первыми веками I тысячелетия до н. э.

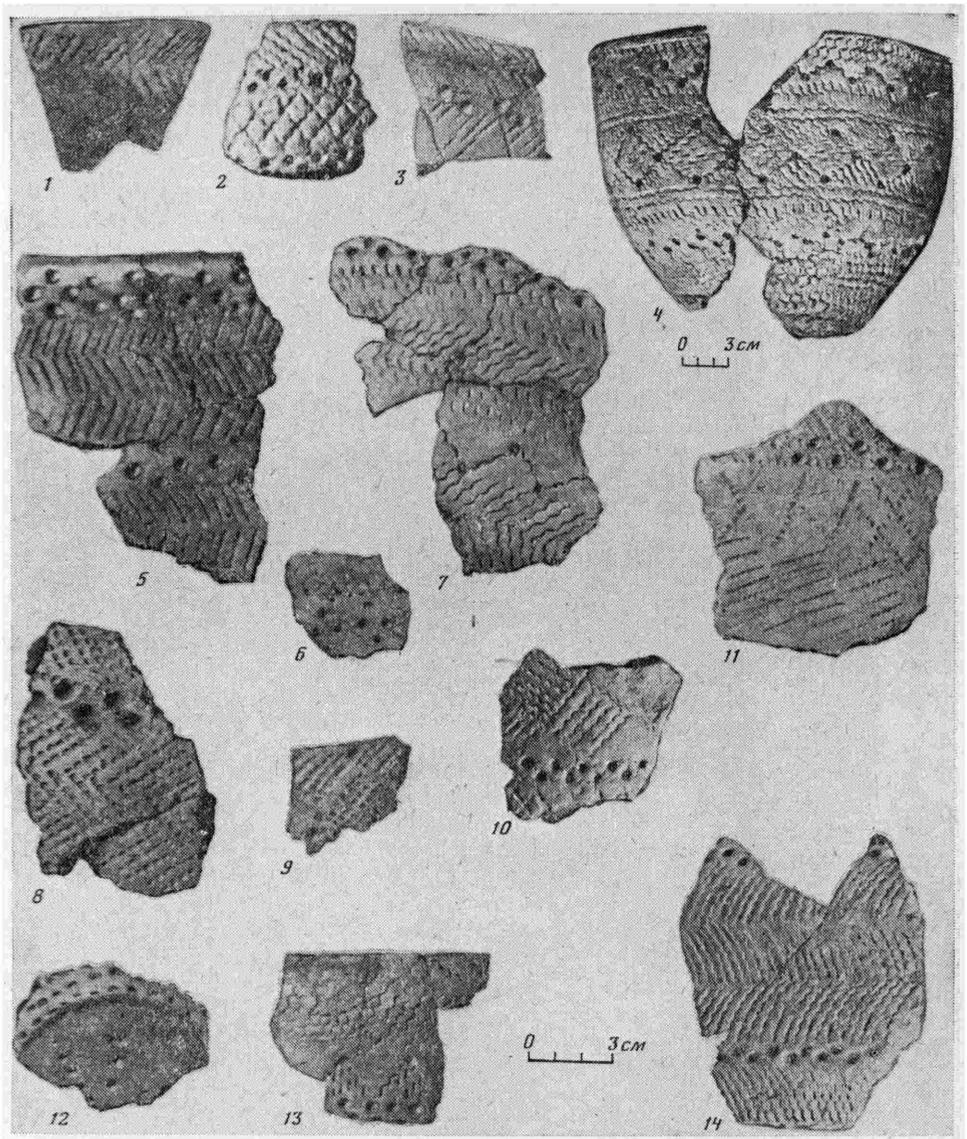
Примерно к первой четверти I тысячелетия до н. э. относится сложение в западносибирском Заполярье хэяхинской культуры. Ее керамический комплекс характеризуют находки на стоянках Хэ-яха и Корчаги IA, а также горшок, хранящийся в Ямало-Ненецком окружном краеведческом

Рис. 2. Типы керамики

1—14 — тазовский тип: 1, 6 — Корчаги IА, 2, 4, 7 — Мыс I, 3, 12 — Пернашор, 5, 8—11 — Тазовская IV, 13, 14 — бухта Находка; 15—17 — с крестовым орнаментом

музее в Салехарде (рис. 3). Этот комплекс составляют крупные (диаметр до 29 см) открытые горшки с небольшими плоскими днищами и маленькие воронковидные плоскодонные сосудики. Стенки и днища их имеют сплошную орнаментацию, во многом напоминающую узоры тазовской керамики. Однако, хотя среди них встречаются сосуды, украшенные гребенчатыми штампами, основным элементом их орнамента являются мелковолнистые (мелкоструйчатые) отпечатки линейных штампов. Такими оттисками сделаны зигзаги, горизонтальные линии, решетчатые композиции, заполнены треугольные фестоны и мозаично расположенные квадраты. Как и

Рис. 3. Керамика хэяхинского типа

1—3, 5—13 — Хэяхинская стоянка; 4 — горшок из Салехардского музея

на тазовских горшках, большую роль в орнаментации играют круглые ямки. Они находятся на углах зигзагов, треугольников и квадратов, образуют самостоятельные пояса. Характерны их шашечное расположение и ромбические сочетания. В первом случае между рядами ямок иногда оформляется валик, подобный валикам на гамаюнских горшках. Выпуклые зигзаговидные валики создавались и между рядами треугольных и квадратных фигур. На одном горшке венчик был утолщен снаружи треугольным в сечении орнаментированным валиком. Использование мелкоструйчатого штампа и некоторые орнаментальные композиции сближают хэяхинскую керамику с керамикой атлымской, молчановской и гамаюн-ской культур. При этом она сохраняет традиционные черты тазовских горшков. Все это позволяет предполагать, что люди, создавшие керамику хэяхинского типа, были потомками носителей тазовской культуры и поддерживали связи с творцами культур, в которых получил развитие прием мелкоструйчатой орнаментации.

В культурах таежной зоны Западной Сибири мелковолнистые штампы:

использовали в основном в сочетании с крестовидными штампами. На хяяхинских сосудах отпечатки крестовидных штампов отсутствуют. О проникновении к Полярному кругу коллективов с крестовой керамикой свидетельствует находка на поселении Пернашор крупных плоскодонных горшков, у которых основой орнамента были оттиски крестовидных штампов (рис. 2, 13, 16, 17). Ряды таких вдавлений образовывали сложные фигуры и как бы заменяли отпечатки линейных штампов. Последние имели второстепенное значение, выступая в роли орнаментальных зон. Ряды редких ямок, наносившихся поверх других элементов узора, оставались данью традициям, восходящим к гребенчато-ямочному неолиту. Горшки с крестовидным орнаментом Пернашора близки керамике атлымской культуры, относимой ко второму типу и датируемой X—XIII вв. до н.э.¹² Эта культура выделяется по ряду памятников Сургутско-Сосьвинского Приобья. Находки в Пернашоре расширяют ее ареал до Салехарда.

Необходимо упомянуть о керамике еще одного типа, найденной на стоянке Хадыта-яха I вблизи пос. Ярсале. Это черепок горшка, имеющий примесь шерсти в глине и вафельный технический орнамент с мелкими прямоугольными ячейками на внешней поверхности. По этим признакам он относится к ымыяхтахской культуре, ближайшей территорией распространения которой является Таймырское Заполярье, где подобная керамика датируется последними веками II тысячелетия до н. э. Учитывая отдельные находки вафельной керамики в заполярных и приполярных районах к западу от Ямала (в Большеземельской тундре, на Кольском полуострове, в Финляндии и Норвегии), найденный черепок надо рассматривать как один из следов продвижения носителей ымыяхтахской культуры в европейское Заполярье, происшедшего на рубеже II—I тысячелетий до н. э.

Существование на севере Западной Сибири в конце II — начале I тысячелетия до н. э. различных по генезису культурных комплексов может объясняться климатическими изменениями, нарушившими условия обитания охотническо-рыболовческих коллективов и вынудившими их искать новые промысловые угодья. Немногочисленность на стоянках бронзового века горшков и орудий доказывает существование небольших коллективов, ведших подвижный образ жизни, типичный для охотников, уделяющих мало времени рыболовству.

Население западносибирского севера неоднократно пополнялось пришельцами. Во многом заселение этого региона связано с приходом коллективов, предки которых жили в лесном Зауралье. Им принадлежали поздненеолитические памятники, памятники типа Йоркутинской стоянки и поселения ортинской культуры, между которыми прослеживаются черты преемственности. Сартыньинская культура сложилась на территории, которую по времени существования этой культуры можно включать в ареал формирования обьгурских этносов, что позволяет считать ее носителей угрозычными. Что же касается тазовской и хяяхинской культур, то их генетическая связь с памятниками гребенчато-ямочной керамики Сургутско-Нарымского Приобья и через их посредство — с неолитической гребенчато-ямочной общностью Среднего Прииртышья, с которой большинство археологов сопоставляет формирование самодийского базисного этноса, заставляет склоняться к мнению о вхождении рассматриваемых культур в круг самодийских. Появление памятников тазовской культуры на севере Западной Сибири отражает первую волну заселения этой территории древними самодийцами.

¹ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 1953, 35, с. 46—48; Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. — Там же, с. 184—188.

² Лашук Л. П. Историко-этнографические исследования на Крайнем Севере

Сибири. — В кн.: Вестник МГУ, 1965, сер. IX, № 5.

³ Хлобыстин Л. П. Исследования на севере Западной Сибири. — АО 1966 г. М., 1967; Он же. Работы на севере Западной Сибири. — АО 1976 г. М., 1977.

⁴ Королев Ю. Г., Хлобыстин Л. П. Йоркутинская стоянка на полуострове

- Ямал.— КСИА, 1969, 115; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980, с. 165.
- ⁵ Лашук Л. П. Историко-этнографические исследования...; Хлобыстин Л. П. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.).— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1975, т. 1.
- ⁶ Старков В. Ф. Мезолит и неолит..., с. 196; Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981, с. 45—48.
- ⁷ Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П. Новая стоянка в Печорском Заполярье.— КСИА, 1962, 92; Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы.— МИА, 1973, 172, с. 61.
- ⁸ Стоколос В. С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана.— МАЭСВ, 1973, 5, с. 35—37, 40; Стоколос В. С. Поселение Чужьяель на Мезени.— МАЭСВ, 1978, 7.
- ⁹ Чернецов В. Н. Древняя история..., с. 14—19.
- ¹⁰ Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы.— В кн.: Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- ¹¹ Посредников В. А. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, 5; Кириюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979; Васильев Е. А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья.— В кн.: Этнокультурная история Западной Сибири. Томск, 1978; Косарев М. Ф. Бронзовый век..., с. 145—162.
- ¹² Васильев Е. А. Северное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность памятников.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск, 1982; Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

СИБИРСКИЕ КУРИЛЬНИЦЫ

В могилах афанасьевской и окуневской культур найдены низкие чаши на поддоне, резко выделяющиеся по форме из общей серии керамики. В первых публикациях они были названы «вазочками или вазами». Позже С. В. Киселев указал, что эти сосуды похожи на вазочки-курильницы катакомбной культуры и, судя по нагару на внутренних стенках, служили, как и их западные аналоги, лампами или курильницами.

В 1950 г. в одной из окуневских могил была найдена «вазочка» с небольшим отделением в чаше, чем она особенно напоминала курильницы из северочерноморских степей. Термин, принятый для наименования европейских «вазочек», был перенесен на азиатские, которые стали использовать в качестве аргумента для исторических выводов. Сходство сибирских и европейских курильниц объясняют либо связями между столь отдаленными территориями, либо южным происхождением афанасьевской культуры, а наличие курильниц в афанасьевской и окуневской культурах считают доказательством сосуществования культур и даже их генетической близости¹.

Между тем, ничто, кроме курильниц, не подтверждает ни сношения сибирских племен с причерноморскими, ни генетическую связь между сибирскими культурами. Правда, гипотеза о южном происхождении афанасьевской культуры и о ее связи с ямной все больше подкрепляется новыми материалами и находит сторонников. Однако нельзя забывать, что курильницы есть в афанасьевских могилах, но пока не найдены в ямных, а катакомбная культура, где их множество, по современным представлениям, генетически не связана с ямной. Источниковедческий анализ и сопоставление «вазочек» затруднены тем, что имеются сведения лишь о девяти сибирских курильницах. Поэтому основной задачей настоящей работы является полная публикация сибирских сосудов².

Афанасьевские курильницы Енисея. Все курильницы (21 экз.) найдены в могильниках. Это толстостенные низкие чаши, иногда с массивной налепной ручкой, плоским коническим поддоном. Общая высота сосудов 8,5—10 см, высота поддона 2—3 см, диаметр чаши 12—16 см, глубина чаши

4,5—6 см, диаметр поддона 7,5—12 см. Изготовлены они в той же керамической традиции, что и остальные афанасьевские сосуды — способом кольцевого налепа, и так же орнаментированы оттисками штампа, чаще — гребенчатого, реже — прямого, и палочки. Орнамент украшает наружную поверхность, иногда дно и бортик изнутри. Все «вазочки» с обеих сторон окрашены охрой, иногда обильно, а внутри чаши закопчены. Редкость сосудов, их окрашенность, отсутствие на дне жировых прослоек, незначительная закопченность внутренних стенок и орнаментация края чаши позволяют сделать вывод о культовом характере сосудов, в которых сжигали небольшое количество растительного вещества — видимо, ароматные травы или веточки.

Между собой курильницы схожи, но не идентичны. Они различаются пропорциями чаши и поддона, оформлением ручки и поддона, расположением оттисков орнамента по горизонтали или диагонали, по всей поверхности или снаружи. В целом различия малосущественны. В частности, среди налепных ручек бывают треугольные, овальные, прямоугольные, с одним или двумя сквозными отверстиями. Поддоны бывают гладкими, резными, разделенными на ножки или с прилепленными к ним ножками. У одной из курильниц в ножках имеются углубления (диаметр 1,5 см), в которые, очевидно, что-то вставлялось. Наиболее существенными отличительными признаками являются наличие ручки и массивность «вазочки». Они как бы имитируют каменные сосуды. Можно думать, что каменные прототипы этих культовых сосудов были без ручек. Самые толстостенные из них — преимущественно без ручек, найдены в наиболее ранних памятниках (по радиоуглеродным датам), а поздние курильницы легче и почти всегда имеют ручки. Отверстия в ручках протерты шнуром. Значит, эти «вазочки» подвешивались на шнуре, в частности, по предположению М. П. Грязнова, при ношении, Любопытно, что отверстие, оказавшееся ненужным, замазывали глиной (рис., 9).

Приводимые ниже сведения о местонахождении курильниц доказывают их редкость и позволяют предполагать избранность тех покойников, кому они ставились (отмечаются места хранения курильниц).

Карасук III. Могильник на берегу р. Карасук, 14 оград с 37 могилами, похоронены 32 взрослых и подростков, 26 детей (раскопки М. П. Грязнова, М. А. Комаровой 1961—1963 гг.). Курильницы стояли в трех могилах (ГЭ, неопубликованы) ³.

В одной могиле (ограда 1, могила 1) похоронены подросток и двое мужчин, кости окрашены. Кроме курильницы (рис., 1), встречены пять обычных сосудов и кусочек меди. В ограде 7, могиле 1 похоронены двое мужчин. Кроме курильницы (рис., 2), были черепки двух сосудов. В могиле ограды 13 похоронены мужчина и еще двое взрослых, кости окрашены. Кроме курильницы (рис., 3), найдены четыре сосуда и каменная колодушка.

Афанасьева Гора. Могильник у с. Батени, на левом берегу Енисея, 35 оград с 39 могилами, похоронены 52 взрослых и 13 детей (раскопки С. А. Теплоухова 1920, 1923 гг.; М. П. Грязнова и М. А. Комаровой 1963—1964 гг.). Курильница положена в могилу 3 мужчине (МАЭС) ⁴. Кроме курильницы (рис., 4), обнаружены сосуд и 70 астрагалов овцы.

Малые Копены II. Могильник у с. Копены, на левом берегу Енисея, четыре ограды с 18 могилами, похоронены 15 взрослых и восемь детей (раскопки Л. А. Евтюховой 1940 г.; Л. П. Зяблина 1961—1962 гг.). Найдены две курильницы (ГИМ, неопубликованы) ⁵. Одна — в могиле (ограда 2), где похоронен взрослый. Кроме курильницы (рис., 5), встречены сосудик кубической формы и череп животного. Покрытие сожжено. Другая курильница лежала у покрытия ямы (ограда 4, могила 9). Похоронены двое взрослых, при них — сосуд.

Сыда I. Могильник на берегу р. Сыда, у б. с. Сыда, 12 оград. Раскопано девять оград с 14 могилами, похоронено около 20 взрослых и несколько детей (раскопки С. В. Киселева 1929 г.; М. П. Грязнова и М. А. Комаровой 1965 г.). Найдены две курильницы (ММ и ГЭ) ⁶. Одна — в могиле-

(ограда 7), где похоронено двое взрослых. Кроме курильницы (рис., 7), были корчага, три сосуда, роговой наконечник, кремневый отщеп. Другая курильница (рис., 8) найдена в насыпи ограды 9. В одной яме лежали скелет человека 45 лет, корчага, два сосуда, роговой наконечник.

Красный Яр I. Могильник на левом берегу Енисея, у горы Оглахты, 15 оград с 20 могилами, похоронены 30 взрослых и, видимо, 16 детей (раскопки В. П. Левашовой 1930 г.; Э. Б. Вадецкой 1969, 1972 гг.). Найдена одна курильница (ММ)⁷ в могиле мужчины (ограда 5). Кроме курильницы (рис., 11), были два-три сосуда, «блюдец», изделие из рога. Одно из отверстий в ручке курильницы забито глиной.

Малиновый Лог. Могильник на правом берегу Енисея, в 4—5 км ниже горы Тепсей, шесть оград. Раскопаны четыре ограды с восемью могилами, похоронены пять взрослых и четыре младенца (раскопки А. А. Боковенко 1977 г.). Курильницы — в двух могилах (ЛЮИА, неопубликованы)⁸. Первая — в яме с обожженным бревенчатым покрытием (ограда 1, могила 1). Похоронена пожилая женщина. Кроме курильницы (рис., 9), найдены два сосуда, бронзовое шило и серебряная серьга. Вторая курильница также поставлена пожилой женщине (ограда 4). Кроме курильницы (рис., 10), был сосуд.

Тесь I. Могильник в 0,6 км от с. Тесь, на берегу р. Туба, 15 оград с 15 могилами, похоронено по одному человеку (раскопки С. В. Киселева 1929 г.). Найдены две курильницы в одной могиле (ГЭ)⁹. Похоронены взрослый и, видимо, младенец (ограда 14, могила 2). Кроме курильниц (рис., 12, 13), было пять сосудов (один миниатюрный).

Тесь III. Могильник в 1 км от предыдущего. Сохранились три могилы со взрослыми погребениями (раскопки С. В. Киселева 1932 г.). В могиле 2 (ограда 10), где похоронено шесть человек, найдена курильница (ГИМ)¹⁰. Кроме курильницы (рис., 14), встречены еще три сосуда, рогсвой наконечник палки, бронзовая серьга.

Моисеиха. Могильник на берегу Тубы, в 5 км от с. Потрошилово, более 30 оград. Раскопаны 14 оград с более чем 20 могилами, похоронены 16 взрослых и несколько детей (раскопки В. А. Зиминной 1959 г.). Найдена одна курильница (ММ, неопубликована)¹¹. Поставлена взрослому человеку (ограда 16, могила 2). Кроме курильницы (рис., 15), было еще четыре сосуда.

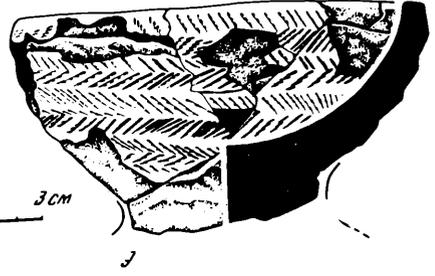
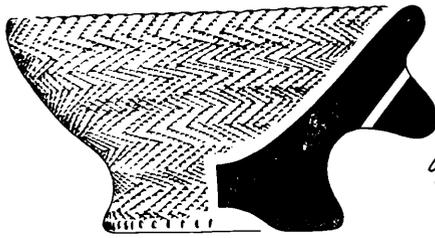
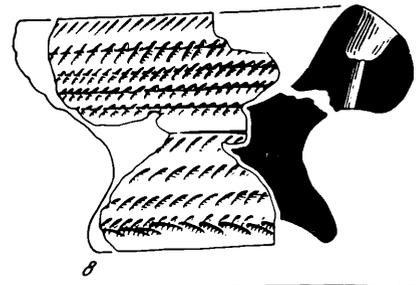
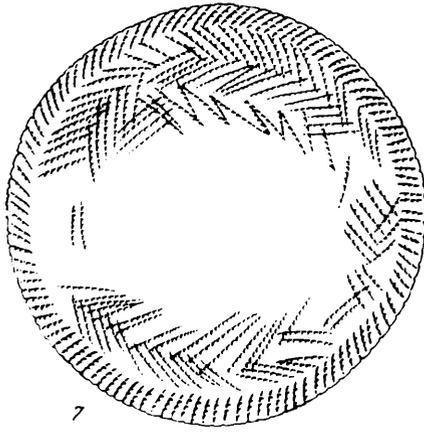
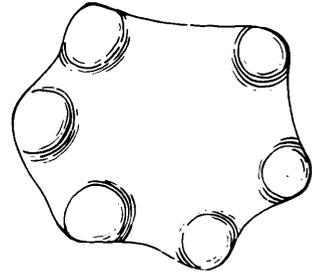
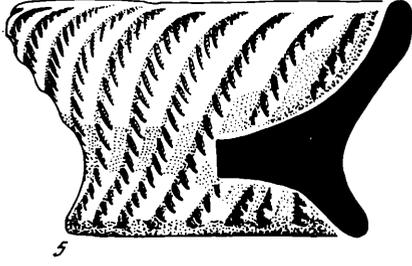
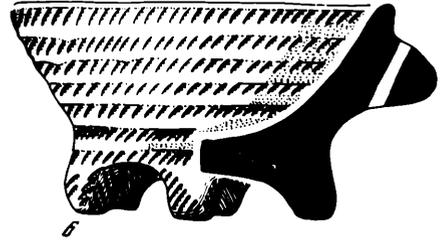
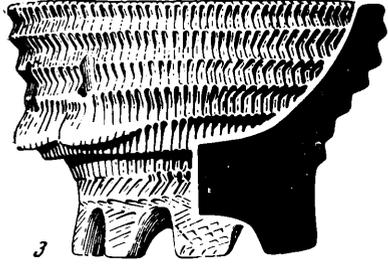
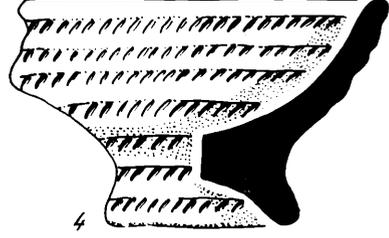
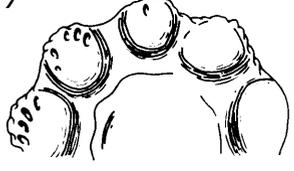
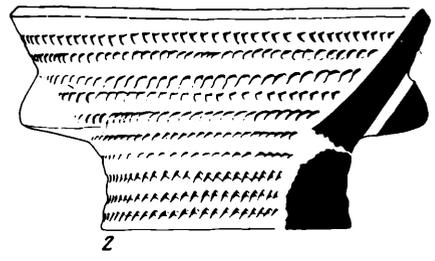
Камышта. Могильник на берегу р. Ниня, 20 оград. Раскопаны три ограды с тремя могилами (раскопки А. Н. Липского 1959 г.). Курильница (неопубликована, АМ; рис., 16)¹² стояла в ногах мужчины в парном погребении (ограда 2). Здесь же — сосуд, кости коровы и овцы, кучка древесного угля.

Летник VI. Могильник на левом берегу Енисея, у пос. Летник, 25 оград. Раскопаны 16 оград с 17 могилами взрослых и около 40 — детей, похоронено 22 взрослых человека (раскопки Ю. М. Трифонова 1972—1973 гг.; А. С. Полякова, М. Н. Пшеницыной 1975—1979 гг.). Найдены шесть курильниц целых и в обломках (ЛЮИА, Кемеровский музей, неопубликованы)¹³. Первая (рис., 17) — найдена за оградой, в которой были могила взрослого и две — детские (ограда 1). Взрослому поставлена корчага. Обломки второй курильницы (рис., 19) — в могиле с костями женщины и животных (ограда 2, могила 2). Третья курильница (рис., 20) стояла вверх дном на борту ямы (ограда 3, могила 1). Похоронены женщина и ребенок, при них — три сосуда и бронзовое шило. Четвертая курильница (рис., 21) встречена в оgrade 25, где похоронено двое мужчин (один покрыт слоем охры). Здесь же было два сосуда. Обломок пятой курильницы оказался в насыпи ограды 14, содержавшей могилу

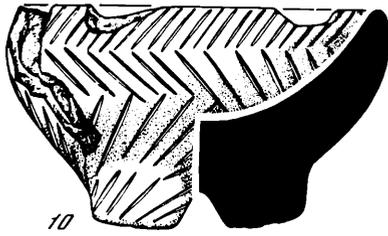
→

Рис. Афанасьевские (1—24) и окуневские (31—36) курильницы и необычные ритуальные сосуды (25—30)

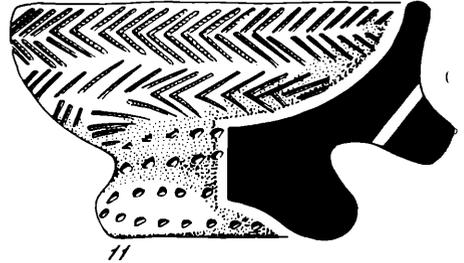
1—21, 31—36 — бассейн Енисея; 22—24 — Алтай; 25—30 — бассейн Енисея и Алтай

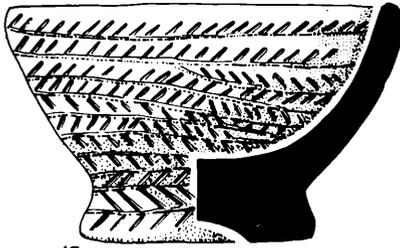
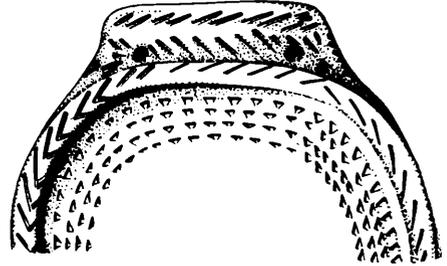
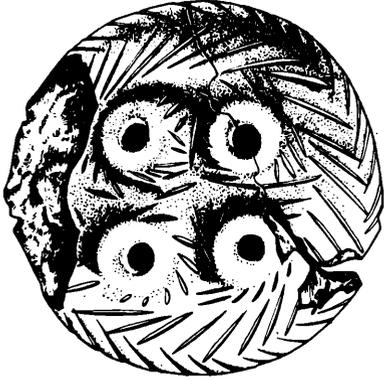
0 3cm

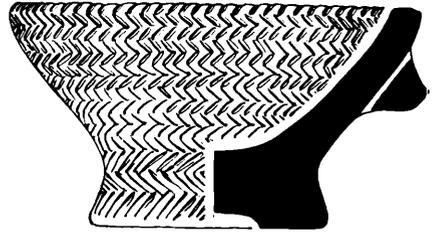
10

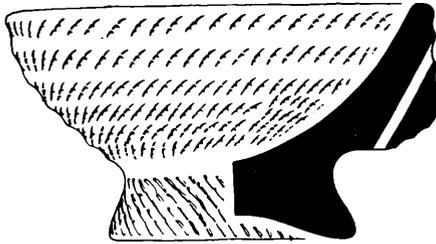
11

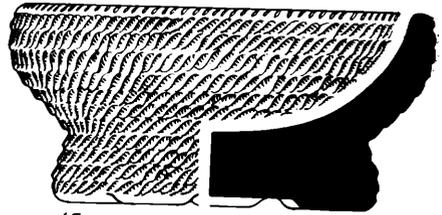
12

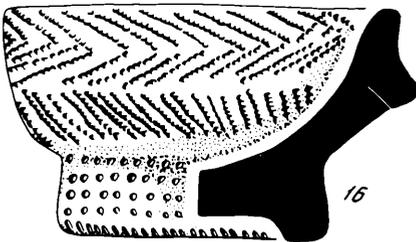
13

14

15

16

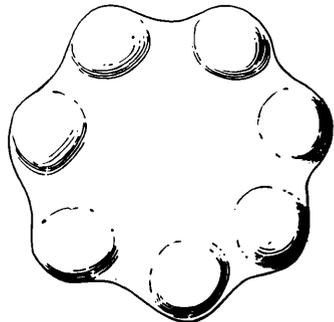

Рис. (Продолжение)

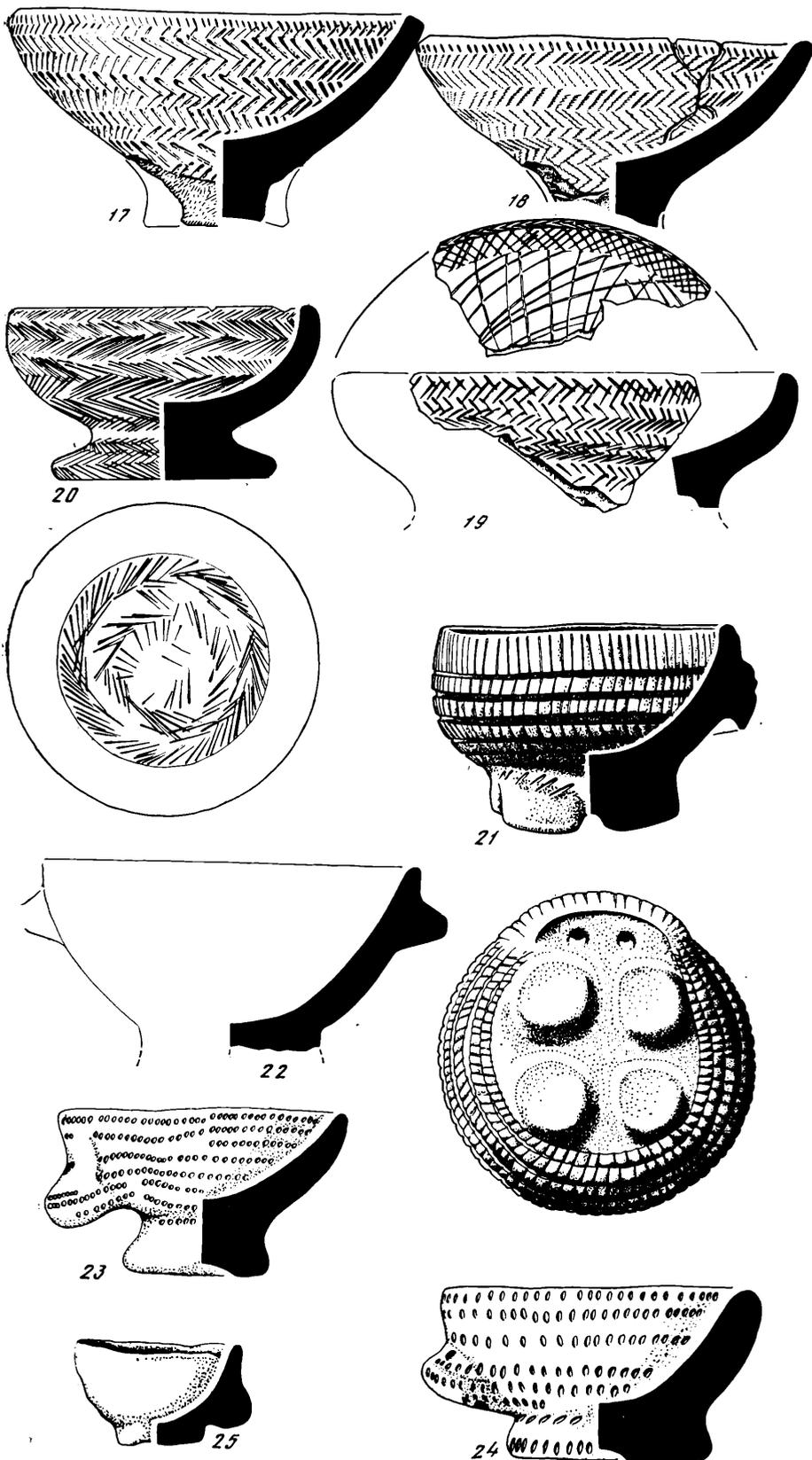

Рис. (Продолжение)

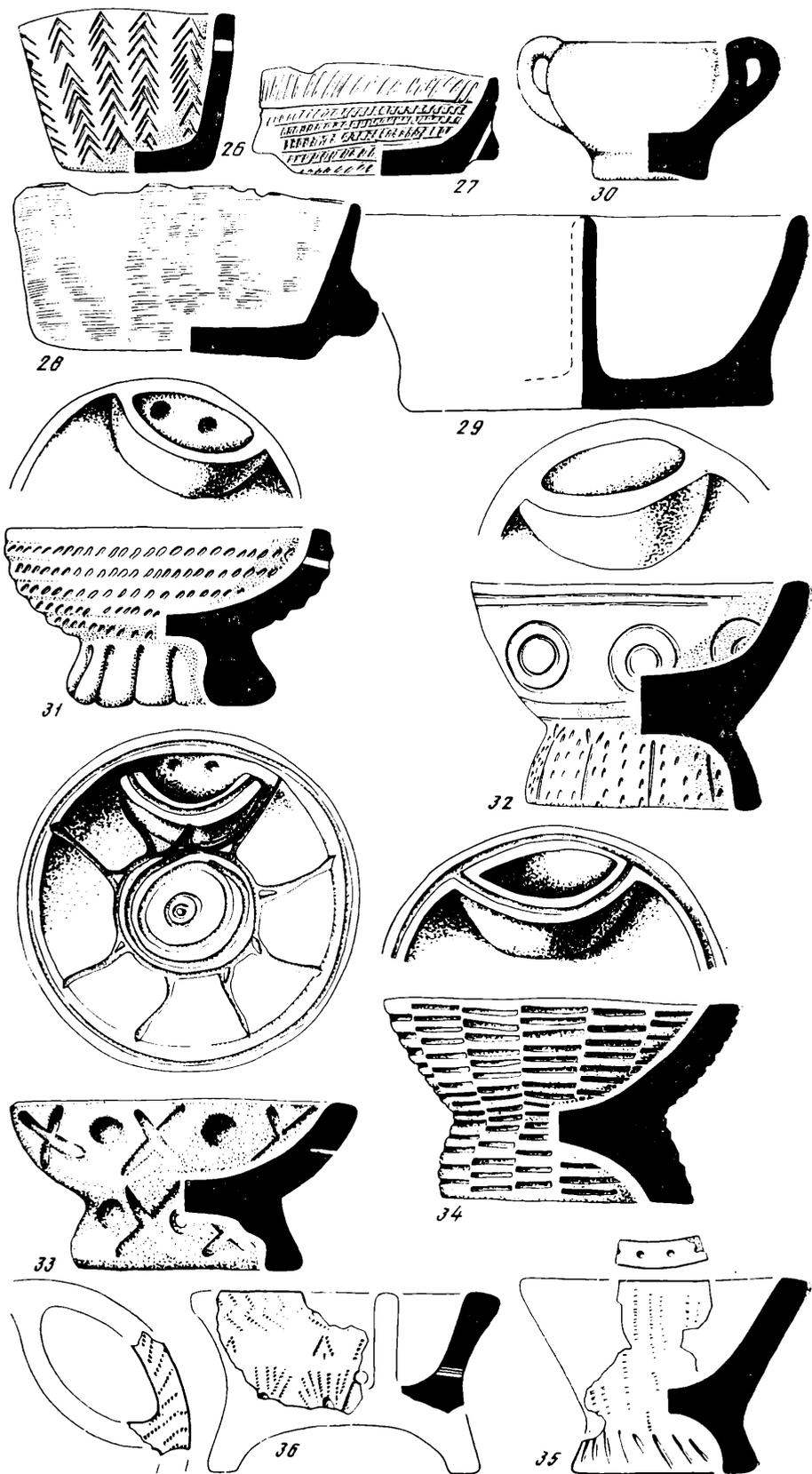

Рис. (Окончание)

с костями и фрагментом бронзового шила. Шестая курильница обнаружена при неизвестных обстоятельствах (рис., 18).

В Минусинской котловине раскопки афанасьевских могил произведены в 26 пунктах, но полностью или наполовину исследовано 14 могильников и в 11 из них обнаружены курильницы. Складывается впечатление, что в ранний период культуры их употребляли чаще, ставили большему числу покойников, а в поздний — реже. Как правило, эти сосуды стоят в одной-двух могилах кладбища, где одна курильница приходится на 10—12 взрослых покойников и даже иногда — на 30 и 50. Могилы с курильницами обычно выделяются большими размерами ямы, количеством сосудов, превышающим принятые стандарты, редкими изделиями. Иногда в одном погребальном комплексе сочетаются все перечисленные отличительные признаки. Обращает на себя внимание, что иногда курильницы помещены вместе с корчагами, служившими для общественных трапез, и посохами с роговым навершием — символами власти¹⁴. В то же время улавливаются и некоторые отличия в погребальном ритуале мертвецов, которым поставлены курильницы. Их обсыпают охрой, в могилу кладут мясо, ритуальные астрагалы, голову животного. Реже встречаются могилы, отличающиеся от рядовых только тем, что в них поставлены курильницы. Но именно они позволяют предполагать, что курильницы ставили в могилы лишь тем, кто владел ими при жизни для исполнения определенных ритуальных церемоний. Эти культовые обязанности у афанасьевцев исполняли как мужчины, так и женщины.

Афанасьевские курильницы Алтая. Наибольшее число курильниц (обломки массивных «вазочек» на поддоне) найдено на поселении Каратенеш¹⁵. Кроме того, они встречены еще в трех могильниках.

Куюм. Могильник на берегу р. Куюм, раскопан 20 могил (раскопки С. М. Сергеева, Г. П. Сосновского 1932—1934 гг.; Е. М. Берс 1964—1965 гг.). Неорнаментированная курильница (рис., 22) находилась в могиле 10, где похоронены мужчина и ребенок. При них — обломки челюстей животных (ГЭ)¹⁶.

Курота II. Могильник на берегу р. Курота, девять оград, раскопано семь, похоронено 12 человек (раскопки С. В. Киселева 1936 г.)¹⁷. Курильница (рис., 23) — в ограде 2 с двумя мужчинами и женщиной (ГИМ). Кроме курильницы, были два сосуда и пест.

Муны. Одна могила раскопана местными жителями у д. Муны. Яма в песчаном грунте глубиной 1 м. Курильница (рис., 24) стояла в ногах взрослого человека (Горно-Алтайский музей).

Помимо однотипных «вазочек»-курильниц, на Енисее и Алтае найдено несколько сосудов необычных форм, напоминающих курильницы какой-либо деталью — поддоном, ручками, сквозными дырочками для подвешивания, формой чаши. Эти сосуды всегда окрашены охрой. Видимо, они тоже были культовыми, возможно, разновидностью курильниц. Это две чашечки на небольшом поддоне с одной и двумя ручками (Нижний Тюмечин I, ограда 4; рис., 25; Моисейха, ограда 4; рис., 30); миниатюрные сосудики кубической формы с двумя дырочками на противоположных стенках (Малые Копены, ограда 2; рис., 26); овальная мисочка с двумя налпными ручками (Карасук III, ограда 2; рис., 27); миска с налпной ручкой (Елоу-баши, ограда 5; рис., 28); миска, разделенная пополам перегородкой (Бельтыры, ограда 8; рис., 29). Наибольший интерес представляет сосуд с перегородкой, поскольку эта деталь характерна для курильниц окуневской культуры.

Окуневские курильницы представлены четырьмя целыми сосудами и обломками еще четырех. Это низкие чаши на поддоне, обычно круглом и полом. От афанасьевских отличаются боковым отделением (кармашком) внутри чаши, а также орнаментом. Общая высота «вазочек» 8—10 см, диаметр чаши 11—13 см, глубина чаши 4—5 см, высота поддона 2—4 см, диаметр поддона 8,5—12 см. Длина внутренних камерок 7—8 см, радиус — 2—3 см, глубина — 1,5—2,5 см. Сосуды окрашены охрой, орнамент покрывает наружные стенки, а в одном случае — и дно чаши.

Большое кольцо. Ограда у истоков р. Камышта, в 0,5 км от пос. Камышта. В ограде — могилы афанасьевской и окуневской культур (раскопки А. Н. Липского 1959 г.; Г. А. Максименкова 1974 г.). Найдены одна целая курильница и мелкие обломки другой (АМ, неопубликованы)¹⁸. Целая курильница (рис., 31) стояла у черепа мужчины в парном погребении, в ногах были афанасьевский сосуд и кости овцы (могила 3). Среди камней, которыми обставлена яма, — обломок окуневского изваяния.

Тас-хазаа. Ограда на правом берегу р. Абакан, близ улуса Чаптыкова. 15 могил с 30 погребениями (раскопки А. Н. Липского 1957 г.). Курильница неопубликована (АМ)¹⁹. Находилась в каменной гробнице 4, где похоронены мужчина, две женщины и младенец. Курильница (рис., 32) положена в ноги мужчины вместе с бронзовыми изделиями (ножом, шилом, ритуальным топориком), мраморным шаром и куском говядины и баранины. В могиле были также нижний камень зернотерки, колотушка, сосуды баночной формы и афанасьевский, бронзовый игольник с иглами, два мраморных шарика, украшения из резцов сурка и клыков кабарги.

Аскиз. Могила на правом берегу р. Аскиз, под насыпью тагарского кургана (раскопки А. Н. Липского 1950 г.). Похоронен мужчина, под голову положен камень, у головы поставлена курильница (рис., 33), в ноги — сосуд. На дне чаши курильницы — пять кругов с девятью лучами (АМ)²⁰.

Есь. Могила между речками Есь и Тея, в 5 км от улуса Федорова, под насыпью тагарского кургана (раскопки А. Н. Липского 1952 г.). Похоронен подросток (кости обожжены). Кроме курильницы (рис., 34), найдены окуневский сосуд, 18 костяных колечек и бусина (АМ)²¹.

Обломки трех курильниц, аналогичных целым (рис., 35, 36), найдены на р. Черновая и у с. Быстрое (ММ, неопубликованы).

Окраска и солярная символика рисунков на окуневских «вазочках» свидетельствуют о ритуальном характере последних, но определить их конкретное применение сложнее, чем афанасьевских. Следы закопченности внутри чаши, особенно на стыках стенок чаши и камерки, позволяют считать, что эти сосуды, как и афанасьевские, использовались для воскурений ароматических веществ, помещенных в неглубокое боковое отделение. Однако, по наблюдениям А. Н. Липского, внутри двух чаш сохранились следы не только огня, но и размещения охры. Так, камерка внутри есинской чаши была заполнена охристой глиной, а дно чаши — тремя слоями глины и прослойкой сажи между ними. А. Н. Липский предположил, что «вазочка» была светильником и одновременно служила для размещения охры, которой натирали лицо и тело. На первое значение курильницы указывают обожженные кости подростка в могиле и химический анализ охристого вещества внутри сосуда, подтвердивший, что в камере происходило горение²². Тот же смысл — источника света, может быть, был вложен в аскизскую «вазочку», на дне чаши которой нарисовано солнце. По мнению А. Н. Липского, она была подвешена наклонно (через дырочки в стенке), изображением к голове покойника²³. Однако с меньшим правом можно предполагать, что в этих «вазочках» размещали охру, так как у окуневцев установлен обычный раскрашивать лица труцов²⁴. Видимо, окуневские «вазочки», изготовленные для использования в качестве курильниц, в дальнейшем применялись по-разному и ставились в могилы с разными целями. Те, в которые клали охру или ароматные вещества, ставили в ноги, а те, которым придавали значение источника света, наклонно подвешивали у головы, для чего просверливали дырочки в стенках. Редкость сосудов и их функциональное разнообразие пока не позволяют определить, какой категории погребенных их ставили. В одном случае курильница поставлена безусловно очень знатному покойнику (Тас-хазаа), но другие были в рядовых могилах.

Окуневские и афанасьевские курильницы похожи друг на друга. У них одинаковые размеры, пропорции чаш и поддонов, все они окрашены охрой и орнаментированы; в обеих группах встречаются сосуды с дырочками для подвешивания. Особенно напоминает афанасьевскую курильницу «вазочка» Камышты с «лепестковой» ножкой и орнаментом,

характерными для афанасьевской керамики (рис., 31). В том, что сходство не случайно, убеждают условия находок. Напомним, что три из четырех окуневских курильниц найдены в могилах, где находились афанасьевские сосуды. Видимо, афанасьевские курильницы в целом послужили прототипами для окуневских.

К иным выводам приводит сопоставление сибирских курильниц с катакомбными. У них различны пропорции, размеры и формы поддонов, а также боковые отделения. К тому же, западные сосуды многочисленны, насчитываются сотнями. Их в качестве курильниц, светильен и жаровен ставили рядовому населению. Сибирские же исчисляются несколькими десятками, и их ставили строго определенной категории покойников — видимо, служителям культа. Тем не менее, среди катакомбных курильниц есть безусловно похожие как на афанасьевские, так и на окуневские. Наиболее ранние формы западных курильниц, как и ранние сибирские, не имеют бокового отделения, очевидно, появившегося и там и тут в процессе эволюции формы изделия²⁵. Но главное, катакомбные «вазочки» не менее массивны, чем сибирские и, видимо, тоже имитируют каменные сосуды, первоначально употреблявшиеся в быту. Отмеченные различия, видимо, не позволяя говорить о конкретных связях Причерноморья и Сибири в период ранней бронзы, но сходство форм ритуальных сосудов отдаленных территорий, очевидно, отражает единый исторический процесс.

- ¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 27, 42; Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 380; Иванова Л. И. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970; Хлобыстина М. Д. Могилиник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на среднем Енисее.— СА, 1971, № 4, с. 28.
- ² За предоставленную возможность опубликовать новые курильницы выражаю признательность А. А. Бокоренко, М. П. Грязнову, Л. П. Заяблину, В. А. Посредникову, М. П. Пшеницкой, Ю. И. Трифонову.
- ³ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1961, № 65, л. 3—17; 1962, № 64, л. 9—12.
- ⁴ Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае.— В кн.: Материалы по этнографии. Л., 1927, т. III, вып. 2, с. 75.
- ⁵ Архив ИА, р-1, № 2358, л. 1—6, № 2585, л. 5—10.
- ⁶ Киселев С. В. Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси.— СА, 1937, II, рис. I, II; Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1965, № 132, л. 87—91.
- ⁷ Левашова В. П. Афанасьевский могилиник Красный Яр в Хакасии.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.
- ⁸ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1977, кп 2103.
- ⁹ Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 г.— В кн.: Ежегодник музея Н. М. Мартыанова. Минусинск, 1929, т. VI, вып. 2, рис. 25; 27.
- ¹⁰ Киселев С. В. Афанасьевские курганы..., рис. III, 3.
- ¹¹ Архив ИА, р-1, № 2211; ММ, оп. 1, д. 509 (а).
- ¹² Архив ИА, р-1, № 2119, л. 29—45.
- ¹³ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1972, № 476, л. 3, 4; 1975, кп 1951; 1978, кп 2214; Пшеницына М. Н., Поляков А. С. Работы в г. Саяногорске.— АО 1979 г. М., 1980, с. 230.
- ¹⁴ Вадецкая Э. Б. Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры Енисея.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 21, с. 49.
- ¹⁵ Погожева А. П., Молодин В. И. Раскопки на поселении Каратенеш (1978).— В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980, с. 95.
- ¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, № 92.
- ¹⁷ Киселев С. В. Древняя история..., с. 57, 58.
- ¹⁸ Архив ИА, р-1, № 2119, л. 46—58.
- ¹⁹ Устное сообщение Ю. И. Трифонова.
- ²⁰ Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии.— КСИИМК, 1952, XLVII, с. 67—77.
- ²¹ Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакасия).— КСИИМК, 1954, 54, с. 89—98.
- ²² Там же, с. 89—91.
- ²³ Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии. с. 72, 73.
- ²⁴ Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры.— В кн.: Памятники окуневской культуры. Л., 1980, с. 59.
- ²⁵ Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 156—163.

ЩИТКОВЫЕ ПСАЛИИ ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИШИМЬЯ

Предметы конской сбруи эпохи бронзы не раз рассматривались в научной литературе. К. Ф. Смирнов в своей сводке упомянул о 12 находках псалиев из кости, четыре из которых происходят с территории Казахстана¹. К началу 80-х годов казахстанская коллекция псалиев бронзового века значительно увеличилась. Новые находки происходят из раскопок поселений Атасу в Карагандинской обл.² и Чаглинка в Кокчетавской обл.³ Большая серия псалиев (19 экз.) обнаружена при исследовании памятников бронзового века Североказахстанского Приишимья.

Приишимские находки относятся к двум видам костяных псалиев, широко известных в евразийских степях. Первый вид — стержневые псалии. Они изготовлялись из длинной узкой кости или рога. Псалии второго вида целесообразно называть щитковыми, так как в их основе лежит участок широкой плоской или уплощенной кости — щиток. Им и посвящена настоящая публикация.

С небольшой территории Петропавловского Приишимья известно 13 щитковых псалиев: 12 — целых и один — в обломках. По форме щитка они разделяются на три типа: I — прямоугольные, II — круглые (дисковидные), III — сегментовидные. Прямоугольные псалии обнаружены при раскопках ограбленного погребения 1 в кургане 2 могильника Аксайман (рис. 1, 1—4). Кроме них, в могиле найдены бронзовое шило (рис. 2, 11) и фрагменты двух сосудов петровского типа (рис. 3, 1, 3). Псалии изготовлены из расколотой трубчатой кости, имеют прямоугольный щиток, одна из торцовых сторон которого переходит в трапецевидную планку. Толщина поделок 6—7 мм, размеры щитков 4—4,7×2,8—3,5 см, длина планок 2—2,8 см. В средней части щитков расположено по одному отверстию размерами 10×6—7 мм. Первоначальные щитки псалиев, безусловно, были прямоугольными, однако за счет изношенности приобрели форму, близкую к овалу. На стыке щитка и планки имеются уступ и отверстия в виде щели (8×3 мм) или овала (4×5 мм). Псалии явно парные. Пары отличаются размерами, количеством и размещением шипов. Псалии одной пары (рис. 1, 1, 2) имеют по шесть шипов, причем четыре из них расположены на щитке и два — на планке. На изделиях второй пары вырезано по восемь шипов: все они находятся на щитке (рис. 1, 3, 4). Оба комплекта несут явные следы использования: они заполированы до блеска, шипы частично стерты, несколько изменена форма отверстия. Особенно сильно изношены псалии с восемью шипами.

Четыре дисковидных круглых псалия найдены на поселении Петровка II. Три из них представляют собой заготовки выполненные из рога лося (рис. 1, 5, 6; 2, 2). Диски диаметром 5,5—6 см и толщиной 0,8—1,2 см имеют в двух случаях короткие треугольные выступы, а в одном — прямоугольный выступ-планку длиной 4 см и шириной 2,3—2,9 см. Диски снабжены грубо вырезанными шипами высотой 6—8 мм, расположенными в одной плоскости. Четвертая находка представлена обломком псалия с круглым щитком и треугольным выступом без шипов (рис. 2, 4). Диаметр поделки 5—6 см, длина выступа 2,5 см. По краю диска идет чуть углубленный, тщательно отполированный ободок шириной 3 мм. С левой стороны у основания выступа имеются два отверстия: одно круглое диаметром 2 мм, другое овальное размерами 2×5 мм. Создается впечатление, что овал образован двумя круглыми отверстиями, просверленными рядом друг с другом. Две заготовки псалиев с шипами и треугольными выступами найдены на поселении в нижней части полужемлянки 1. Это сооружение содержало керамику, занимающую по набору признаков промежуточное положение между алакульскими и петровскими комплексами. Заготовка псалия с прямоугольным выступом была найдена в золь-

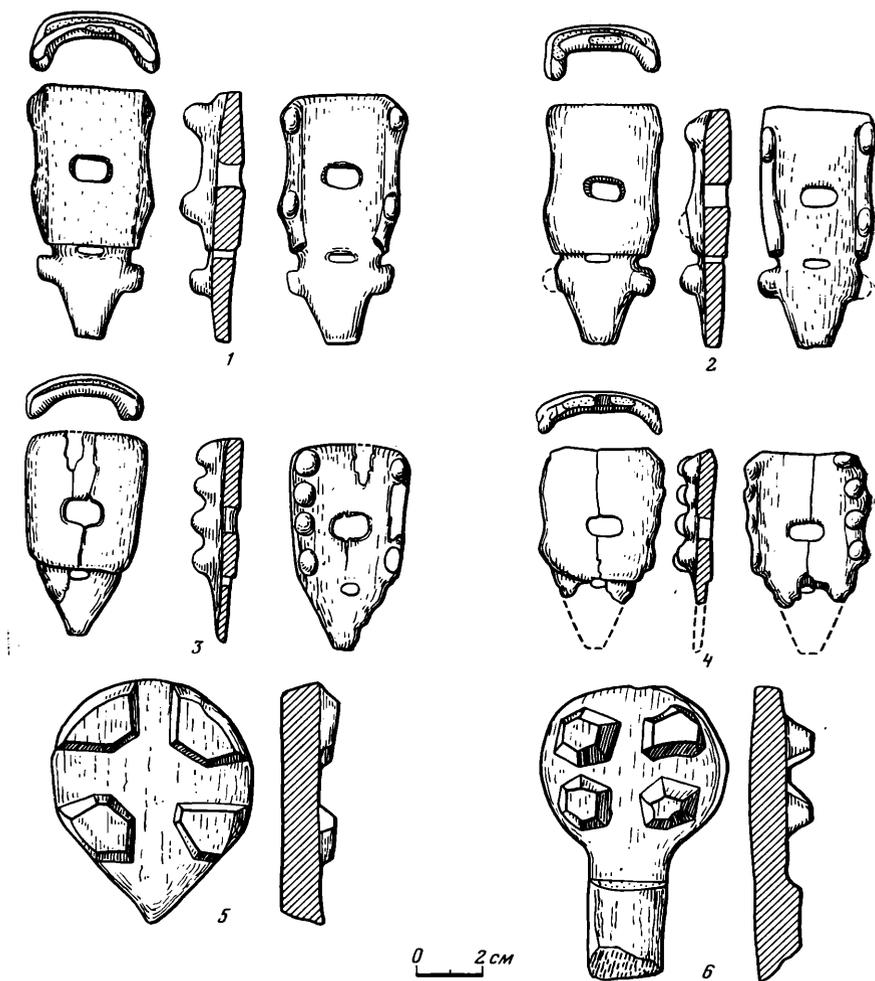

Рис. 1. Костяные псалii из могильников и поселений Петропавловского Приишимья

1—4 — могильник Аксайман, курган 2, могила 1; 5, 6 — поселение Петровка II

ниже между двумя наземными жилищами петровского типа (4 и 6). Фрагмент дисковидного изделия без шипов обнаружен в алакульском строительном горизонте.

Псалii с дисковидным щитком без шипов найден при исследовании могильника у с. Новоникольское, в могильной яме 2 кургана 5 (рис. 4). Диаметр его диска 5,6 см, длина сохранившейся части планки 4 см, ширина — 1,9—2,4 см, толщина изделия 0,8—1 см. В центре диска имеется прямоугольное отверстие размерами 5×8 мм. Еще одно отверстие в виде узкой щели сделано с торца изделия и имеет радиальное направление. Планка частично разрушена, однако не вызывает сомнения, что она аналогична планке псалii из кургана 13 Алакульского могильника⁴. Рассматриваемый псалii богато украшен тончайшей резьбой. Центральной частью композиции являются пять лепестков циркульного узора, выполненного на фоне шести концентрических окружностей. Четыре поля между окружностями заполнены зигзагами или короткими насечками, почти точками. По краю диска идет ободок из коротких наклонных отрезков, которые образуют два кольца очень маленьких треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Планка тоже украшена зигзагом и двумя поясами треугольников с оригинальной штриховкой. Кроме псалii, в разграбленном погребении найдены разрозненные кости человеческого скелета и фрагменты алакульского сосуда.

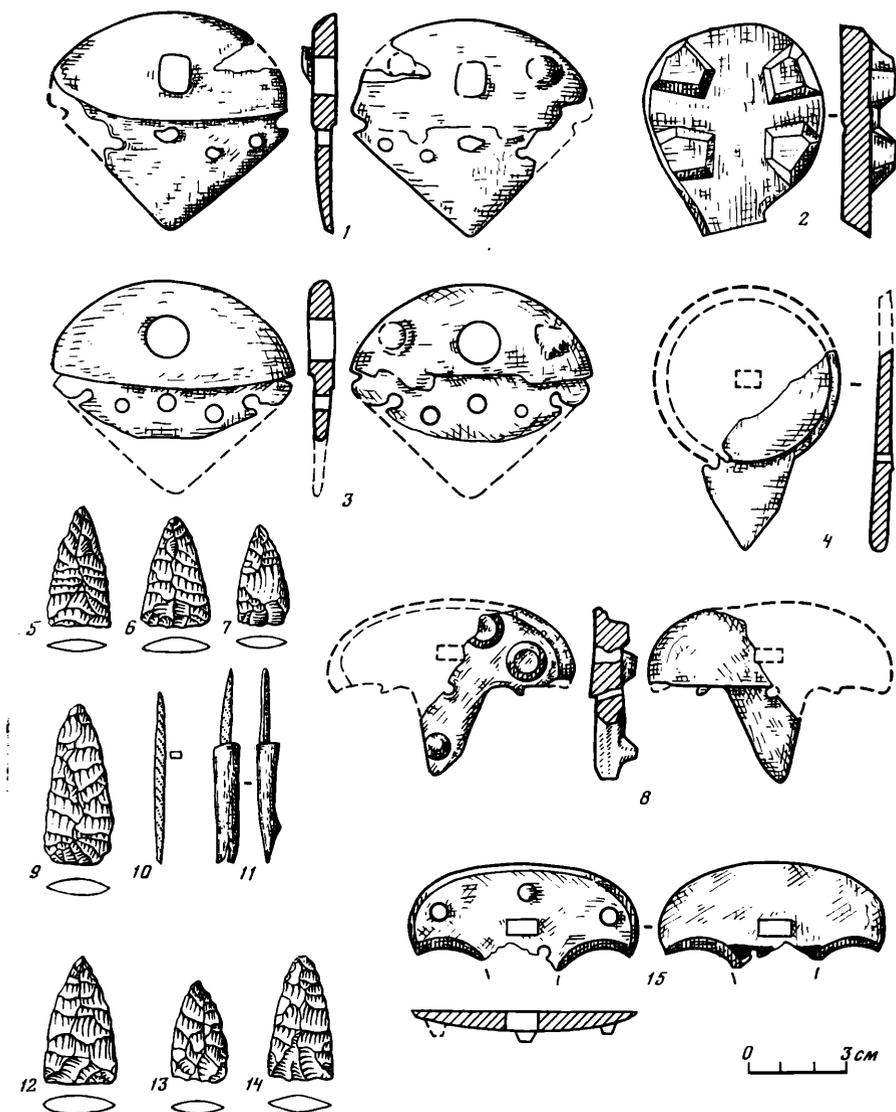

Рис. 2. Псаали и вещевой инвентарь из могильников и поселений Петропавловского Приишимья

1, 3, 6, 9, 10, 12—14 — могильник Берлик, курган 10, могила 1; 2, 4 — поселение Петровка II; 5, 7, 11 — могильник Аксайман, курган 2, могила 1; 8 — поселение Новоникольское I; 15 — поселение Кулевчи III; 1—4, 8, 15 — кость; 5—7, 9, 12—14 — камень; 10 — бронза; 11 — бронза, дерево

В коллекции из памятников Петропавловского Приишимья имеются четыре сегментовидных псаалия. Фрагмент такого изделия найден на многослойном поселении бронзового века Новоникольское I (рис. 2, 8). Предмет легко реконструируется благодаря аналогичной находке на поселении Кулевчи III в Южном Зауралье (рис. 2, 15). Изделие тщательно обработано, отполировано и имеет весьма вычурную форму. Толщина кости, из которой оно изготовлено, 6—8 мм. С обеих сторон по основанию щитка длиной около 7,5 см — легкие овальные выемки и крючковидные выступы. Последние, вероятно, заменяли отверстия и служили для закрепления ремня на планке. Планка имеет форму треугольника высотой 2,9 см. На фрагменте сохранились следы двух отверстий: прямоугольного — в центре и круглого (диаметр 4—5 мм) — у основания планки. На щитке псаалия имел, вероятно, четыре шипа диаметром по основанию до

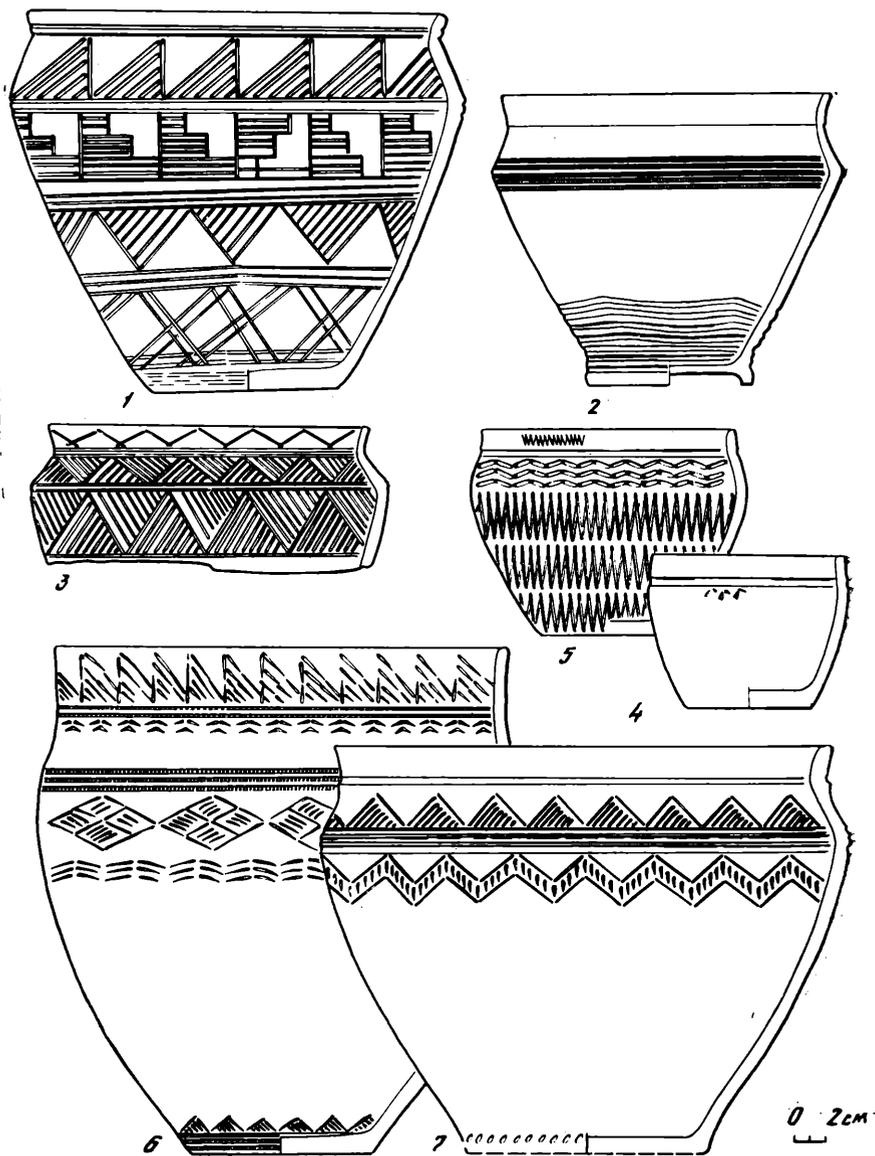

Рис. 3. Керамика из погребений с костяными псалями

1, 3 — могильник Аксайман, курган 2, могила 1; 2, 7 — могильник Берлик, курган 10, могила 1; 4, 5 — могильник Берлик, курган 10; 6 — могильник Аксайман, курган 5, могила 2

1 см и высотой около 7 мм. В нижней части планки фиксируется еще один шип — выступ высотой 4 мм.

Поселение Новоникольское, откуда происходит рассмотренный выше фрагмент псаля, — многослойный памятник, существовавший на протяжении всех этапов развитой и поздней бронзы. Условия находки фрагмента сегментовидного псаля, к сожалению, не позволяют привязать изделие к какому-либо из выделенных на поселении слоев.

Три псаля со щитком в виде сегмента (один из них представлен обломком) найдены в могильной яме кургана 10 могильника Берлик (рис. 2, 1, 3). По размерам щитка они приближаются к экземпляру из поселения Новоникольское, но центральные отверстия имеют здесь овальную форму. У планок — широкие основания, которые совпадают с хордой щитков. Между планкой и щитком — уступы и боковые вырезы. На псалях — по два сильно изношенных шипа и пять отверстий диаметром

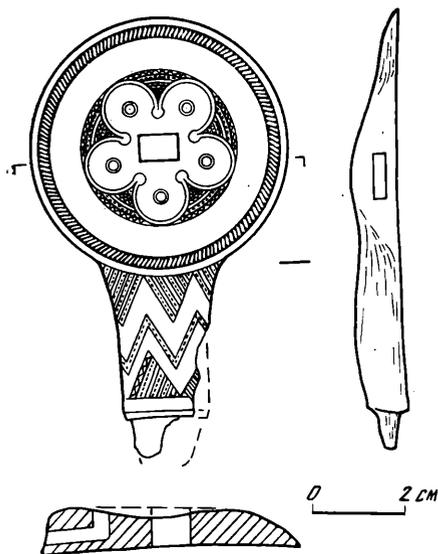

Рис. 4. Псалий из могильника Новоникольское (курган 5, могила 2)

документированных археологических комплексов и достаточно хорошо изученного района. На памятниках Северного Казахстана кости лошади хорошо представлены на древних поселениях с эпохи энеолита. Массовость материалов из раскопок последних лет свидетельствует, что в большинстве своем костные остатки этого животного связаны с домашними особями⁵. Важное место в решении вопроса о ранней дате коневодства занимают материалы поселения Ботай, демонстрирующие огромную роль лошади в хозяйстве энеолитического населения степей⁶. Особенно большое значение коневодство приобретает в период развитой бронзы, когда в степях Евразии распространяется двухколесная боевая колесница. Наиболее широкое применение такие колесницы в зауральских степях находят во второй четверти — середине II тысячелетия до н. э., т. е. в петровскую и петровско-алакульскую эпохи.

В Петропавловском Пришимье исследовано около 20 курганов, содержащих петровские материалы. По крайней мере в десяти курганах обнаружены парные захоронения лошадей головами на запад, в позе стремительного галопа — с вытянутыми шеями и подогнутыми ногами. Лошади обычно лежат по краям крупных могильных ям на уровне материка. В четырех случаях в ямах зафиксированы следы от вкопанных колес, в одном — отпечатки обода и спиц. Культовые захоронения лошадей или частей конских скелетов обнаружены и при исследовании слоев петровского времени на поселениях Петровка II и Новоникольское I: в помещениях и на выходах из жилищ, у въездов в поселок и на дне рвов оборонительных сооружений. Сравнение петровских и синташтинских комплексов⁷ свидетельствует о стандартности колесниц, о высоком техническом уровне их изготовления, об идентичности конской упряжи. Безусловно, к XVII—XV вв. до н. э. колесный транспорт в степях Евразии прошел уже длительный и сложный путь развития, и приводимые нами материалы фиксируют один из наиболее ярких этапов в его истории.

Соотношение псалиев различных типов с наборами глиняной посуды в закрытых комплексах позволяет уточнить положения, выдвинутые Е. Е. Кузьминой при классификации предметов конской упряжи эпохи бронзы⁸. Совместная находка прямоугольных псалиев и ранней петровской посуды в погребении 1 кургана 2 могильника Аксайман (рис. 1, 1—4; 3, 1, 3) свидетельствует о том, что круглые и прямоугольные псалии с шипами давно сосуществовали. Это лишь разновидности одних и тех же

3—4 мм, расположенных на планках. Курган 10 содержал одну ограбленную могильную яму, ориентированную по линии восток — запад. В южной части могилы на глиняной площадке лежал полный скелет лошади, рядом — конский череп и два сосуда (рис. 3, 4, 5). Как и всюду в петровских и петровско-алакульских погребальных комплексах, стенки могилы были покрыты слоем глины толщиной 10—15 см. На дне в западной части отмечено два овальных углубления — следы от вкопанных колес повозки. В одном из углублений обнаружено пять каменных наконечников стрел (рис. 2, 6, 9, 12, 14), а в заполнении погребальной камеры — бронзовое шило (рис. 2, 10), фрагменты двух сосудов петровско-алакульского облика (рис. 3, 2, 7) и кости человека.

Все рассмотренные предметы конской сбруи происходят из надежно

щитковых псалиев. Форма щитка в значительной степени определялась материалом. Эволюция круглых и прямоугольных псалиев шла в одном направлении — к появлению экземпляров с дополнительным торцовым отверстием на щитке, к уменьшению количества шипов и в конечном итоге к полному их исчезновению.

Возвращаясь к вопросу об общих принципах классификации псалиев и подразделения их на две основные группы — стержневые и щитковые, укажем, что первоначально в зоне евразийских степей появились изделия в виде стержней. Это и псалии, известные по памятникам Восточной Европы с середины IV тысячелетия до н. э.⁹, и типологически оформившиеся псалии афанасьевской культуры Южной Сибири¹⁰. Важное место, которое заняла лошадь в хозяйстве энеолитических коллективов, связано с освоением ее для верховой езды. Простейший вид псалиев — стержень с отверстиями или выборками для надежного крепления удили и ремней оголовья — был изобретен всадником-пастухом и в малоизмененной форме дожил до недавнего прошлого в глубинных районах азиатских степей¹¹.

Щитковые псалии возникли, вероятно, как составная часть конской упряжи боевой колесницы. Изделие с широкой плоскостью потребовалось для размещения на нем шипов, необходимых для более строгого управления конем. В степях Южного Зауралья и Казахстана боевая колесница господствовала в военном деле, судя по археологическим материалам, не более трех, трех с половиной веков. Уже в поздний алакульский период воин-колесничий утратил свое значение, уступил его воину-всаднику с его специфическим уздечным набором. Круглые плоские псалии, подобные экземпляру, найденному в кургане 5 могильника Новоникольское, сохраняются в то время как пережиточное явление, как предметы, использовавшиеся при парадных выездах.

На всем протяжении истории щитковых псалиев значительную часть их могли изготавливать из дерева, что неоднократно фиксировалось находками раннескифского времени¹². Не случайно круглая форма щитка была у них наиболее распространенной. Вполне вероятно, что лошади, погребенные в курганах Петропавловского Приишимья в позе «летающего» галопа, были захоронены с полным уздечным набором, ни одна деталь которого не сохранилась до наших дней в силу специфики материала.

¹ Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей.— СА, 1961, № 1, с. 46—72.

² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Радырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 215, табл. XXVI, 7.

³ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские, общее и особенное в культуре.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 54.

⁴ Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль.— МИА, 1952, 24, с. 58, рис. 7, 2.

⁵ Чалая Л. А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане, с. 202, 203; Зайберт В. Ф., Плешаков А. А. Результаты исследований памятников энео-

лита и ранней бронзы на р. Чаглинке.— СА, 1978, № 1, с. 247—249.

⁶ Зайберт В. Ф. Исследования в Северном Казахстане.— АО 1980 г. М., 1981, с. 435, 436.

⁷ Генинг В. Ф. Могильник Сянтапта и проблема ранних индоиранских племен.— СА, 1977, № 4, с. 53—73.

⁸ Кузьмина Е. Е. Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей.— КСИА, 1980, 161, с. 8—21.

⁹ Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974, с. 97, рис. 65.

¹⁰ Кожин П. М. О псалиях из афанасьевских могил.— СА, 1970, № 4, с. 189—193.

¹¹ Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и история культуры. М., 1980, с. 105, рис. 17.

¹² Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 150.

О КЕРАМИКЕ СТОЯНКИ ЛЫСАЯ СОПКА НА БАЙКАЛЕ

Во время археологических исследований 1963 и 1965 гг. на северном побережье оз. Байкал В. В. Свининым и Л. П. Хлобыстиным была открыта стоянка Лысая Сопка¹. Она находилась в центре пос. Нижнеангарск, в устье ручья Сырой Молокон, на вершине Лысой сопки, соединенной небольшой седловиной с горным хребтом, к которому с юго-восточной стороны примыкает поселок². Уже при осмотре вершины сопки и ее склонов было обнаружено большое количество подъемного материала: обломки сильно окатанной керамики, кварцитовые отщепы, отдельные каменные орудия — скребки на отщепах, ретушированные пластины, наконечники стрел, стерженьки рыболовных крючков и их заготовки. Большинство находок зафиксировано на вершине сопки, представляющей собой сравнительно ровную площадку (7×15 м), и по ее западному склону, около вершины, так что размыв стоянки и рассеивание ее культурных остатков шло по направлению к ручью.

В результате вскрытия раскопа площадью 5×6 м и шурфа размерами 1×2 м, заложенных в центре площадки, получены следующие данные о стратиграфии напластований и находках в них:

1) дерн толщиной 3—5 см, без находок; 2) красно-бурая супесь с включениями обломочного материала мощностью 10—15 см, содержащая культурные остатки слоя I; 3) желто-бурая супесь с большим содержанием грубообломочного материала мощностью 10—15 см, содержащая культурные остатки слоя II; 4) кора выветривания, представляющая обнажение мраморовидных известняков.

Культурные остатки слоя I представлены фрагментами штриховой залощенной керамики, богато орнаментированной следующими техническими приемами: 1) нажимами отступающей лопаточки, имеющей овальную, прямоугольную или остроугольную форму; 2) вертикальными нажимами широкой лопаточки; 3) дисковидными штампами, имеющими внутри рисунок многолепесткового цветка или прямоугольную «вафельную» сетку; 4) треугольным ребристым штампом; 5) накладными рубчатými валиками; 6) валиками, орнаментированными неглубокими насечками Σ-образной лопаточки.

Сами сосуды имели в большинстве случаев прямые или слегка отогнутые венчики, переходящие в несколько раздутое тулово с круглым дном. В орнаменте их верхней части сочетаются горизонтальные ряды валиков, ряды оттисков овальной, прямоугольной и других лопаточек, ромбовидных штампов, дисковидных штампов в виде концентрических кругов, вписанных в окружность квадратных сеток, лепестков цветка и штампов, изображающих заштрихованные внутри равнобедренные треугольники с прямым основанием, а также заштрихованные внутри прямоугольники.

Кроме керамики, в слое встречены мелкодробленые сильно пережженные кости животных, кварцитовые отщепы и орудия из кварцита, кремня, халцедона, глинистых сланцев и нефрита. Среди орудий можно отметить обломки и заготовки крючков байкальского типа из красного глинистого сланца с остатками распиловки, обломки шиферных пил, заготовку подвески, обломок лезвия шлифованного топора, нефритовый ножичек на тонкой хорошо отшлифованной пластинке, скребки на отщепах с овальным лезвием, обломки призматических пластинок, небольшой нуклеус конической формы с прямой базой, отщепы. Зарегистрирована также находка каменного наконечника стрелы, но лишь одного, в противоположность почти десятку рыболовных крючков. Пластин довольно мало по сравнению с большим количеством отщепов (20 и 500). Последнее обстоятельство, вероятно, может свидетельствовать о некотором упадке каменной индустрии.

В нижележащем культурном слое II встречены лишь кварцитовые отщепы аморфной формы без следов работы, но вместе с ними зафиксированы фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки. Найденные в подъемном материале венчики таких сосудов были орнаментированы пояском ямочек, идущих по самому краю.

В. В. Свинин полагал, что такую керамику по прибайкальским и якутским аналогиям можно отнести к IV тысячелетию до н. э., т. е. к раннему неолиту. Что же касается весьма своеобразных сосудов из слоя I, изготовленных, к тому же, не в каркасе с применением сетки, а при помощи обработки лопаточкой, обмотанной травой, и затем заглаженных, то исходя, видимо, прежде всего из сопровождающего каменного инвентаря, он склонен был считать их поздненеолитическими. Крайне редко встречаемую богатую орнаментацию на такой керамической посуде следует, по его мнению, объяснять некоторым «периодом поисков как в мотивах, так и в технике нанесения орнамента», происходивших прежде чем появились «устоявшиеся стандарты»³.

В 1979 г. другими исследователями из Северобайкальской спасательной группы Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета были продолжены раскопки стоянки Лысая Сопка. При этом выявилась несколько иная картина залегания материалов. Было отмечено, что предыдущие исследователи, судя по всему, не учли единый генезис образования супесей и активность склоновых процессов и выделили два культурных горизонта на основании различия в цвете супеси и наличия фрагментов керамики с оттисками сетки-плетенки и кварцитовых отщепов во втором из них. На вскрытой в этот раз значительной (104 кв. м) площади стоянки, хотя стратиграфия и была аналогичной, но наблюдения за распространением культурных остатков по вертикали и горизонтали показали, что выделение двух культурных горизонтов не представляется возможным. Артефакты были равномерно распространены по всей толще рыхлых отложений от дневной поверхности до коры выветривания, и один и тот же археологический материал (фрагменты одного сосуда, идентичные стерженьки рыболовных крючков) встречен в супесях разного цвета. Желто-бурая супесь отмечалась в виде отдельных линз, площадь которых варьировала от нескольких квадратных дециметров до нескольких квадратных метров⁴.

Каменный инвентарь, полученный в результате раскопок, также довольно малочислен и характеризуется ограниченным набором изделий. Это наконечники стрел и их заготовки, провертки, стерженьки составных рыболовных крючков байкальского и китойского типов, тесла, скребки, скребла, пластины-вкладыши и др. По мнению исследователей, определить их принадлежность к той или иной культуре, к тому или иному времени затруднительно⁵. Скорее всего они в основном вместе с сетчато-плетеночной керамикой относятся к неолиту — вероятно, к его концу. Во всяком случае нет никаких достаточно веских оснований считать их одновременными описанной выше керамике, отнесенной последними исследователями уже к бронзовому веку, правда, к начальной его поре⁶.

Представляется обоснованным рассматривать вопросы, связанные с последней керамикой, самостоятельно, вне связи с каменным инвентарем.

Вновь полученные керамические материалы представлены фрагментами гладкостенных и шнуровых круглодонных сосудов с прямыми венчиками и стенками, суживающимися к округлому дну, или с прямой или несколько отогнутой шейкой, переходящей в раздутое туловище с расширенно округлым, изредка суженным днищем. Для этих сосудов характерно строгое распределение по зонам мотивов орнамента. Зону венчика, как правило, украшают напелные рассеченные валики, а по самому верху идет ряд горизонтальных оттисков прямоугольного или овального штампа. Зону тулова и шейку декорируют горизонтальные ряды оттисков штампа в виде различных геометрических фигур. Несмотря на однотипность композиции, в орнаментации некоторых сосудов наблюдается раз-

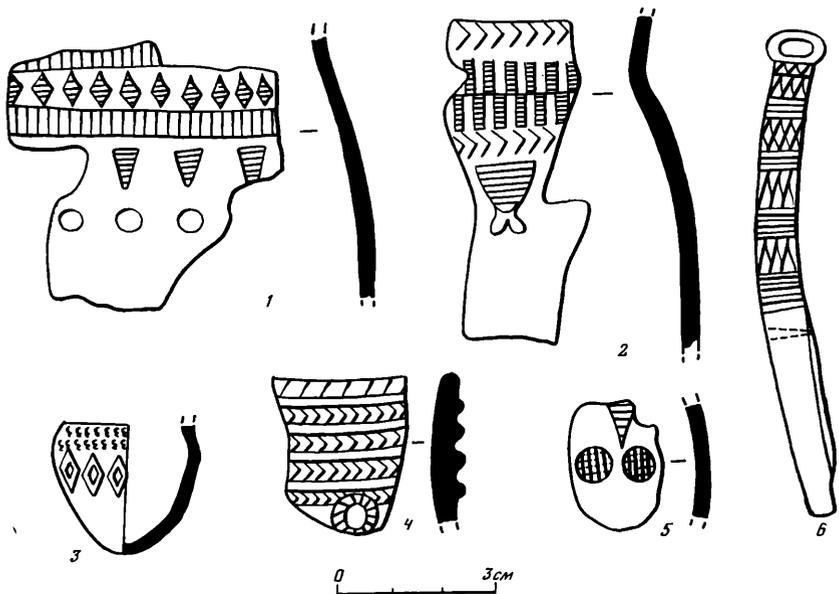

Рис. Вещи из поселений Прибайкалья

1—5 — керамика стоянки Лысая Сопка; 6 — бронзовый нож из пос. Кудя

нообразии в сочетании отдельных элементов и мотивов, что особенно свойственно нижней части узора (рис., 1—5)⁷.

Как справедливо считают Т. А. Абдулов и Н. П. Полищук, сложная орнаментация описанных сосудов уникальна, и аналогии всему комплексу проследить на территории Сибири и сопредельных регионов не удастся. Однако они склонны сближать рассматриваемую керамику по времени с керамикой «раннебронзовой андроновской культуры на Енисее». По их мнению, андроновские сосуды, хотя и имели другую форму, но украшались так же и в той же последовательности, что и сосуды Лысой Сопки. По зоне венчика их украшали горизонтальными опоясывающими рядами отрисков многозубчатого или прямоугольного, овального или приостренного штампа. Шейю и тулово декорировали всевозможными геометрическими мотивами. Исследователи датировали эту керамику Лысой Сопки приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.⁸

Заметим, однако, что описанный орнамент сосудов стоянки близок узорам минусинских карасукских сосудов. Особенно важно сходство некоторых специфических элементов (вписанные друг в друга ромбы, опущенные углом вниз треугольники с выступающими усиками). Сосуды очень близки карасукским и по форме (круглодонные и полуяйцевидные сосуды с выделенной шейкой)⁹. Те же исследователи указывают на возможность соотношения их с сосудами алданских и вилуйских стоянок бронзового века (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) по совокупности налепа и штампа различной конфигурации¹⁰.

Близость сложного геометрического орнамента кельтов красноярско-ангарских типов к орнаментации рассматриваемой керамики делает маловероятной возможность отнесения ее к столь раннему времени, так как подобные кельты в основной массе датируются тагарским временем, и лишь некоторые из них могут быть отнесены к концу карасукского или, вероятнее, к переходному карасук-тагарскому времени¹¹. Конечно, может быть верным и высказанное предположение о том, что прежде чем появиться на изделиях из бронзы такая орнаментация должна была опробоваться на более мягком материале, каким является глина, но вряд ли это потребовало очень длительного времени. Иначе трудно объяснить, почему нередко и на сосудах, и на кельтах совпадает не только взаимное расположение целых зональных участков орнаментации, но даже такие

мелкие детали, как усики, свисающие иногда от опущенных вниз углом треугольников¹². Не одни лишь кельты, но и другие изделия, например, округлые бляхи и зеркала, имеют орнамент, представленный на рассматриваемой керамике. Зеркала с кругом насечек близ краев хорошо известны по материалам из Восточной Сибири середины и второй половины I тысячелетия до н. э.¹³ Они воспроизводят данный мотив орнамента керамики Лысой Сопки. Назовем еще бронзовый кольчатый нож из пос. Куда, аналогичный по форме ножам западнобайкальского Закаменского клада, относящегося к началу скифо-тагарской эпохи¹⁴. Его рукоять целиком покрыта зонами орнамента из чередующихся рядов углов или зигзагов, ромбов и участков горизонтальных полос (рис., б). Орнамент настолько напоминает керамические орнаментальные композиции Лысой Сопки, что кажется скопированным с одного из ее сосудов.

В скифо-тагарское время в области восточносибирской тайги, в частности, в районах Приангарья и Прибайкалья, широко распространяется керамика, украшенная валиковой орнаментацией. Она фиксируется и на многослойных поселениях в четких стратиграфических условиях, и в погребальных комплексах. На верхнеангарских островах и в районе Братска на ряде поселений совместно с ней зарегистрированы и упомянутые бронзовые кельты «таежного типа», бронзовые ножи и другие изделия вместе с литейными формами для изготовления некоторых из них. По свидетельству А. П. Окладникова, керамика с валиковым орнаментом представлена сосудами, имеющими выпуклое круглое дно, поверхность их покрыта характерными налепными валиками, орнамент близок орнаментации котлов скифского типа¹⁵.

Весьма характерная керамика обнаружена и в погребении Цэпань 2 на Ангаре, датированном по бронзовым и костяным наконечникам стрел серединой I тысячелетия до н. э. Она представлена фрагментами большого сосуда со штрихованной поверхностью и слегка утолщенным рассеченным сверху косыми полосками венчиком, под которым располагались в одну линию круглые ямочки и параллельные друг другу накладные валики. На некоторых фрагментах они расположены шевронами в виде треугольников, вписанных друг в друга и иногда заканчивающихся усиками¹⁶. Близость такого мотива валиковой орнаментации к орнаментике посуды Лысой Сопки несомненна.

Значительная близость орнамента керамики Лысой Сопки с орнаментом керамики и бронзовых изделий близлежащих районов, конечно еще не дает оснований говорить об их одновременности. Орнаменты Лысой Сопки в основном представляют собой углубленные рисунки, выполненные путем нанесения различных штампов, а также прочерченными и прокатанными линиями, что характерно для более ранних периодов. Однако и валиковые орнаменты на посуде Лысой Сопки получают уже значительное распространение, причем отдельные сосуды украшены только ими (сосуд с горизонтальными валиками в привенечной части с примыкающими к ним снизу валиковыми кругами; рис., 4)¹⁷.

Все сказанное наряду с отмеченными фактами большой близости с карасукской керамикой Южной Сибири и якутской керамикой бронзового века может свидетельствовать о датировке керамики Лысой Сопки карасукским временем.

Т. А. Абдулов и Н. П. Полипчук, учитывая своеобразие и оригинальность керамического материала Лысой Сопки, ставят вопрос о выделении самобытной культуры на Байкале и предлагают назвать ее северобайкальской¹⁸. Возможно, дальнейшие исследования позволят положительно решить этот вопрос. Однако представляется неправильным узлокальное название предполагаемой культуры. Ведь керамика такого типа зафиксирована не только на севере Байкала (где, кроме Лысой Сопки, она встречается и в окрестностях с. Байкальское)¹⁹, но и в гораздо более южных районах. Еще в 1959 г. при раскопках на мысе Бурхан (Шаманка) на о. Ольхон она была обнаружена Н. К. Качаловой в смешанном слое с другими материалами²⁰. Отметим и очень характерное месторасположение

данного памятника, напоминающее о Лысой Сопке. Это обособленная вы-сокая скала, с трех сторон круто обрывающаяся к озеру. Доступ к ней возможен только с южной стороны, через невысокий узкий перешеек. Она в прошлом была местом поклонения, и здесь неоднократно находили различные предметы, в частности монеты. Напрашивается вопрос, не являлось ли это место в более древнее время, в период бытования рассмат-риваемой керамики, святилищем. Возможно, эта керамика предназна-чалась для культовых целей. Ведь здесь раскопками выявлено и своеобраз-ное расположение кострищ, в плане представляющих овал. Не говоря уже о редкости такой керамики, привлекает внимание ее связь с малоудобны-ми для поселений, но обычными для святилищ местами. Их могли считать обиталищами духов и божеств. На мысе Бурхан обнаружены и следы плавки металла и литья (ошлакованные части сопел, куски глины и фраг-менты сердечников литейных форм). Связь металлического производства с высокорасположенными местами — явление нередкое²¹. Это обстоятель-ство объясняется как практической потребностью (использование силы ветра для обеспечения хорошего воздухоудного процесса при плавке ме-таллов), так в немалой степени, вероятно, и распространенными представ-лениями о помощи обитавших здесь сверхъестественных сил в этом тру-доемком деле.

Таким образом, не исключено, что рассматриваемая керамика явля-лась культовой, предназначенной для свершения каких-то священных обрядов.

¹ Свишин В. В. Археологические иссле-дования на северном побережье оз. Байкал в 1963 и 1965 гг.—В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966, с. 53, 54, 57, 58, рис. 4.

² Там же, с. 57.

³ Там же, с. 57, 58.

⁴ Абдулов Т. А., Полипчук Н. П. Посе-ление Лысая Сопка на северном Бай-кале (по материалам 1979 г.).—В кн.: Материальная культура древнего на-селения Восточной Сибири. Иркутск, 1982, с. 55, 56.

⁵ Там же, с. 61—64.

⁶ Там же, с. 60, 61, 64.

⁷ Там же, с. 57—59.

⁸ Там же, с. 60, 61.

⁹ Киселев С. В. Древняя история Юж-ной Сибири.—МИА, 1949, 9, табл. XIII.

¹⁰ Абдулов Т. А., Полипчук Н. П. Посе-ление Лысая Сопка..., с. 60.

¹¹ Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов.—СА, 1960, № 1, с. 155; Он же. Новые дан-ные по археологии района Краснояр-ска.—В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 308, рис. 2; Гришин Ю. С. Металли-ческие изделия Сибири эпохи энеоли-

та и бронзы.—САИ. 1971, вып. В3-12, с. 21.

¹² Максименков Г. А. Верхне-Метляев-ский клад. Иркутск, 1960, прил. VII, VIII.

¹³ Шмыгул П. М., Сергеева Н. Ф., Лы-шин Ю. П. Погребения с бронзовым инвентарем на северном Байкале.—В кн.: Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981, с. 46—50, рис. 3.

¹⁴ Иркутский обл. краевед. музей, инв. № 524, 1.

¹⁵ Окладников А. П. Археологические работы в зоне строительства ангар-ских гидроэлектростанций (общие итоги).—В кн.: Зап. Иркутского обл. краевед. музей. Иркутск, 1958, вып. 1, с. 20, 21.

¹⁶ Окладников А. П. Погребение бронзо-вого века в ангарской тайге.—КСИИМК, 1940, VIII, с. 111.

¹⁷ Абдулов Т. А., Полипчук Н. П. Посе-ление Лысая Сопка..., рис. 2, 7.

¹⁸ Там же, с. 64.

¹⁹ Там же.

²⁰ Грязнов М. П. Отчет Иркутской архе-ологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г. Архив ИА, р-1, № 2023. Материалы хранятся в ГЭ.

²¹ Гришин Ю. С. Древняя добыча меди и олова. М., 1980, с. 99.

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Л. КОСТЫЛЕВА, Д. А. КРАЙНОВ, А. В. УТКИН

СТОЯНКА МАЛАЯ ЛАМНА I

Стоянка Малая Ламна I находится в Южском р-не Ивановской обл. Расположена она на восточном берегу оз. Ламненское, в 500 м к северу от с. Малая Ламна, на прибрежной песчаной дюне, вытянутой с севера на юг. С запада дюна круто обрывается в озеро, с севера переходит в узкую ложбину, а с северо-востока ограничена небольшой овально вытянутой западиной (рис. 1). Древнее поселение занимало только северную часть дюны и западину. Приблизительная площадь памятника 700—800 кв. м (западная часть его, вероятно, разрушена осыпью берега).

Стоянка открыта в 1974 г. Шуйским разведочным отрядом Верхневолжской экспедиции¹ и исследована Д. А. Крайновым в 1983 г. Раскоп (152 кв. м) состоял из двух участков, соединенных траншеей: первый был расположен в западной части стоянки вдоль берега озера, второй — в западине.

Стратиграфия раскопа в западной части: дерн, погребенная почва (поздняя), светло-серый песок, желтовато-коричневый песок, материковый песок с ортзандами. Стратиграфия раскопа в западине: дерн, светло-серая супесь с темными гумусированными перемытыми включениями, желтовато-коричневый песок, материковый песок с ортзандами.

В обеих частях раскопа культурный слой прослежен в поддерновом светло-сером гумусированном песке и желтовато-коричневом песке. Мощность его различна: на западном участке раскопа — до 40 см, на восточном (в западине) — до 70 см.

Материальные остатки представлены двумя основными культурно-хронологическими группами: раннеолитической (верхневолжская культура) и позднеолитической (культура с ямочно-гребенчатой и редкоямочной керамикой). Кроме того, в верхней части культурного слоя найдено два обломка керамики эпохи бронзы. Планиграфически позднеолитические материалы встречены в обеих частях раскопа, а раннеолитические — в западной части. Исключение составляют один обломок керамики и три орудия на пластинках, найденные в западине.

Коллекция вещей, полученных при раскопках, насчитывает 1746 экз. Из них 930 экз. (53,3% общего числа находок) приходится на обломки посуды. Преобладает керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом — 895 экз. (96% всех обломков). Ее обломки были распространены по всему раскопу и всем горизонтам, но в западине доминируют над остальными находками (737 экз.). Фрагменты красновато-коричневого цвета толщиной 5—6 мм сильно обожжены, в тесте — примесь мелкодробленой дресвы или песка. Основным элементом орнамента является ямка округлой, реже — овальной формы. Ямки нанесены перпендикулярно или под небольшим наклоном к поверхности сосуда. Дно ямок круглое, иногда — коническое. На внутренней стороне обломков — «жемчужины». Ямки представлены или построчно (доминируют), или в шахматном порядке. Судя по некоторым крупным обломкам, орнамент из ямок иногда покрывал всю поверхность сосудов, но чаще ямки составляли горизонтальные зоны, разделенные поясами из оттисков зубчатых штампов и их заменителей —

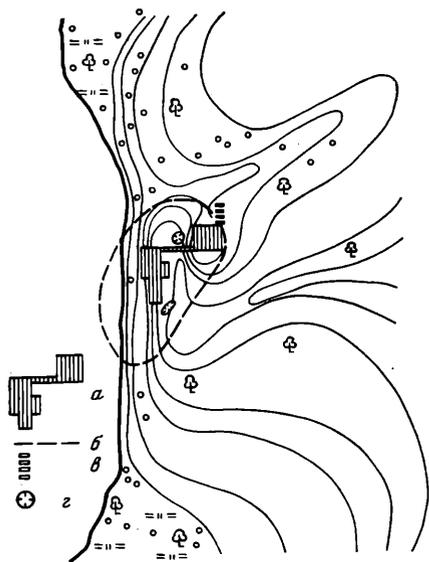

Рис. 1. План стоянки Малая Ламна I

а — раскоп; б — приблизительные границы поселения; в — поздние могильные насыпи; г — поздние ямы

не. Черепки толщиной 4—5 мм серого цвета, хорошего обжига, с примесью песка в тесте. Орнамент в виде геометрических узоров выполнен коническими ямками округлой формы, нанесенными перпендикулярно к поверхности сосудов (рис. 2, 4). С внутренней стороны обломков — «жемчужины». Венчиков два: прямой и со слабым прогибом, переходящим в слегка раздутое тулово.

С поздненеолитическим комплексом связана большая часть кремневых и каменных орудий. Каменные орудия немногочисленны: три обломка шлифовальных плит из светло-розового песчаника, обломок толстого, овального в сечении обушка рубящего шлифованного орудия (долота), обломок грубооббитой с двух сторон заготовки рубящего орудия и небольшой отбойник с аналогичной обработкой и следами ударов по одному краю. Последние три находки изготовлены из кремнистого сланца серо-зеленого цвета.

Из кремневых орудий к указанному комплексу относятся наконечник дротика листовидной формы, три наконечника стрел. Целый наконечник стрелы имеет черешковую форму, обработан со спинки плоской струйчатой ретушью, а по периметру с брюшка — полукруглой. Обломки наконечников ретушированы: один — с двух сторон, другой — только со спинки (рис. 3, 1—3).

Скребки на отщепах распадаются по размерам, цвету заготовки и характеру обработки на две группы. К первой отнесено 14 скребков средней величины (от 2,5 до 6 см) светло-коричневых оттенков (рис. 3, 4—9). Они имеют дугообразный или прямой рабочий край, ретушированный ровными длинными фасетками. Исключение составляют два скребка: у одного — вогнутое лезвие, у другого — очень узкое, оба обработаны небрежно. В этой группе следует упомянуть прямоугольный скребок с полностью ретушированной спинкой. К скребкам первой группы примыкает массивное скребло, изготовленное на овальном отщепе правильной формы.

Ко второй группе относится 12 скребков на отщепах. Объединяют их маленькие размеры заготовки — от 0,8 до 2,5 см, темно-серые тона кремня, частое сохранение корки на спинке, неровная ретушь по лезвию и вторичная нерегулярная его подправка. Формы рабочего края различны:

лунниц, отпечатков перевитой веревки (рис. 2, 5, 6, 8). На нескольких фрагментах орнамент образован зубчатыми лунницами, расположенными вертикально в три-четыре ряда и разделенными одиночными рядами наклонно поставленных лунниц (рис. 2, 3).

Большинство венчиков (50 экз.) и днищ (2 экз.) принадлежат сосудам митровидной формы со слегка отогнутым наружу краем, намеченной в виде слабого прогиба шейкой, переходящей в раздутое тулово. Единичны фрагменты сосудов полуяйцевидной формы с прямым венчиком и слегка раздутым туловом. Их днища округлые (рис. 2, 9), размеры сосудов средние. Эта группа керамики аналогична поздней ямочно-гребенчатой керамике стоянок нижней Оки и Балахнинской низины и особенно близка керамическим комплексам Большекозинских поселений I и IV (группа А по О. Н. Бадеру) ².

К позднему неолиту относятся и семь обломков керамики с редкоямочным орнаментом, найденных в западной

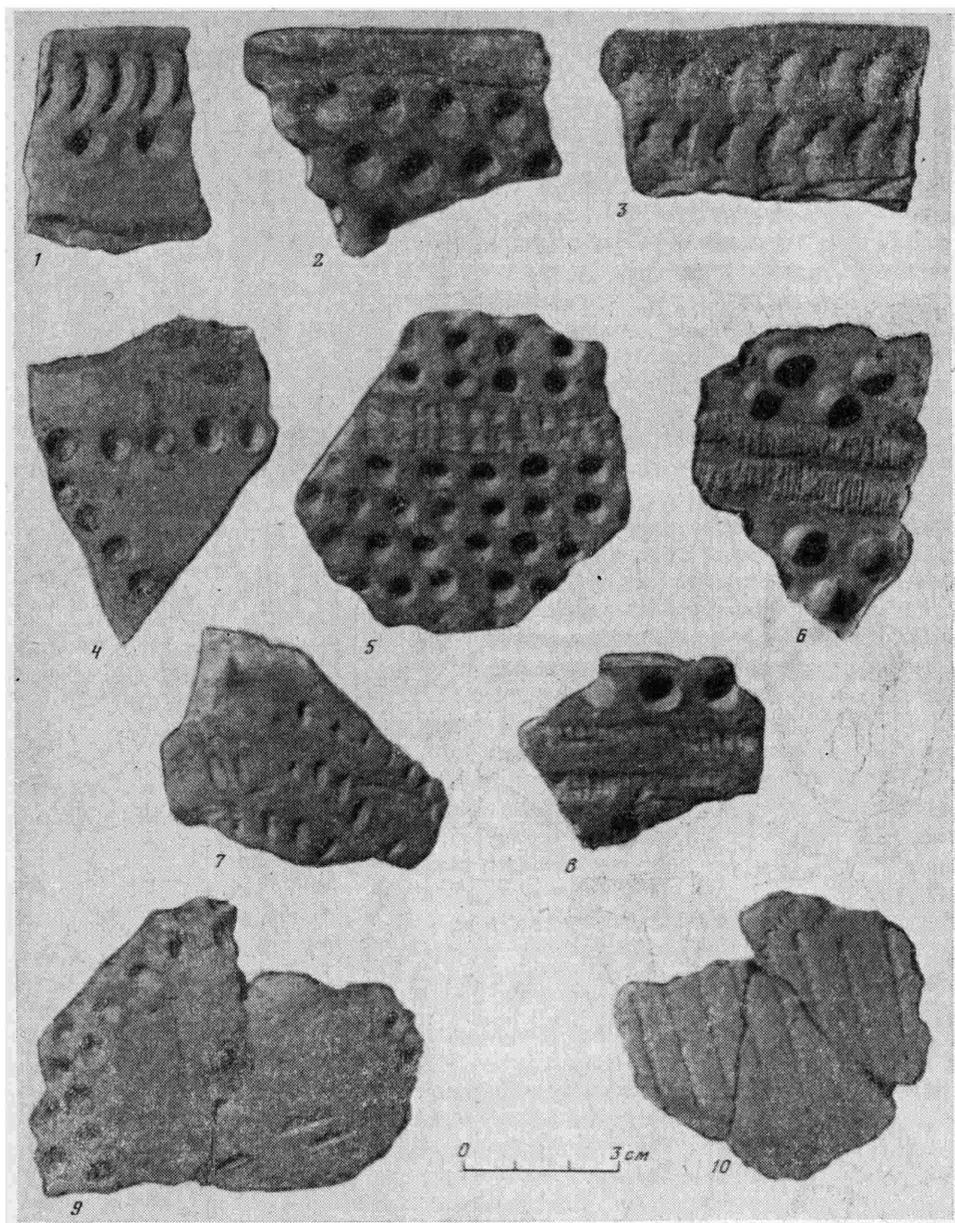

Рис. 2. Ранне- и поздненеолитическая керамика (1—10)

полудуговая, дуговая, прямая и реже — округлая (рис. 4, 15—18, 22—26). Эта группа, по всей видимости, связана с верхневолжской ранне-неолитической культурой, для которой характерны микроскрепки на отщепах³.

Скобели (3 экз.) сделаны крайне небрежно на случайных отщепах неопределенной формы. Один скобель изготовлен на расколоте вдоль призматическом нуклеусе.

Ножи (6 экз.) изготовлены на крупных отщепах прямоугольных очертаний или на небольших пластинчатых сколах. У всех обработаны при-остряющей нерегулярной ретушью только лезвия (рис. 3, 13).

Резцы представлены 11 экз. Заготовками служили небольшие куски кремня, осколки и в единичных случаях — отщепы. Все резцы угловые (рис. 4, 27—29, 33, 34). Длина и ширина фасов различна. Повторные сколы редки. У одного резца площадка скола вогнуторетушированная, у остальных — без обработки. Один резец имеет сколы на трех углах, при-

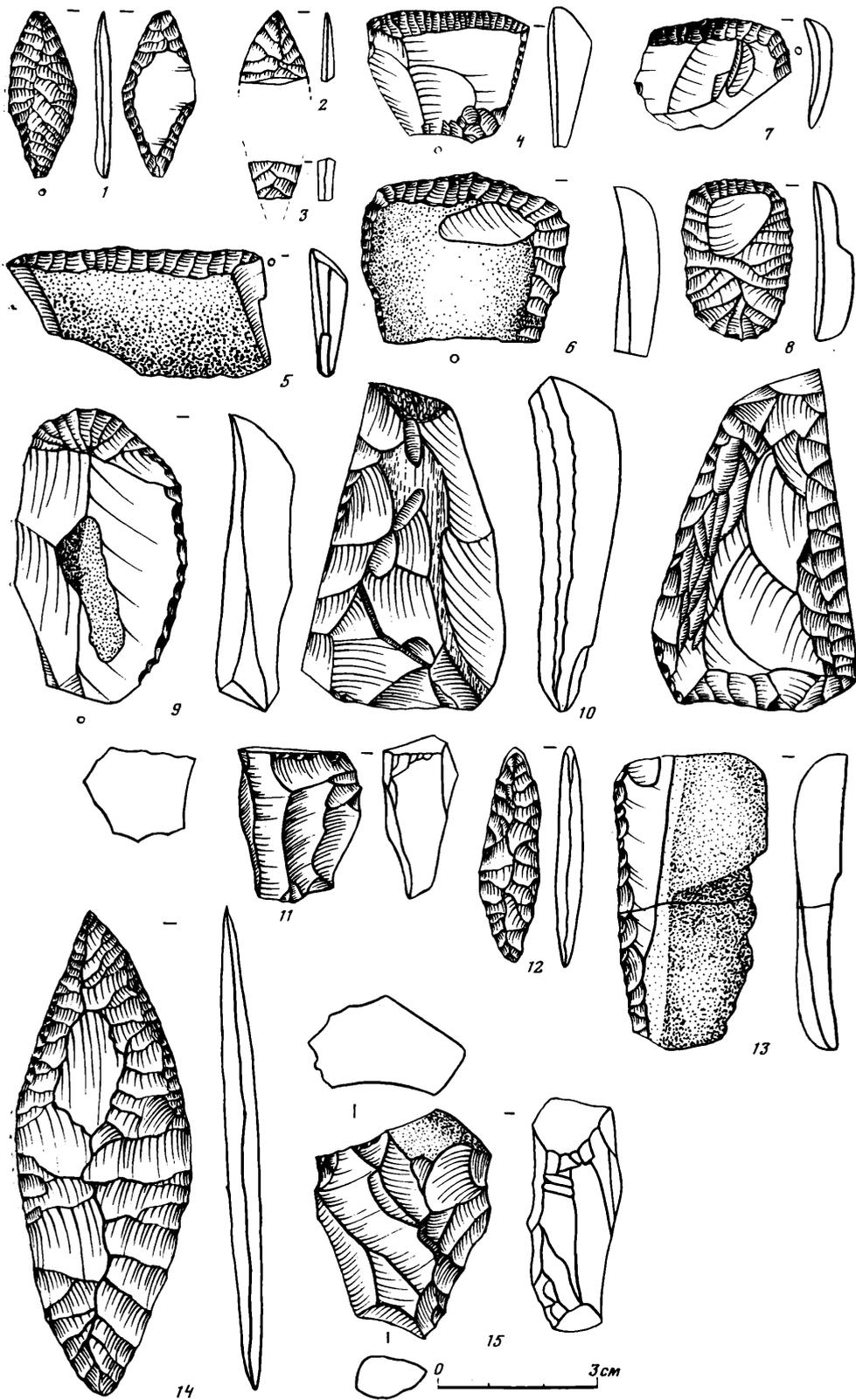

Рис. 3. Комплекс поздненеолитических орудий (1—15)

чем удачный — только на одном. Лезвия почти всех орудий несут следы утилизации в виде выщербин. Хронологически резцы расчленить трудно.

Единственное сверло имеет форму небольшого листовидного двусторонне обработанного наконечника стрелы (рис. 3, 12). Один конец с торца и по краям заполирован. На нем хорошо просматриваются частые ровные бороздки и концентрические круги на торце, характерные для следов, образующихся в результате сверления при быстром вращении. По всей вероятности, это сверло являлось станковым и предназначалось для употребления в лучковой дрели с возвратно-поступательным вращением. Аналогичное по функции и близкое по форме сверло со стоянки Выселки (Большое Козино II) описал С. А. Семенов⁴. У двух острий для работы использовался острый конец заготовки с незначительной подправкой затупляющей ретушью одного из краев.

Рубящие орудия (3 экз.): полированное желобчатое долото, небольшое тесло трапециевидной формы, сделанное двусторонней оббивкой из шлифованного орудия, узкое удлиненное тесло из темно-серого опоквидного кремня, обработанного ровными широкими сколами. Последнее, видимо, относится к раннему неолиту.

Прочие находки (11 экз.) представлены двумя осколками неясных орудий, обломком заготовки и восемью отщепами с нерегулярной обработкой. Отметим, что почти все орудия встречены в западной части раскопа. В восточной, в западине, найдено всего 11 кремневых орудий на отщепе, три — на пластинах и три — каменных.

Раннеолитический комплекс представлен 26 обломками верхневолжской керамики, орудиями на пластинках и отходами их производства.

Все обломки сосудов, кроме одного, найдены в западной части раскопа. Обломки желтовато-коричневого цвета, слабого обжига, толщиной 4–8 мм, с примесью пшеницы или органики. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов заглажены, «расчесы» отсутствуют. Из 20 фрагментов 17 орнаментированы мелкозубчатыми отпечатками, один — пунктирными, два — разреженными строчками тычковых вдавлений (рис. 2, 7, 10). Шесть черепков не имеют орнамента. О формах сосудов судить трудно: отсутствуют днища, а венчиков — всего два, оба прямые, один — с округлым срезом, другой — с округло-приостренным. Типологически эта керамика близка верхневолжской керамике Сахтышских стоянок (Тейковский р-н Ивановской обл.).

С верхневолжской керамикой связан комплекс из 49 орудий на пластинках. Наиболее многочисленны среди этой группы вкладыши (12 экз.), изготовленные на коротких прямоугольных сечениях пластинок (рис. 4, 4). Обработан обычно один край, иногда — оба с брюшка или со спинки. Орудий с двусторонней обработкой нет. У некоторых вкладышей на углах имеются миниатюрные сколы резцового характера (рис. 4, 14).

Пластинки или их обломки с обработкой регулярной ретушью края по всей длине (8 экз.), видимо, выполняли функцию ножей. Пластинки с нерегулярной обработкой края (9 экз.) использовались также в качестве ножей.

Многочисленны скребки (7 экз.) и скобели (5 экз.). Все скребки концевые, заготовки большинства короткие, лезвия полудуговидные, прямые, скошенные (рис. 4, 5–9). Ретушь полукрутая, фасетки узкие и ровные. Иногда частичную обработку имеют и боковые края заготовки. Для скобелей характерно использование неудачно отжатых, изогнутых, пластин. Почти все скобели относятся к типу одноъемчатых. Выемки узкие неглубокие, оформленные полукрутой и крутой ретушью по краю спинки (рис. 4, 11–13).

Наконечники стрел «прямого боя» представлены двумя образцами (рис. 4, 1, 2). Целый наконечник обработан сплошной полукрутой ретушью по краям и острию спинки, основание широкое, без вторичной подправки. Обломок ретуширован мелкими крутыми фасетками по краю и острию спинки. Пластинки с затупленным основанием (2 экз.) изготовле-

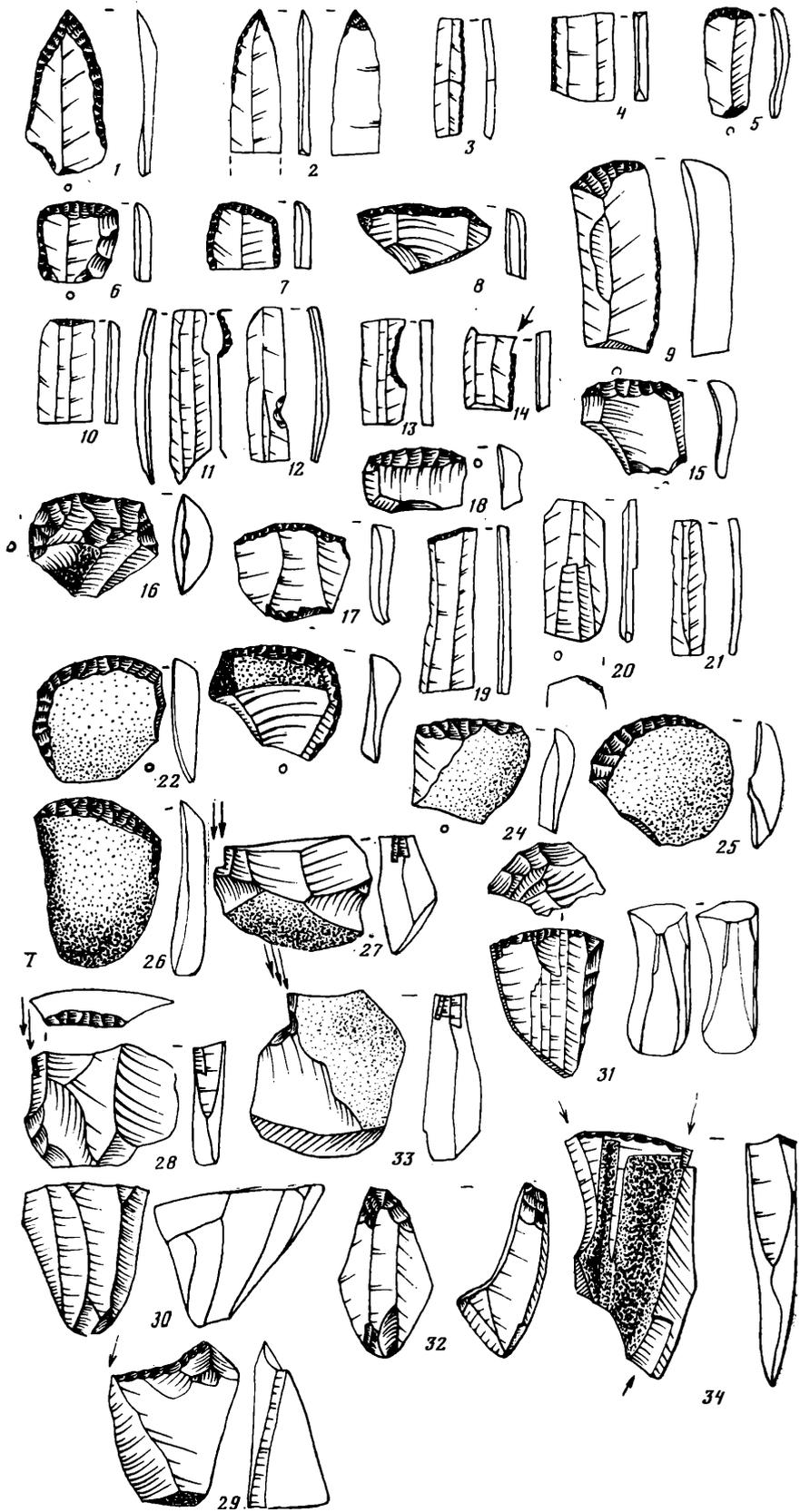
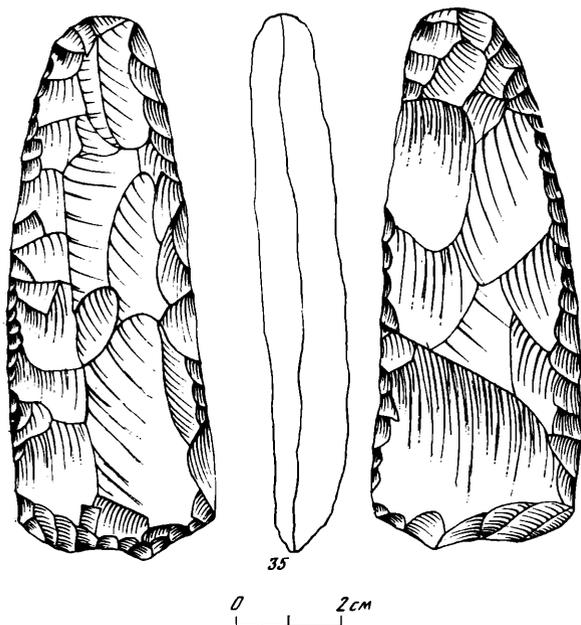

Рис. 4. Комплекс раннеолитических орудий (1—35)

ны на четырехгранных обломках, мелкой крутой ретушью обработан только один конец (рис. 4, 10, 19). Находки этих микролитов свидетельствуют о генетической связи верхневолжской культуры с мезолитом позднебутовского облика. Об этом же говорит и находка пилки на микропластинке, имеющей по одному краю мелкую, но четкую, ровную ретушь (рис. 4, 3). Аналогичные пилка и пластинка с затупленным краем встречаются в верхневолжских слоях стоянок Сахтыш II и VIII.

Резцов на углу сломанных пластинок два. Пластинки короткие, сколы на каждом орудии одиночные узкие, площадки сколов не обработаны.

Видимо, к этому комплексу относится и струг на узкой (ребристой?) пластинке с полностью ретушированной спинкой и вторичной подправкой обоих краев, служивших лезвием.

Кроме того, встречено 26 пластинок и их обломков без обработки, которые следует считать потенциальными орудиями или обломками заготовок, а также одна ребристая пластинка.

Помимо орудий, на стоянке найдены отходы производства: нуклеусы, отщепы, чешуйки, осколки. Нуклеусов всего 11: три из них — от микропластинок, остальные — от отщепов. Последние сильно сработаны, невыразительны, малых размеров, призматической или близкой ей формы (рис. 3, 11, 15). Среди них семь — одноплощадочные, площадки прямые, без подправки; у восьмого — две площадки, обе скошены, не подправлены. Нуклеусы от микропластин также невелики, копической формы. У одного площадка прямая, подправленная, у второго — скошенная, третий расколот вдоль (рис. 4, 30—32).

Отщепы, осколки, чешуйки (653 экз.) являются результатом оббивки, обработки и подправки нуклеусов и орудий, лишь небольшое количество их составляют неиспользованные заготовки.

Кроме культурных остатков, на стоянке прослежено три бытовых сооружения. Расположены они в западной части раскопа. Первое сооружение представляет собой овальную яму глубиной около 80 см от современной поверхности, западная часть которой разрушена обвалом берега. Диаметр оставшейся части около 2 м. Здесь найдены кремневые отщепы, пластинки, скребки. Второе сооружение находилось в 4 м к северу от первого. Глубина его от современной поверхности также около 80 см, диаметры — 2,2 и 2,5 м, находки в заполнении — отщепы, пластинки. Третье сооружение расположено в 0,7 м к северо-востоку от второго. Глубина его около 90 см, размеры — 2,5×2,8 м. В нем встречены угли и

многочисленные кремневые изделия на пластинках. Очевидно, во всех трех случаях это — остатки небольших шалашеобразных жилищ верхневоложской культуры. Подобные жилища встречены на стоянке Сахтыш VIII.

Таким образом, Малая Ламна I — стоянка с перемешанным и стратиграфически не членимым культурным слоем. Материальные остатки представлены двумя основными культурно-хронологическими комплексами: ранне- и поздненеолитическим. К первому комплексу относятся обломки керамики с зубчатым, накольчатым орнаментом и неорнаментированные, орудия на пластинках и часть орудий на отщепах (микроскрепки, некоторые резцы), ко второму — керамика с редкоямочным и ямочно-гребенчатым орнаментами, орудия на отщепах с двусторонней обработкой и ретушью «волосовского» характера, а также шлифованные. находка обломков двух сосудов эпохи бронзы свидетельствует, что территория стоянки изредка посещалась людьми и в постнеолитическое время.

¹ Молодцова Е. М. Отчет Шуйского отряда Верхневоложской экспедиции за 1974 г. Архив ИА, р-1, № 5814.

² Цветкова И. К. Стоянки Балахинской культуры в области нижнего течения Оки. — МИА, 1963, 110; Бадер О. Н., Воеводский М. М. Стоянки Балахин-

ской низины. — ИГАИМК, 1935, вып. 106.

³ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневоложская раннеолитическая культура. — СА, 1977, № 3.

⁴ Семенов С. А. О каменных сверлах. — МИА, 1953, 39, с. 456—458.

И. А. ЛОЗЕ

РЫБОЛОВНЫЙ ЗАКОЛ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ ЗВИДЗЕ

В 1983 г. археологической экспедицией Института истории АН Латвийской ССР при исследовании многослойного памятника эпохи камня Звидзе были обнаружены остатки рыболовного закола. Памятник расположен на древнем склоне моренной равнины, переходящей в заросший водоем к северо-западу от оз. Лубанас. Остатки закола были раскрыты на глубине 1,2 м от поверхности в слое сапропеля, вклинивающимся между углистым торфяным культурным слоем раннего неолита общей мощностью более 0,6 м.

Остатки рыболовного закола прослежены на расстоянии 6 м вдоль древней береговой линии оз. Звидзес. Очевидно, закол простирался на несколько десятков метров в мелководье прибрежной зоны озера. Он был сооружен весной или осенью для ловли рыбы. Остатки закола состояли в основном из горизонтально лежавших жердей и вертикально вбитых в алеврит кольев (рис. 1). По обе длинные стороны закола находились остатки вершей из лучин и прутьев. Слой мощностью 0,3 м, содержащий остатки закола, был раскрыт шестью пластами, что позволило установить последовательность в залегании обрушившихся в древности жердей и выявить остатки вертикальных кольев.

Остатки жердей в верхних горизонтах завала залегали наиболее плотно, достигая ширины 1,2—1,5 м. Ильмовые и ивовые жерди¹, судя по остаткам закола, имели длину более 1 м. Жерди были ориентированы с юго-запада на северо-восток и образовывали перемешанные, параллельно лежавшие ряды. Между ними местами вклинивались лучины вершей, ориентированные в том же направлении, а также пучки прутьев, направленные в противоположную сторону. Продольный разрез завала выявлялся по мере раскрытия культурного слоя на периферийных участках, а поперечный — фиксировался при помощи бровки раскопа, которая прорезала изгородь. В результате установлены стратиграфические особенности залегания остатков закола, основание которого находилось в сап-

ропелевом слое мощностью 0,05—0,06 м, а верхняя часть — в углистом торфянистом слое.

Наибольшая концентрация жердей наблюдалась в первых четырех пластах залегания остатков изгороди. Жерди располагались как более или менее прямыми рядами, так и свободно. Местами они сильно фрагментированы. При раскрытии горизонтально лежавших жердей обнаружены питки в виде пучка, а также несколько крупных деревянных крюков, видимо, применявшихся для сушки рыболовных сетей (рис. 2).

Каркас закола образовывали вертикально вбитые в алевроит колья диаметром 0,05—0,08 м, которые были расположены тремя рядами (рис. 3). Вероятно, два ряда кольев составляли каркас закола, а третий ряд его подпирали. В остатках вершей по обе стороны закола отмечены сосновые лучины и ивовые прутья. Они имели неодинаковую сохранность и прослеживались в виде скоплений различной концентрации лучин. Раскрыты остатки, очевидно, четырех вершей. Они расположены в непосредственной близости от горизонтально лежавших жердей закола. При раскрытии остатков вершей учитывались все горизонты их залегания (от третьего до шестого), направление лучин, чередование лучин и мелких прутьев, крупные прутья.

Наибольшей сохранностью отличались верши возле западной бровки раскопа 1981—1983 гг., прорезающей остатки не только их, но и закола. Наиболее сохранившаяся часть этой верши прослежена на площади 0,5—0,6×0,25 м (рис. 4). Они состояли из нескольких рядов лучин и прутьев. Вторая часть этой верши была перемещена в северо-восточном направлении и раскрылась в виде концентрации пучков лучин на площади 0,8×0,2 м.

Судя по наиболее сохранившимся остаткам, раскрытый фрагмент представлял собой устьевую часть верши: здесь наблюдалось чередование 10 рядов лучин с одним рядом прутьев. Лучины сверху были размещены двумя перпендикулярными рядами, под которыми находился ряд прутьев. Последний был прослежен на участке длиной 0,28 м и шириной 0,35 м. Под прутьями залегали остальные ряды лучин, имевшие другое направление. Лучины верши отличались по ширине и толщине. Выделено три типа лучин: 1) с квадратным поперечным сечением, шириной до 1 см; 2) с прямоугольным поперечным сечением, шириной до 1,2 см; 3) с таким же поперечным сечением, но имеющие большую ширину — 2 см.

Судя по раскрытым остаткам верши, которые, как и рыболовный закол, находились в слое сапропеля, перед нами действительно оказалась устьевая часть верши, состоявшая из корпуса, изготовленного из лучин, и горловины или воронки, для изготовления которой использовались тонкие (диаметр 0,01—0,02 м) прутья. Тонкие прутья встречались и среди лучин других рядов. Отдельные крупные прутья были расположены перпендикулярно к рядам лучин, что, возможно, указывает на использование их в виде обручей.

Остальные остатки вершей были худшей сохранности.

Между лучинами вершей обнаружены остатки щук (позвонки, жабы и т. д.). Установлено, что в одной из таких вершей могло находиться свыше 16 щук².

Очевидно, рыболовный закол был сооружен осенью или ранней весной во время нереста щук, но добыча так и не была использована обитателями побережья озера.

Рыболовный закол — изгородь, построенная из горизонтально размещенных жердей, — препятствовал проходу рыбы мимо вершей. Высота изгороди соответствовала глубине воды в мелководной части озера. Верхние концы выступали из воды.

Судя по этнографическим параллелям, еще в прошлом веке в оз. Лубанас, в его заливах, строили длинные зигзагообразные изгороди³. Эти изгороди состояли из вбитых в озерное дно кольев, пространство между которыми заполнялось сучками или еловыми ветками. Длина подобных

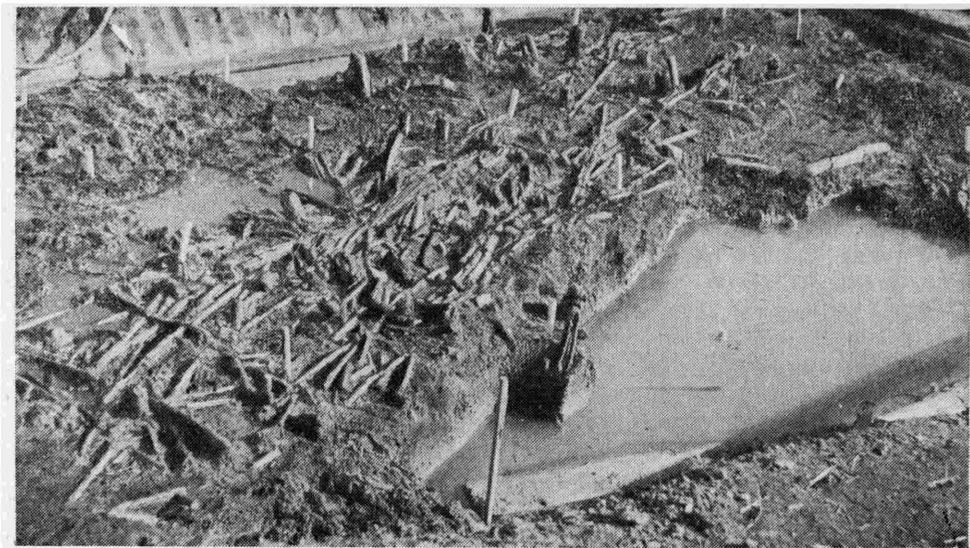

Рис. 1. Остатки рыболовного закола на поселении Звидзе

Рис. 2. Деревянный крюк, обнаруженный в районе деревянной изгороди

изгородей достигала 100–200 м. В изгородях оставляли свободное пространство для вершей. Обычно кольца вбивались в озерное дно двумя рядами, а пространство между ними заполняли еловыми ветками. Для того, чтобы лед весной не опрокинул закол, с наиболее глубокой стороны в озерное дно помещали толстые защитные столбы.

В этнографической литературе есть указания, что у коми, так же как у всех финно-угорских народов, во второй половине XIX и начале XX в. употреблялись в быту деревянные загородки (заколы) — «запоры», предназначенные для лова рыбы вершами, для установки которых оставлялись проходы («вуджас») ⁴. В пролете к кольям прикрепляли горло рыболовушки, а ее конец с помощью колышка закрепляли выше по течению. Деревянные рыболовушки — верши («морды», «гымга») изготовлялись из сосновых чурбаков длиной 0,4–0,7 м. Их раскалывали по радиусу на несколько частей, затем вымачивали в воде и расщепляли на драпку по годичным кольцам в виде лучин. Наружный ободок горла «морды»

чаще всего был квадратной формы. Воронка «морды» («гымга чолас») наглухо прикреплялась к конической бочке, т. е. к корпусу верши⁵.

Рыболовный закол с вершами приручен к нижней толще отложений многослойного поселения Звидзе (слои 9 и 10). Стратиграфическое расположение этого приспособления позволяет датировать его ранним неолитом, представленным на этом поселении лубанским вариантом нарвской культуры⁶. Для этого варианта характерны остродонные горшки и круглодонные миски с точечным орнаментом в виде композиций из прямых и перекрещивающихся рядов, симметричных фигур (ромб, прямоугольник и пр.) и точек. Судя по спорово-пыльцевым диаграммам, выполненным И. Я. Якубовской (Рига), слой с остатками закола и вершей относится ко второй половине атлантического климатического периода⁷.

Остатки этой искусственно построенной преграды на поселении Звидзе имеют две радиоуглеродные даты: горизонтально лежавший на глубине 1,3–1,35 м кол — 6210 ± 80 лет т. н. (ТА-1609); горизонтально лежавшие на глубине 1,35 м жерди — 6110 ± 80 лет т. н. (ТА-1608).

Эти даты уточняют и нижнюю границу бытования ранне-неолитической культуры на поселении Звидзе.

Таким образом, изгородь на поселении Звидзе является наиболее древним рыболовным приспособлением на территории восточной Прибалтики, так как остатки искусственной преграды, обнаруженные на поселении Швянтойи 9, близ г. Паланга, относятся к культуре шнуровой керамики и соответственно датируются более поздним временем⁸. Получена радиоуглеродная дата по этому поселению — 3860 ± 90 лет т. н. (Vib-I)⁹.

Закол на поселении Швянтойи 9 был составлен из двух

Рис. 3. Колья рыболовного закола

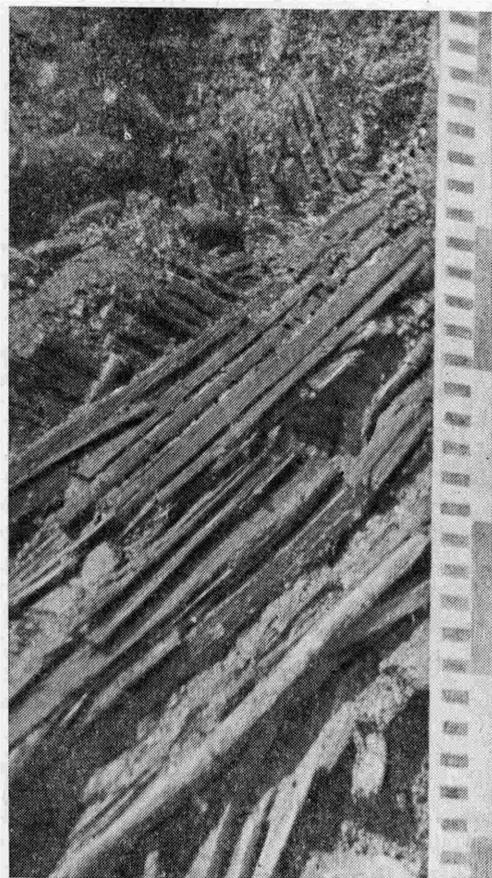

Рис. 4. Остатки верши 1

рядов кольев, которые в центре стояли плотно друг к другу, а по концам — реже. В центре между рядами кольев были поставлены большие куски коры, по концам находились лежащие жерди. Стенки этого закола крепились поперечными бревнами.

Искусственно созданные заслоны известны и на территории Северной Европы: Свиннинг Вейле, о. Ламмефиорда в Дании, Хейланд, Рогаланд в западной Норвегии, а также Кирклетт Ниланд в Финляндии¹⁰. Последний состоял из вертикальных осиновых кольев с поперечными слегами из черной ольхи общей длиной более 13,5 м. находка в Свиннинг Вейле датируется атлантическим временем, а заслон из Хейланда — переходным временем от каменного века к бронзовому.

Находка рыболовного закола раннего неолита на древнем озере Звидзес существенно дополняет наши сведения о рыболовных снарядах каменного века Европы.

¹ Породы древесины установлены канд. сельхоз. наук М. К. Бушем (Саласпилс).

² Видовой состав ихтиофауны установлен канд. биолог. наук Я. Я. Слока (Рига).

³ *Cimermanis S. Zvejas raksturs un svarīgākie rīki Latgale 19. gs. otrajā pusē un 20. gs.* — In: *Archeologija un etnogrāfija*. Rīga, 1973, X, 122, 123. lpp., 11, 12. att.

⁴ *Конаков Н. Д.* Коми: Охотники и ры-

боловы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1983, с. 135—141.

⁵ Там же, с. 139, 140, рис. 48, 49.

⁶ *Lose I. Jauni materiāli par agro neolītu Lubāna līdzenumā.* — In: *Latvijas PSR ZA Vēstis*, 1983, Nr. 6, 89.—100. lpp.

⁷ *Ibid.*, 99. lpp., 8. att.

⁸ *Rimantiene R. Sventoji. Pamariu Kultūros gyvenvietes.* Vilnius, 1980, p. 15—17, pav. 9—11.

⁹ *Ibid.*, p. 7.

¹⁰ *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 52, 53.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

СТОЯНКА САХТЫШ VII

Стоянка Сахтыш VII находится в 500 м к югу от стоянки Сахтыш II, древнего оз. Сахтыш, — была выявлена Верхневолжской экспедицией Института археологии под руководством Д. А. Крайнова в 1964 г., в следующем году на ней проведены раскопки под нашим руководством¹. Как показало обследование памятника в 1970-х годах, большая часть стоянки разрушена пашней. Материалы стоянки интересны в связи с созданием культурно-хронологической шкалы для многочисленных памятников у оз. Сахтыш.

Стоянка Сахтыш VII находится в 500 м к югу от стоянки Сахтыш II, за осушительной канавой. Стоянка занимает низкий задернованный левый берег сухого русла р. Койка. Наиболее возвышенная часть стоянки примыкает к бывшей реке, понижаясь к югу и востоку. С восточной и северной сторон к стоянке подходит пашня (рис. 1).

Шурфовка стоянки (заложено восемь шурфов — 1×1 м) показала, что наиболее насыщенный культурный слой находился около берега реки; в северной части стоянки, на расстоянии 40 м от реки находок не было (шурф 8). На стоянке исследовано 56 кв. м. Раскоп заложен вокруг шурфа 2, который дал наибольшее количество обломков керамики, кремневых и каменных предметов и хозяйственных отходов. Стратиграфия стоянки одина.

Насыщенность культурного слоя различна. Дери почти не содержал находок, которые появились с глубины 10—15 см в темном гумусированном слое. Этот культурный слой в верхней части (20—30 см) имел черную окраску, в нижней — более светлую, коричневую или серую. Материк открылся на глубине 40—60 см, в западной части раскопа — на глубине

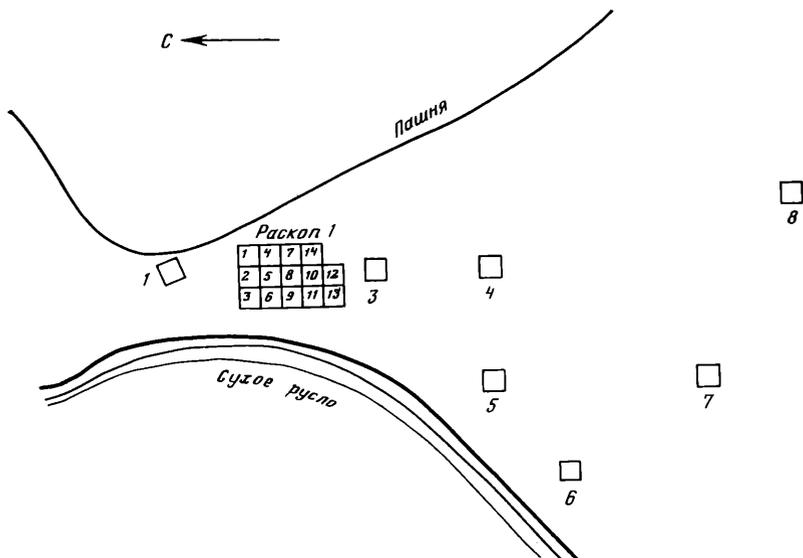

Рис. 1. Стоянка Сахтыш VII. План с раскопом 1 и шурфами 1—8

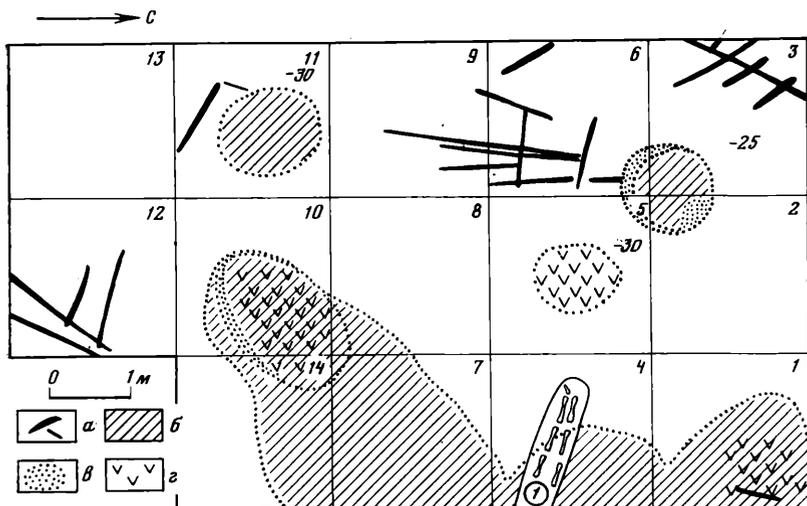

Рис. 2. Стоянка Сахтыш VII. План раскопа 1 на глубине 20—30 см

а — тлен дерева; б — золистые пятна; в — песок; г — угли
 Цифрой 1 в кружке отмечено погребение 1

20—30 см от поверхности. В желтоватом суглинке материка хорошо видны различные ямы (рис. 2—4). Культурный слой насыщен разнообразными остатками бытовых комплексов в виде кострищ, следов деревянных построек и других сооружений, ям, обломков посуды, каменных орудий и отходов их изготовления. Костяные изделия на поселении, в отличие от других стоянок на оз. Сахтыш, не сохранились.

Интенсивная окраска культурного слоя стоянки Сахтыш VII объясняется обилием кострищ (рис. 2; 3). Первые из них выявились на глубине 25—35 см в квадратах 3, 10, 11. Диаметр кострищ 1—2 м. Судя по мощности заполнявшей их золы, некоторые кострища функционировали достаточно долго. Таково овальное кострище в квадрате 10, которое начиналось на глубине 30 см от поверхности и заканчивалось двумя углублениями

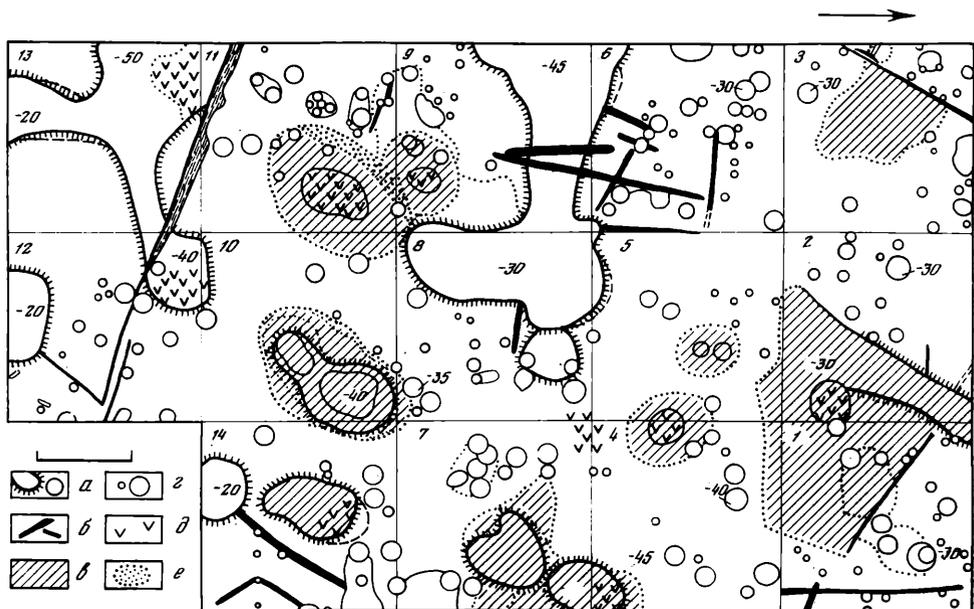

Рис. 3. Стоянка Сахтыш VII. План раскопа 1 на глубине 40—50 см

а — ямы и углубления; б — тлен дерева; в — золистые пятна; г — ямы от столбов; д — угли; е — песок

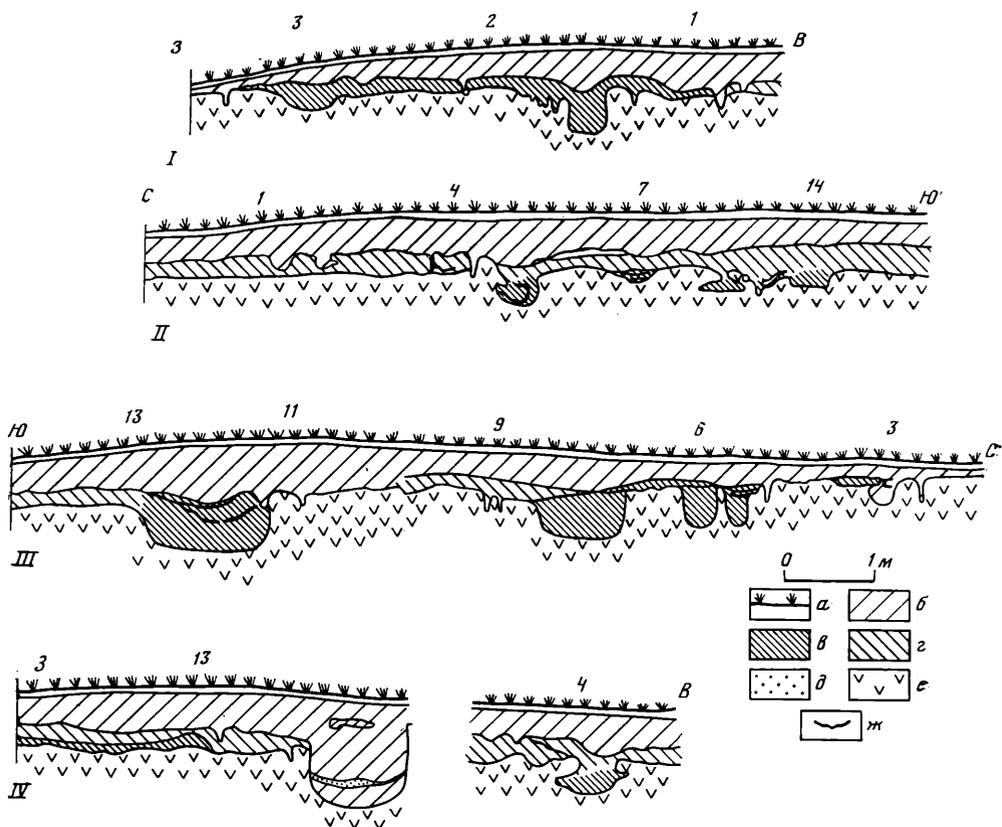

Рис. 4. Стоянка Сахтыш VII. Профили стенок раскопа 1

I — северная стенка; II — восточная стенка; III — западная стенка; IV — южная стенка; а — дерн; б — черный гумус; в — серый гумус; г — коричневый гумус; д — песок; е — суглинок; ж — уголь

с золой и углями на глубине 75—90 см. Овальную форму имели и кострища в квадратах 9 и 11, которые на глубине 45 см сливались друг с другом. Чашевидное кострище (квадрат 11) размерами 1×1,75 м, мощностью 30 см в центре на площади 50×80 см было заполнено углями. Оно в верхней части перекрывало кострище меньших размеров (80×90 см) в квадрате 9. Чашевидное дно этого кострища доходило до материка. Два кострища можно считать более ранними по стратиграфии. Кострище в квадрате 7, удлинненное по форме, выявилось на глубине 50 см. Под ним в материке находились две ямы глубиной 20—25 см с золой и углями. Кострище на границе квадратов 4 и 5 углублено в материк на 10 см.

Обнаружены и другие золистые ямы в материке, а также ямы и канавы, заполненные культурным слоем с отдельными фрагментами волосовской и ямочной керамики, орудиями и отщепами, изредка костным тленом. Некоторые углубления и ямы имели вытянутую разветвленную форму, ширину от 30 до 160 см и были углублены в материк на 20—60 см. Таковы ямы-канавы с небольшими подбоями в квадратах 1 и 2, 6 и 8, 11, 12 и 13 (рис. 3; 4). В некоторых из этих ям-канав заметны следы жара: возможно, они были связаны с системой обогрева жилищ, и в них ссыпали теплые золу и угли.

Некоторые ямы находились под настилами — может быть, под полом жилища, так как ямы иногда были перекрыты деревянными настилами (квадраты 1 и 9, 12, 13). Деревянные конструкции отмечены в разных частях раскопа в основном на уровне материка. В западной части выявились бревна в виде темных полос (дерево не сохранилось). Интересны остатки от дерева в квадрате 3: четыре полосы от бревен шириной 7—10 см и длиной 60—120 см, лежавших параллельно друг другу на длинной слеге. Другое скопление перекрещивающихся полос тлена находилось в квадратах 6 и 9. Длина полос 1—2 м, основное направление — с севера на юг (рис. 2). В некоторых местах удалось выявить несколько горизонтов деревянных конструкций. Бревна и слезги разной толщины (тлен до 5 см), лежавшие в определенном порядке, несомненно связаны с какими-то жилыми помещениями, что подтверждают и другие данные: кострища, ямы, интенсивная окраска слоя и обилие ямок от столбов. Последние имели округлое или заостренное дно, диаметр 10—20 см, глубину от 7 до 30 см от поверхности материка. Закономерности в расположении столбов нет, однако некоторые детали интересны. Возможно, скопление ямок от столбов в квадрате 7 оставлено несущими конструкциями постройки. Здесь к западу от кострища находилось девять ямок диаметром 15—20 см. Четыре из них расположены попарно, вплотную друг к другу. Пять столбов были вбиты в одну ямку. Парное расположение столбов отмечено и в квадратах 4, 6 и 8 около кострищ. Два столба были вбиты с двух сторон четырехметрового бревна, рядом с ямой с углями в квадрате 12. Возможно, они крепили стену жилища. Выявлены следы нескольких столбиков вбитых в одну яму (квадрат 11, пять столбиков в ямке к востоку от кострища).

Стратиграфически определить время сооружений трудно, так как в темном культурном слое ямы от столбов не были видны. В единичных случаях отмечено, что некоторые ямки начинались от черной гумусной прослойки или от коричневой, лежавшей ниже. Как правило, ямы от столбов не заходили на площадь, занятую кострищами. Только в квадратах 9 и 11 отмечены ямки в материке под золистым слоем. Вероятно, кострища в нижней части культурного слоя относятся к более раннему периоду жизни на поселении (рис. 3). К сожалению, исследованная площадь не позволяет уловить контуры жилищ и установить характер бытовых комплексов. Вероятно, жилища были слабо углублены в землю.

В культурном слое стоянки Сахтыш VII, так же как и на других неолитических поселениях близ оз. Сахтыш, обнаружены захоронения. Одно погребение находилось в квадрате 4 на глубине 45 см (рис. 2). Судя по тонкому костному тлену, умерший похоронен вытянуто на спине, головой на юго-восток. Верхняя часть могилы не выявлена, пятно могильной ямы шириной 35 см обозначилось у ног. Под костным тленом найдены три об-

ломка сетчатой керамики, обломки ямочной и волосовской посуды, скребок, отмечено пятно от столба диаметром 20 см. Вероятно, погребение было совершено в поздний период существования поселения.

Характер поселения, время его бытования и культурную принадлежность позволяет определить анализ вещевого комплекса, представленного многочисленными обломками сосудов и различными поделками из кремня и других пород камня.

Керамика стоянки Сахтыш VII типологически делится на ямочно-гребенчатую, волосовскую, группу эпохи бронзы и раннего железа. Количественно преобладают находки волосовской керамики.

Ямочно-гребенчатая керамика (1244 фрагмента) представлена сравнительно небольшими обломками сосудов с открытым горлом, коническим или закругленным дном. Сосуды украшены ямочными или ямочно-гребенчатыми оттисками (последних в четыре раза меньше). Ямки — преимущественно с коническим дном, средних или небольших размеров — чередуются с полулунными вдавлениями зубчатого или гладкого штампа, косыми оттисками гребенки, округлыми гребенчатыми вдавлениями, иногда — оттисками палочки с намотанным шнуром; на немногих фрагментах ямки располагались группами. Подобная керамика широко распространена на соседних стоянках у оз. Сахтыш.

Волосовская керамика (1616 фрагментов и несколько развалов сосудов), в отличие от ямочно-гребенчатой, находки которой по глубинам распределяются почти равномерно, в основном залегает в верхних слоях, до глубины 30—40 см.

Распределение керамики по глубинам

Глубина (см)	Ямочно-гребенчатая	Волосовская	Глубина (см)	Ямочно-гребенчатая	Волосовская
0—20	290	333	40—50	255	249
20—30	291	386 и развал сосудов	60		27
30—40	298	433	В ямах	110	188
			Итого:	1244	1616

Толстостенная волосовская керамика сделана из глины с органическими примесями (возможно, небольшая часть керамики имела примесь раковины, которая выщелочилась). Сосуды с открытым горлом, край венчика которого утолщен и скошен внутрь, часто имели плоское днище. Многие сосуды, представленные крупными обломками, орнаментированы сложными композициями из оттисков гребенки и прочерченных линий. Гребенчатые вдавления различны по величине и образуют елочный узор или полосы. Часты оттиски перевитого шнура, отпечатки различных рамчатых штампов и вдавлений. Обломки волосовских сосудов в некоторых местах раскопа лежали скоплениями, а в квадратах 5, 9, 13 на глубине 30 см найдены развалы плоскодонных сосудов. Особенно интересен плоскодонный сосуд с ромбическим узором. Ромбы заполнены параллельными оттисками гребенки (рис. 5, 9). Волосовская керамика подобного типа имеется в материале ряда многослойных стоянок Ивановской обл.

Керамика эпохи бронзы и сетчатая найдены в основном в верхних слоях и в небольшом количестве: 129 мелких обломков с орнаментом и около 40 — без орнамента. Сосуды эпохи бронзы сделаны из плотного теста с примесью песка, узоры выполнены зубчатым штампом или нарезкой (65 обломков), форма сосудов не восстанавливается. Сетчатая керамика украшена редкими вдавлениями (64 обломка), найдены плоские днища. Небольшая часть фрагментов не имеет орнамента. При раскопках стоянки не был зафиксирован слой с находками верхневолжской культуры. Однако позднее Д. А. Крайнов нашел несколько обломков верхневолжской керамики на пашне к востоку от раскопа.

В культурном слое стоянки Сахтыш VII, кроме керамики, найдено более 200 орудий и поделок из камня, сланца и песчаника и большое количество кремневых отщепов и сколов. Кремень в основном разноцветный, валунный или плитчатый (поделки из последнего редки). Большая часть

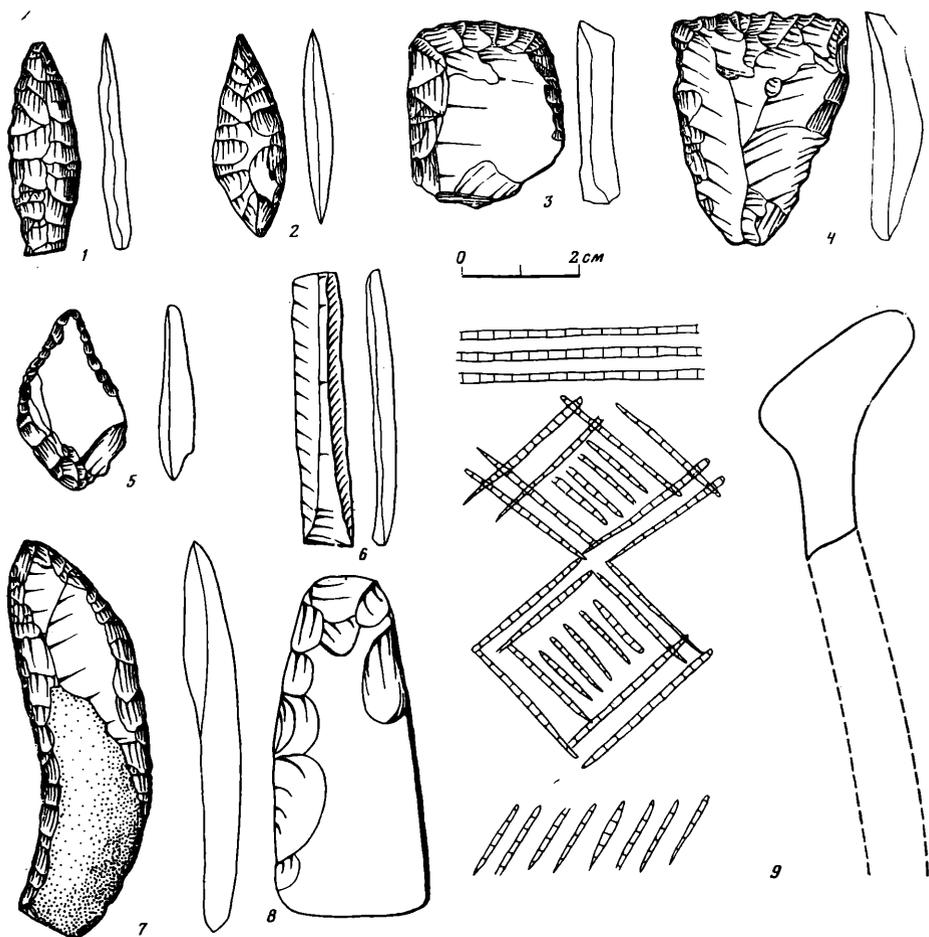

Рис. 5. Стоянка Сахтыш VII. Инвентарь

1—8 — кремневые орудия; 9 — профиль волосовского сосуда и схема орнамента на нем

(92 из 173) орудий сделана из желтого кремня, реже — из коричневого, серого, лилового или розового. Основная масса их найдена на глубине 30—40 см, 30 орудий — в ямах. Выделяются орудия труда и охоты, сделанные, как правило, на отщепах и сколах средних размеров. Многие орудия сломаны, имеются заготовки. Больше всего ножей, скребков и наконечников стрел (по 30 экз.), меньше скребелей, сверл и проколов (12—14 экз.), всего три резца (на глубине 10—40 см), одно полированное у лезвия тесло (на глубине 40—50 см в квадрате 7; рис. 5, 8). Скребки небольшие (3—5 см) с прямой, скошенной или выгнутой рабочей частью, уплощенные и более массивные. У трех скребков рабочий край зубчатый (рис. 5, 3, 4). Ножи и режущие орудия различны по форме, есть комбинированные орудия — скребки-скребели, ножи-скребели (рис. 5, 7).

Наконечники стрел обработаны двусторонней ретушью, большая часть их в обломках. Преобладают наконечники широкой листовидной формы, но есть ромбические и с черешком (рис. 5, 1, 2). Найдены обломки наконечников дротиков, среди них один — с треугольным черешком. В коллекции кремневых изделий имеются единичные узкие пластинки без обработки длиной 3—4,5 см, найденные на разной глубине (рис. 5, 6). Из различных пород камня изготовлены тесла, долота, плитки, всего до 20 предметов. Тесла из сланца найдены на глубине 20—40 см в небольшом количестве, целые и в обломках. На теслах прямоугольной или трапециевидной формы заметны следы работы, поверхность их частично зашлифована у лезвия. Единственное узкое желобчатое долото из сланца длиной

8,2 см найдено в квадрате 10 на глубине 40 см. Среди прочих предметов укажем сломанную сверленную поделку и часть грузила с желобком из песчаника (шурф 3, под дерном).

Основные находки, а также остатки жилых комплексов, вероятно, можно отнести ко времени бытования волосовской культуры. К этому времени приурочены интенсивные кострища, волосовская керамика, представленная крупными обломками и развалами сосудов. Заметим, что ямочная керамика сильно фрагментирована и неоднократно перемещалась во время позднейших перекопов. Малочисленность керамики эпохи бронзы и сетчатой свидетельствует о недолговременном пребывании на поселении племен этого периода.

Несомненно, наиболее интересен волосовский слой с остатками сооружений. Волосовская керамика стоянки относится к позднему типу, с органической примесью, и находит аналогии на широкой территории, особенно на других стоянках у оз. Сахтыш, где залегает над керамикой с раковинной примесью². Мы не имеем абсолютных дат для материалов стоянки Сахтыш VII, ее исследованная площадь невелика. Однако по данным соседних поселений можно отнести время заселения этого места племенами с ямочно-гребенчатой керамикой к концу IV — началу III тысячелетия до н. э., а слой с волосовской керамикой датировать концом III тысячелетия до н. э. Находки керамики эпохи бронзы и сетчатой показывают, что стоянка какое-то время была обитаема и во II—I тысячелетиях до н. э.³

¹ *Гадзяцкая О. С.* Раскопки стоянки Сахтыш VII в 1965 г.: Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Архив ИА, р-1, № 3125.

² *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 1965, 100.

³ *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки

неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, 1978, 153; *Он же.* К вопросу о происхождении волосовской культуры.— СА, 1981, № 2; *Он же.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I.— КСИА, 1984, 177; *Цветкова И. К., Крайнов А. Е.* Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I.— СА, 1982, № 2.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ А. А. ВЫБОРНОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ИМЕРКА 6

Поселение Имерка 6 было обнаружено в ходе работ Сурского отряда ЛЮИА в 1982 г. в Zubovo-Полянском р-не Мордовской АССР. Оно расположено на дюнном всхолмлении, возвышающемся над уровнем поймы на 8 м, отстоит от старицы р. Вад на 48 м к северу. Современное русло Вада находится в 90 м к востоку от Имерки 6.

В восточной части всхолмления на выдуве в 1982 г. была собрана керамика неолита и энеолита. В 1983 г. на этом месте был заложен раскоп площадью 8×10 кв. м. Стратиграфия: а) почвенный слой мощностью до 10 см; б) темный гумусированный песок мощностью до 10 см в северной части раскопа. К югу его мощность постепенно увеличивалась до 40—45 см. В этом слое находились керамика, отщепы кремня и орудия труда. Ниже лежал желтый песок без находок.

Культурный слой был снят горизонтами взятия по 10—15 см с последующими зачистками. В первом горизонте найдены современные вещи (черепки битой посуды, гвозди и т. п.). Во втором и третьем — кремневые предметы и древняя керамика.

После снятия третьего горизонта на фоне светлого материкового песка открылось темное гумусированное пятно, уходящее в стенку раскопа. Чтобы выявить обнаруженное пятно полностью, площадь раскопа была увеличена до 112 кв. м. Темное пятно имело четырехугольные очертания площадью 37 кв. м. Выборка показала, что глубина западины равна

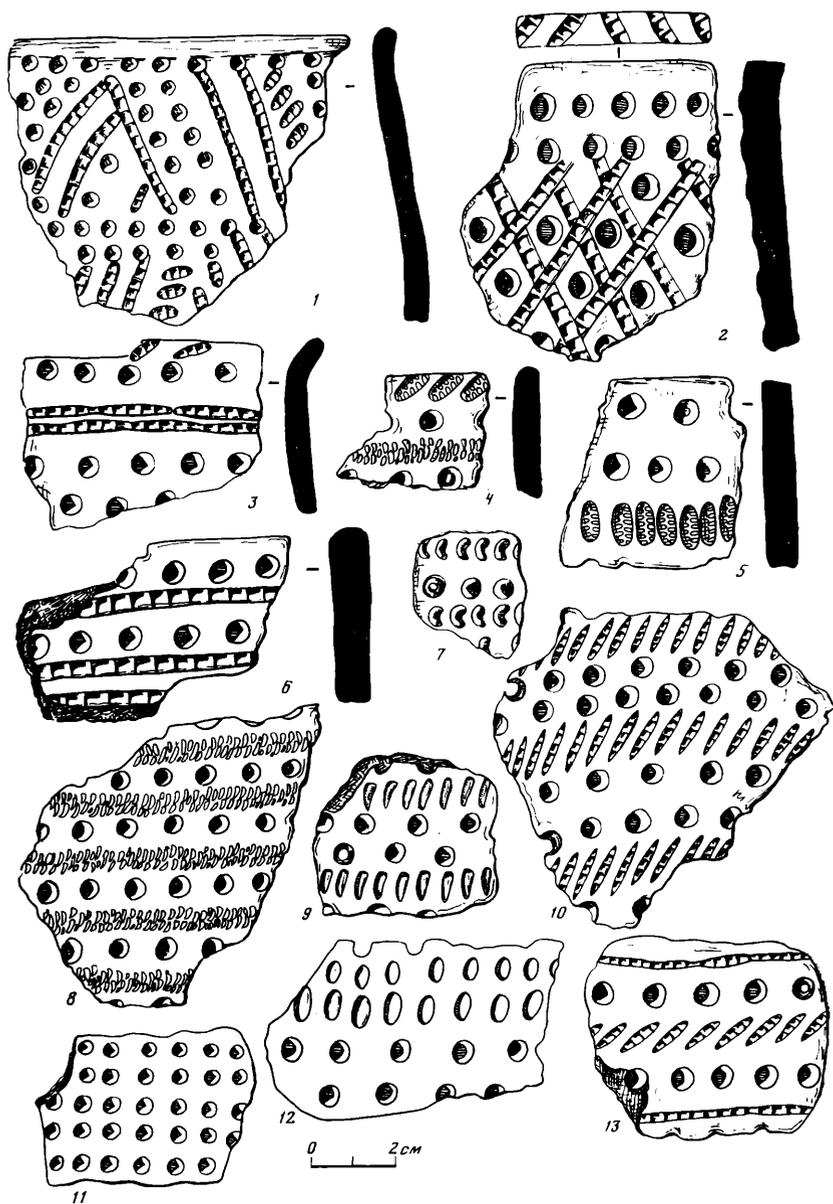

Рис. 1. Поселение Имерка 6. Ямочно-гребенчатая керамика (1—13)

20 см. Западина имела два выхода: в южной и в северо-восточной частях. Границы выхода в южной части неотчетливы. Его длина 0,8 м, ширина — 3 м. В северо-восточной части западины выход проявился отчетливо. Он имел в длину 1,4 м, в ширину — 0,6 м. Его глубина была равна 10—20 см. Западина рассматривается нами как остатки углубленной в землю жилой постройки с двумя выходами из нее.

Вещественный материал, полученный на поселении Имерка 6 в 1983 г., представлен керамикой (320 фрагментов), орудиями труда (15 экз.) и кремневыми отщепами (91 экз.).

По типологическим особенностям (технология изготовления, форма сосудов, их орнаментация) керамика делится на три категории: шнуровую, имеркскую (типа посуды на стоянке Имерка 5) и ямочно-гребенчатую.

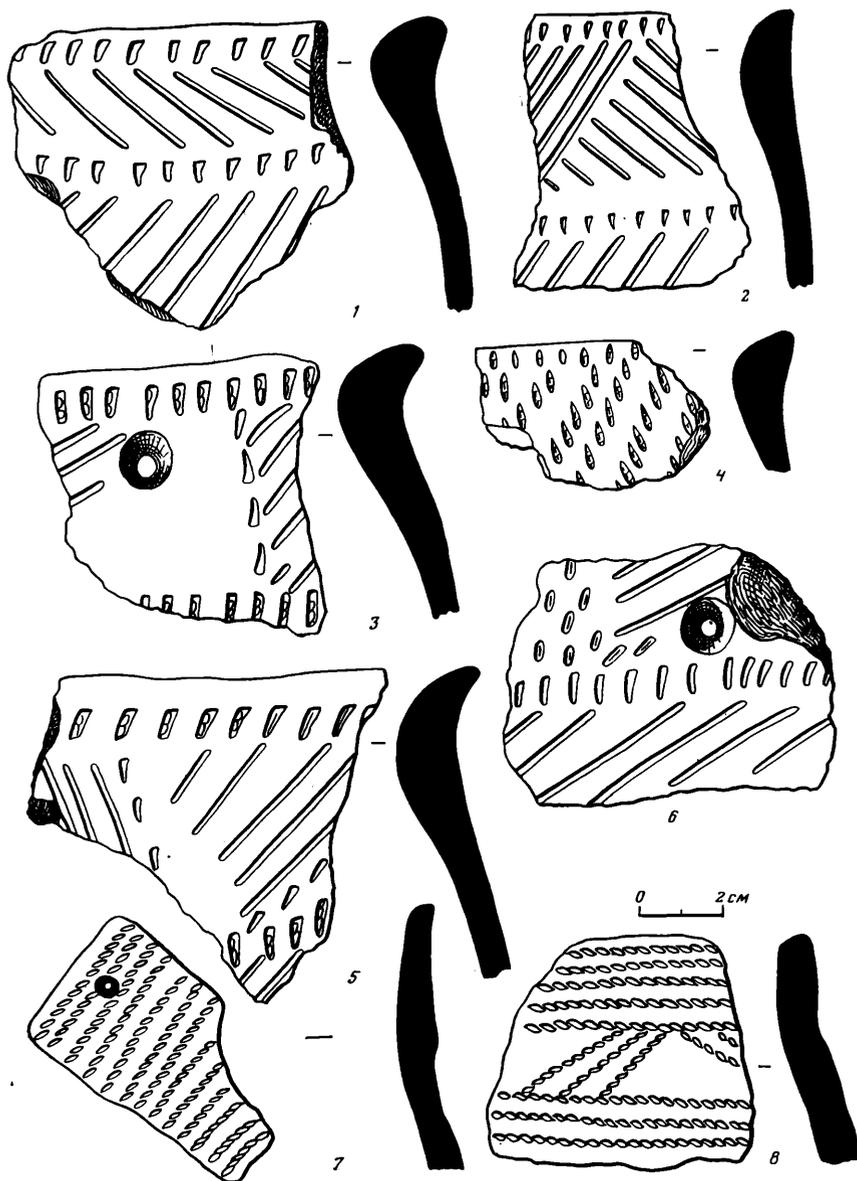

Рис. 2. Поселение Имерка 6. Керамика

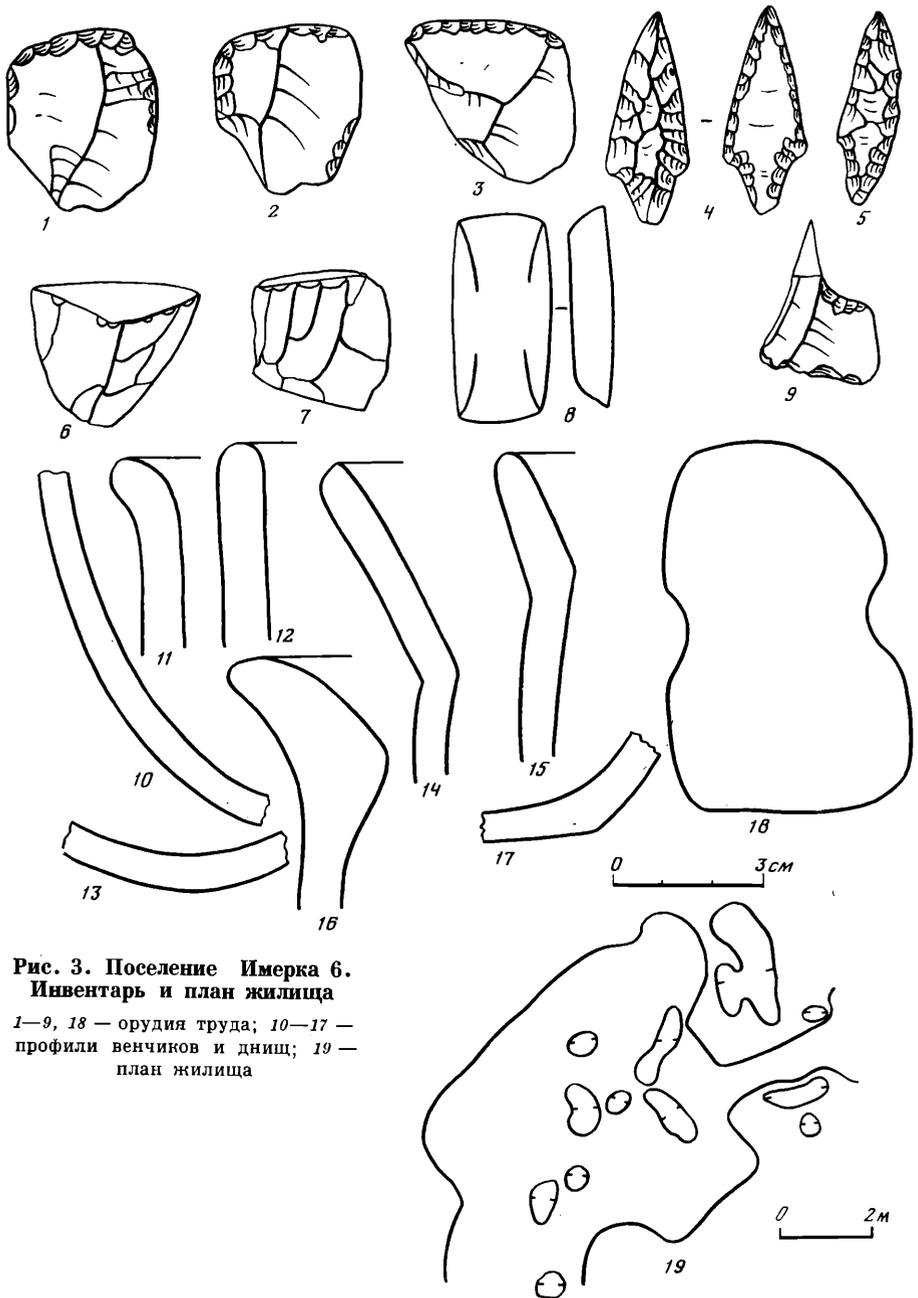
1—6 — энеолитическая имерского типа; 7, 8 — шнуровая

Подсчеты количественного содержания различных категорий по отдельным горизонтам взятия приведены ниже:

Распределение различных категорий керамики по отдельным горизонтам (%)

Горизонты	Шнуровая (24 фрагмента)	Имерская (122 фрагмента)	Ямочно-ребенчатая (174 фрагмента)
1	—	—	—
2	91,7	70	4
3	8,3	28	42,5
Жилище	—	2	53,5

Данные подсчетов позволяют предполагать, что позднейшей на Имерке 6 является шнуровая керамика, около 92% которой залегает во втором горизонте культурного слоя. Более древний возраст у имерской керамики, значительное количество которой обнаружено не только во втором, но и в третьем горизонте. Самой древней на этом памятнике является ямочно-ребенчатая керамика, залегавшая в третьем горизонте и в заполнении

**Рис. 3. Поселение Имерка 6.
Инвентарь и план жилища**

1—9, 18 — орудия труда; 10—17 —
профили венчиков и днищ; 19 —
план жилища

жилища. Последнее обстоятельство дает возможность предположить, что упомянутое жилище связано с теми обитателями Имерки 6, которые изготовляли ямочно-гребенчатую керамику, так как его заполнение содержит более половины найденной здесь ямочно-гребенчатой керамики (93 фрагмента) и лишь три фрагмента имеркской посуды. Перекрыто жилище горизонтом культурного слоя с 74 фрагментами ямочно-гребенчатой керамики против 36 фрагментов имеркской и шнуровой.

Ямочно-гребенчатая керамика (174 фрагмента) представлена обломками круглодонных сосудов с прямыми или слегка выпуклыми стенками толщиной от 0,5 до 1 см и прямыми или же отогнутыми наружу венчиками (рис. 1, 1—13; 3, 10—13). Примесью служил крупнозернистый песок (дресва?). Все фрагменты орнаментированы.

Узоры представляют собой сочетание горизонтальных рядов конических ямок и пересекающихся оттисков зубчатого штампа (рис. 1, 2), а так-

же горизонтальных поясков, выполненных штампом (рис. 1, 3, 6, 13), рядов полулунных вдавлений (рис. 1, 7), клиновидных оттисков (рис. 1, 9), рядов овальных ямчатых вдавлений (рис. 1, 12), оттисков перевитого шнура или веревочки (рис. 1, 4, 5, 8). Отметим ряды ямок, расположенных в шахматном порядке, и вертикальные или наклонные отпечатки зубчатого штампа (рис. 1, 10). Часть керамики украшена лишь рядами ямок (рис. 1, 11), а также их сочетаниями с геометрическими фигурами, выполненными оттисками гребенки (рис. 1, 1).

Имеркская керамика (122 фрагмента) представлена характерными для нее сосудами с отогнутыми наружу венчиками, имеющими утолщение в месте изгиба (рис. 2, 1–6; 3, 16). Толщина стенок колеблется от 0,7 до 0,9 см. Примесью служила растительная труха. Орнаментированы фрагменты горизонтальными поясками из оттисков редко поставленных вдавлений крупной отступающей лопаточки, сочетающихся с зонами из прочерченных линий (рис. 2, 1, 3, 5, 6) и рядов взаимопроникающих треугольников (рис. 2, 2). На восьми черепках отмечены сквозные отверстия. Один фрагмент этой группы украшен оттисками штампа (рис. 2, 4).

Шнуровая керамика (24 фрагмента) представлена обломками плоскодонных сосудов (2, 7, 8; 3, 14, 15, 17). Один из них имел отогнутый наружу венчик, украшенный горизонтальными оттисками шнура. На нем были нанесены сквозные отверстия (рис. 2, 7). Другой имел сходную профилировку, но был украшен тройной зигзагообразной линией, заключенной между отпечатками шнура (рис. 2, 8). Из этой группы украшены лишь три, являющиеся венчиками сосудов. Часть венчиков, стенки и доньшки не орнаментированы.

Кроме керамики, на стоянке Имерка 6 найдены 91 кремневый отщеп и 15 орудий труда, из которых 14 изготовлены из кремня, одно — из доломита (?). Оно представляет собой миниатюрное двустороннее желобчатое долото шириной 2 см и длиной 4,2 см (рис. 3, 8). Среди остальных орудий укажем шесть небольших скребков, два из которых имеют грань на спинке (рис. 3, 1, 2), остальные — случайную конфигурацию (рис. 3, 3). Кроме того, здесь найдены два наконечника стрел. У одного треугольничерешковая форма с частичной обработкой ретушью брюшка (рис. 3, 4), другой имеет асимметричную форму (рис. 3, 5). Длина наконечников равна соответственно 4,3 и 3,9 см.

На Имерке 6 найдены два небольших нуклеуса. Один из них одноплощадочный (рис. 3, 6), имеет высоту 2,3 см; другой — двухплощадочный (рис. 3, 7), имеет высоту 2,7 см. Упомянем находки точильного камня, обломка проколки из отщепы (рис. 3, 9) и небольшого (7,5×4,8 см) молота с пазами для привязывания (рис. 3, 18).

Большинство описанных изделий (исключение составляют лишь молот, точильный камень и четыре скребка аморфных очертаний) обнаружено в третьем горизонте и в заполнении жилища, где преобладала ямочно-гребенчатая керамика. Это обстоятельство делает возможным предположение, что упомянутые орудия труда относятся ко времени бытования на поселении Имерка 6 ямочно-гребенчатой керамики.

Д. А. КРАЙНОВ

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Памятники фатьяновской культуры широко распространены на всей территории Калининской обл. Зарегистрировано свыше 200 пунктов: могильники, поселения и места находок отдельных вещей. Наиболее густо эти памятники расположены в южных (Зубцовском, Ржевском, Старицком), центральных (Калининском) и особенно северных (Бежецком, Кашинском, Кесовогорском) районах области. В основном это холмистые места

что характерно для фатьяновских памятников. К сожалению, значительное количество фатьяновских могильников погибло для науки и продолжает гибнуть в связи с широкими карьерными работами.

Раскопкам подверглись немногие значительно разрушенные могильники: Лихачевский — в Зубцовском р-не¹, Тургиновский² и Ошурковский³ — в Калининском р-не, Олочинский и Таскаихский — в Кесовогорском р-не⁴, Овинищинский⁵ и Болшневский⁶ — в Бежецком р-не.

Верхневолжской экспедицией были осмотрены карьеры на месте нескольких разрушенных могильников в Бежецком, Калининском и других районах.

В 1965 г. были проведены новые раскопки Ошурковского и Тургиновского могильников и исследован Овинищинский могильник.

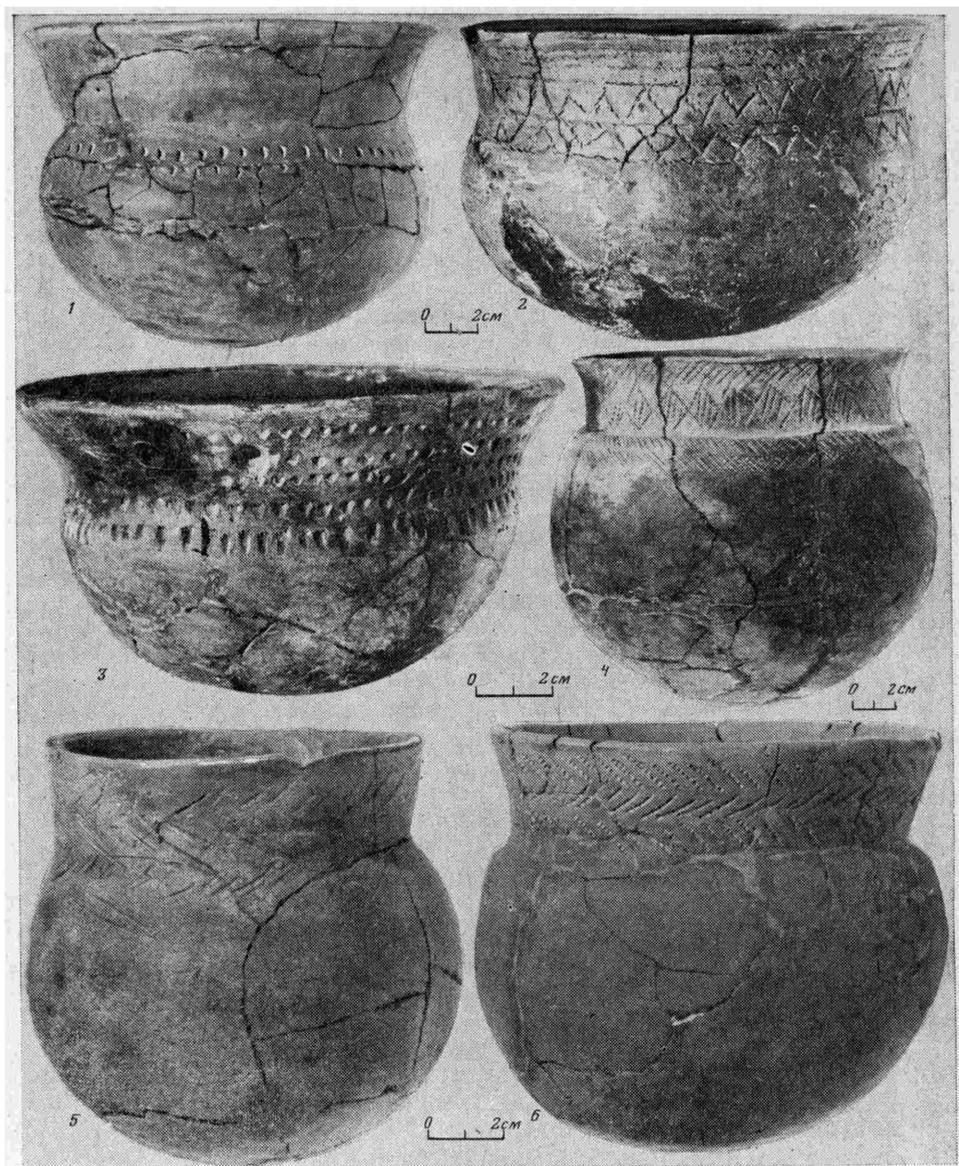
Ошурковский могильник находится у д. Ошурково Калининского р-на Эмаусского с/с, в 1 км от Волги. Расположен он на холмистом возвышении юго-восточной окраины деревни, на левом берегу р. Иньга, окружающей холм с двух сторон. В 1936 г. здесь при постройке овощехранилища было обнаружено погребение 1, в том же году остатки его были исследованы Н. П. Милоновым⁷. Погребение располагалось на глубине 130—150 см, ориентировано с запада на восток. Размеры прямоугольной могильной ямы 120×125 см. Судя по темным остаткам на краях могилы, покойник лежал в погребальном сооружении. Погребенного сопровождали кремневый черешковый наконечник дротика и кремневый нож, находившиеся в восточной части могилы. В отвале земли у восточной стенки могилы найдены клиновидный топор с прямоугольным сечением, крупная ножевидная пластина и обушковый каменный сверленный топор-молоток. Часть указанных вещей хранится в Калининском областном музее (№ 2203/2), часть погибла во время Великой Отечественной войны⁸.

В 1965 г. Ошурковский могильник исследовался Верхневолжской экспедицией Института археологии. Широкими работами установлено, что почти весь холм был разрушен современным строительством, картофельными ямами, остатками домов и помещений XVIII—XIX вв. и окопами; производилось разравнивание площади бульдозером. Только в некоторых местах сохранились неперекопанные участки. Фатьяновский могильник, располагавшийся на холме, в основной своей части разрушен. Нам удалось обнаружить погребение 2 и остатки погребения 3, но, возможно, их было больше.

Погребение 2. Верхняя часть погребения испорчена селищенской ямой. Вместе с поздней керамикой найдены обломки фатьяновских сосудов, которые встречались до дна могилы. Два из них встречены на глубине 20 см вместе с углями и пережженными костями.

На глубине 55 см от поверхности обнаружены высокошейный круглодонный сосуд с раструбной шейкой, с орнаментом по плечикам в виде двух поясков из треугольных наколов (рис. 1, 1). Высота сосуда 14,2 см, толщина стенок 0,5 см, поверхность залощена. Кремневый широкий нож на массивном отщепе с ретушью по краям лежал около сосуда (рис. 2, 1). На глубине от 55 до 80 см встречены обломки четырех фатьяновских сосудов, в том числе высокошейного круглодонного с примесью дресвы и песка, с орнаментом из оттисков шнура, образующих пояски, зигзаги, перекрещивающиеся линии (высота сосуда 15 см; рис. 1, 2); высокошейного с нарезным и мелкоямчатым орнаментом.

На глубине 1 м обнаружены остатки разрушенного погребения. Погребальное сооружение сохранилось только в нижней части. Оно имело прямоугольную форму длиной 275—280 см, шириной 180—190 см. Высота, вероятно, была не меньше 50 см. Ориентировка — с юго-востока на северо-запад. Толщина глена стенок сооружения 0,3—0,5 см. По углам прослежены характерные для фатьяновских могильных сооружений «отростки». На дне сооружения в различных местах отмечены темные «пластинчатые» включения, угольки и остатки «деревянных» обгоревших предметов длиной около 30 см. Очевидно, сооружение из дерева было обожжено или горело.

Рис. 1. Фатьяновские сосуды

1—3 — Ошурновский могильник, погребение 2; 4 — Овинищинский могильник, погребение 1;
5, 6 — Тургиновский могильник, погребения 8 и 9

В погребальном сооружении обнаружен колоколовидный сосуд высотой 9,9 см с широким горлом. Поверхность заглажена, пять рядов треугольных вдавлений нанесены на шейку и плечики, на шейке — три отверстия (рис. 1, 3). Сосуд в обломках найден в верхней части сооружения, а также у середины южной стенки: возможно, он стоял наверху сооружения и упал после его разрушения. Треугольный клиновидный кремневый топорик с частичной заполировкой лезвия лежал в юго-восточной половине сооружения; скобель на отщепе — у северо-западной стенки (рис. 2, 3); скобель — рядом с сосудом (рис. 2, 4); три черешковых наконечника стрел — у южной и северо-западной стенок (рис. 2, 5—7); три куса красноватого песчаного камня — около сосуда.

Таким образом, в погребении 2, разрушенном сверху поздней ямой, найдены целыми и в обломках пять сосудов, три наконечника стрел, клиновидный топорик, нож, два скобеля и три куса песчаника. Возможно.

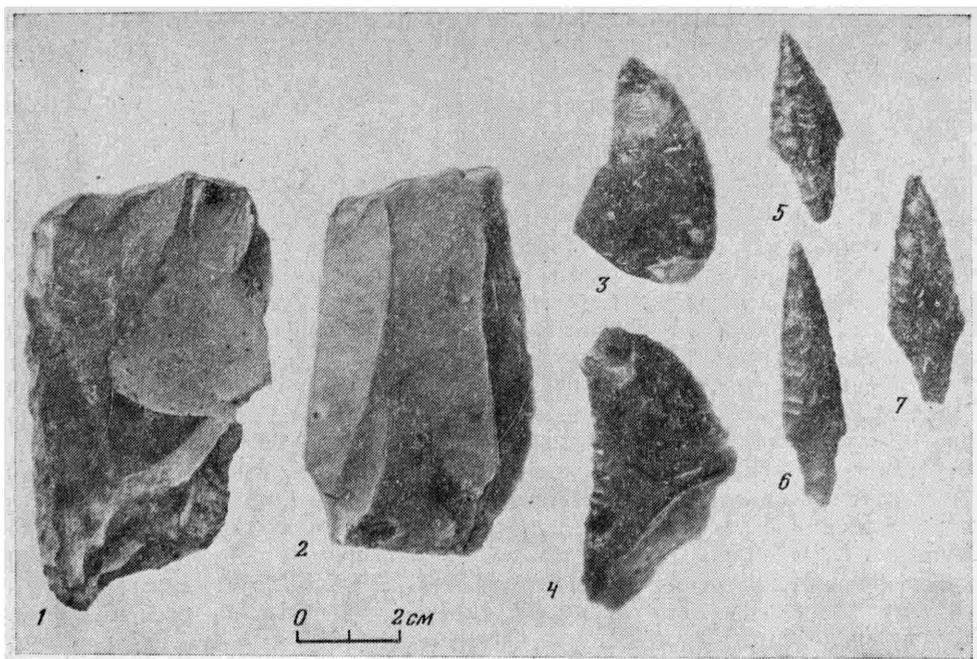

Рис. 2. Кремневые орудия из Ошурковского могильника

1, 3—7 — погребение 2; 2 — погребение 3

были и другие вещи, выброшенные при копке поздней ямы. Кости скелета и тлен от них не прослеживались. Не исключено, что в данном случае был совершен обряд трупосожжения, о чем свидетельствуют находки углей и кальцинированных костей в колоколовидном сосуде, скопления углей в центре сооружения, угольная полоса длиной 50 см и шириной 8 см и угольки по всему дну сооружения.

Погребение 3 разрушено целиком. Около него найден один кремневый отщеп (рис. 2, 2).

Ошурковский могильник интересен находками. Форма сосудов, их орнамент, наконечники стрел с черешками, широкие ножи сближают его с поздними памятниками московско-клязьминской группы фатьяновской культуры. Колоколовидный сосуд напоминает абашевскую керамику, а большой широкогорлый — поздняяковские сосуды. Черешковый наконечник дротика, найденный в погребении 1, близок по форме наконечнику из Тушинского могильника фатьяновской культуры и наконечнику из Стрелицкого могильника среднеднепровской культуры. Все эти данные позволяют датировать Ошурковский могильник временем ближе к середине II тысячелетия до н. э.

Сочетание разных обрядов погребения — труположения (погребение 1) и трупосожжения (погребение 2) — сближает могильник с Истринским и Тургиновским и могильниками днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры.

Овинищинский могильник открыт и обследован Верхневолжской экспедицией в 1965 г. Он находится у северо-восточного края д. Овинищи Бежецкого р-на Калининской обл., на холме, вытянутом с юго-запада на северо-восток. Самая высокая часть холма занята современными постройками. Северо-восточная часть холма испорчена глубоким карьером. Первые сведения о находке топора в карьере у д. Овинищи мы получили от директора Калининского областного краеведческого музея Е. И. Новосильцева. Позднее в Овинищинском карьере находили кости людей, был найден каменный обушковый сверленный топор-молоток (вещи в Калининском музее).

В северо-восточной части карьера мы заложили раскоп из пяти тран-

шей (15×2 м). Раскопки велись при помощи бульдозера (верх уже был снят ранее бульдозером на 30–40 см). В траншее 2 обнаружено погребение 1.

Погребение 1. Могильное пятно неясной формы открылось на глубине 50 см. На глубине 100 см пятно приняло прямоугольные очертания, его размеры 270×180 см, ориентировка — юго-запад — северо-восток. Погребальное сооружение не замечено. В центре могилы прослежено темное пятно овальной формы, очевидно, от «воронки», что свидетельствует о существовании перекрытия могилы или сооружения. На глубине 150 см обнаружены обуховый каменный сверленный топор-молоток на боку, лезвием к краю могилы, очевидно, около головы погребенного; кремневый клиновидный топор с широким лезвием серб-сиреневого цвета — лезвием к юго-западу; кремневый нож из желтого кремня — острым концом внутрь погребения; высокошейный круглодонный сосуд с ромбическим узором по шейке и решеткой по плечикам (рис. 1, 4) — в северо-восточной части могилы на боку, около клина.

Костяк не сохранился. Судя по расположению вещей, погребенный мужчина лежал на правом боку, головой на юго-запад.

Дальнейшие раскопки были прекращены. Очевидно, часть могильника рядом с погребением 1 была разрушена карьером, а центр его находится на самом высоком месте холма, где копать нельзя. Могильник относится к ярославской группе памятников и датируется, очевидно, поздним временем.

Тургиновский могильник находится между д. Астафьево и с. Тургиново. Расположен в урочище Ловушка на расплывчатом песчаном возвышении, покрытом лесом и кустарником. Площадь этого возвышения в большей своей части перекопана многочисленными ямами при строительстве. В 1937 г. при взятии песка были найдены вещи фатьяновской культуры, а значительная часть располагавшегося здесь фатьяновского могильника была разрушена. В 1938 г. на нем проводил раскопки О. Н. Бадер. Была вскрыта площадь около 208 кв. м. Обнаружено два погребения (1 и 2) и собраны отдельные вещи из разрушенных погребений (вещи — в Калининском музее). В 1966 г. могильник исследовался Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова. Была вскрыта площадь 1470 кв. м в западной части урочища. Обнаружено пять погребений (3–7) и собраны отдельные находки из разрушенных могил⁹.

В 1969 г. Верхневолжская экспедиция продолжила исследование Тургиновского могильника. В его западной части была вскрыта площадь около 125 кв. м. Открыты еще три погребения (8–10).

Погребение 8. Могильная яма прямоугольной формы глубиной 75 см, размерами 200×160 см, ориентировка — юг — юго-восток — север — северо-запад. Костяк не обнаружен. В северо-западном конце могилы обнаружены два сосуда и кремневый нож. Один сосуд высокошейный с эсвидным профилем, лощеный. На округлом дне небольшое (диаметр 4 см) уплощение. Высота сосуда 12 см, диаметр горла 10 см, толщина стенок 0,4–0,5 см. Елочный прочерченный орнамент нанесен по шейке и плечикам (рис. 1, 5). Другой сосуд миниатюрный низкошейный, шаровидный, уплощенный. Высота 5 см, диаметр горла 5,3 см, толщина стенок 0,4 см. Орнамент прочерченный, из косых и вертикальных насечек. На дне — ямка диаметром 2 см, вокруг нее — лучи из насечек (рис. 3, 1).

Погребение 9. Могильная яма прямоугольной формы глубиной 75 см, размерами 180×110 см, ориентировка — юг — юго-восток — север — северо-запад. Костяк не обнаружен. В северо-западном конце найден сосуд в мелких обломках. Сосуд высокошейный с эсвидным профилем. Высота его 12 см, диаметр горла 12,3 см, толщина стенок 0,4 см. На дне — ямка. Орнаментирован по шейке тремя рядами косых насечек мелкого зубчатого штампа, образующего горизонтальную елочку (рис. 1, 6).

Погребение 10. Могила разрушена ямой. Сохранилась только ее юго-юго-западная часть. На глубине 80 см на дне могилы найдены обломки двух сосудов и угли. Один сосуд (несколько обломков) тонкостенный (0,4–0,5 см), цвет желтый, поверхность залощена. Орнамента нет. Другой

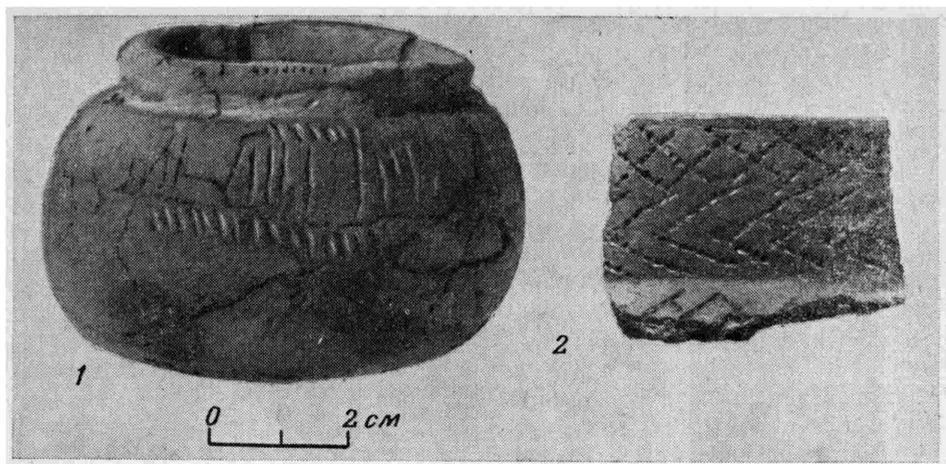

Рис. 3. Сосуды из Тургиновского могильника

1 — погребение 8; 2 — погребение 10

сосуд (обломок) высокошейный. Прямая шейка соединяется с плечиками под углом. Высота 2,5 см, толщина стенок 0,4–0,5 см (рис. 3, 2).

Таким образом, всего в Тургиновском могильнике открыто и раскопано 10 погребений и, кроме того, в отдельных местах на площади могильника найдены отдельные вещи из разрушенных могил. Вероятно, могильник имел значительное количество погребений.

Следует отметить отсутствие погребальных сооружений. Возможно, они были, на что косвенно указывают темные пятна в центрах некоторых могил, рассматриваемые нами как «воронки» от рухнувшего верхнего перекрытия. Могильные ямы имели расплывчатые очертания, что объясняется песчаной почвой. Глубина и размеры ям, а также ориентировка различны (табл.). Кости погребенных не сохранились. Обряд погребения Тургиновского могильника своеобразен. В основном господствовало труполо-

Таблица

Погребальный инвентарь Тургиновского могильника

Погребения	Каменные сверленные-топоры	Каменные клиновидные топоры	Наконечники стрел	Наконечники дротиков	Ножи кремневые	Отщепы кремневые	Скребки разны	Ножи-скребки	Проколки кремневые	Пластины	Сосуды с орнаментом	Сосуды без орнамента	Длина могильных ям (см)	Ширина могильных ям (см)	Глубина могильных ям (см)	Ориентировка могильных ям
1	1	1	12	1	+	—	—	—	—	+	2	—	—	?	130	Юго-запад — северо-восток
2	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	200	105	115	Юго-запад — северо-восток
3	1	—	3	—	1	—	—	—	—	—	1	—	230	165	90	Юго-запад — северо-восток
4	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	350	110	120	Запад — восток
5	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	310	120	100	Юго-восток — северо-запад
6	—	—	—	—	1	2	2	1	1	—	3	—	270	150	100	Юго-запад — северо-восток
7	1	1	4	—	—	—	—	—	—	—	5	—	320	200	110	Юго-запад — северо-восток
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	200	160	75	Юг — юго-восток — север — северо-запад
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	180	110	75	Юг — юго-восток — север — северо-запад
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	80	—

жение. Наряду с этим зафиксирован и обряд трупосожжения. В погребальном инвентаре большую роль играл огонь. Угли встречены во всех погребениях, но в разных количествах. Большие кострища найдены в погребениях 4 и 5. Погребальный инвентарь состоит из каменных сверленных топоров, клиновидных кремневых топоров, кремневых наконечников стрел, ножей, скребков, пластин, отщепов и глиняных сосудов. Эти вещи и обряд погребения близки могильникам московско-клязьминской группы.

Рассмотренные нами могильники разновременны: Ошурковский и Овиницкий относятся к более позднему времени, а Тургиновский — к более раннему. Для этого могильника имеется одна радиокарбоновая дата (угли из погребения 5): 3780 ± 130 лет до нашего времени (ЛЕ-1046), или 1800 лет до н. э. Указанные могильники имеют и ряд элементов, сближающих их с восточнобалтийскими могильниками культуры шнуровой керамики и боевых топоров.

- ¹ *Бадер О. Н.* Лихачевский могильник.— СА, 1937, II.
- ² *Бадер О. Н.* Фатьяновские могильники бассейна р. Шоши.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965; *Гадзюцкая О. С.* Новые раскопки Тургиновского могильника.— КСИА, 1971, 127, с. 65—71.
- ³ *Бадер О. Н.* Могильники фатьяновского типа у д. Ошурково Калининской обл.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 71; *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры: ярославско-калининская группа.— САИ, 1964, вып. В1-20, с. 45.
- ⁴ *Артеменко И. И.* Фатьяновский могильник на Олочинской горе.— СА, 1963, № 2; *Крайнов Д. А.* Олочинский и Таскайский могильники фатьяновской культуры.— КСИА, 1966, 106, с. 55—65; *Он же.* Памятники фатьяновской культуры: ярославско-калининская группа.
- ⁵ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Архив ИА, р-1, № 3125.
- ⁶ *Крайнов Д. А.* Болшневский могильник фатьяновской культуры.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 173—181.
- ⁷ *Бадер О. Н.* Дер. Ошурково.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., с. 71, 72; *Он же.* Фатьяновские могильники Северного Подмосковья.— МИА, 1950, 13, с. 70; *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры: московская группа.— САИ, 1963, вып. В1-19, с. 47.
- ⁸ *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры: ярославско-калининская группа, с. 45.
- ⁹ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г., с. 199—208.

В. В. СИДОРОВ, А. В. ТРУСОВ

ФАТЬЯНОВЦЫ НА КРУГЛОМ ОЗЕРЕ

Фатьяновская культура известна главным образом по материалам могильников. Фрагментарные находки фатьяновской керамики и обломков боевых топоров на поселениях, где основную часть составляет неолитический материал, позволяли лишь строить гипотезы о связях племен фатьяновской культуры с обитателями стоянок. При раскопках стоянки Мышецкая на оз. Круглое в бассейне верхней Клязьмы, в 20 км к северу от Москвы, были получены также фатьяновские материалы¹. Позднее, на ранненеолитической стоянке Альба I, находящейся на той же террасе, в 800 м по берегу (400 м по прямой), было прослежено фатьяновское погребение². Несомненна связь этих двух комплексов.

Мышецкая стоянка исследована на площади 200 кв. м. Большая ее часть уничтожена озером. Она располагалась у южного устья р. Альба, соединяющей небольшие озера Долгое и Круглое, занимавшие межрядные котловины среди конечных морен московского ледника в центре Клинско-Дмитровской гряды. Часть подъемного материала опубликована И. Г. Розенфельдт³, но с ее интерпретацией памятника мы согласиться не можем. Слой стоянки тонок — 15—40 см. Материалы эпохи бронзы встречались главным образом в прибрежной, наиболее насыщенной полосе и составили небольшую часть коллекции, включающей керамику раз-

личных этапов верхневолжской, льяловской, волосовской, дубровичской, фатьяновской и поздняяковской культур,— около 4,5 тыс. фрагментов, около 4 тыс. каменных орудий и 14 тыс. отщепов.

К фатьяновской культуре могут быть отнесены до 200 фрагментов керамики и небольшая серия орудий. По венчикам и особенностям орнамента и теста выделяется около 22 сосудов. Большинство тонкостенны — 4—5 мм, но есть и стенки толщиной до 7 мм. Сохранились следы лощения. В тесте — преимущественно мелкий песок, но есть и сосуды с примесью дресвы и органики (рис. 1, 12, 13, 16, 19). Форма восстанавливается редко. Удаётся реконструировать сосуды с шаровидным туловом и вертикально или раструбом поставленным венчиком. Шов венчика и тулова проявляется в виде натека с внутренней стороны. Часть сосудов имеет более плавный профиль, и плечики их не столь круты. Донышки округлые, только у одного есть уплощение, от которого расходится лучистый рисунок (рис. 1, 10). Техника лепки — узкими лентами внахлест, распад по лентам частый. Половина венчиков имеет рельефный, подчеркнутый желобком бортик.

Орнаментация выполнена тонким зубчатым штампом, тонким шнуром и прочерчиванием. Орнамент располагается по венчику и плечу. Преобладает гребенчатый штамп. Он отмечен у 17 сосудов. Рисунки следующие: 1) поясok из наклонных зубчатых оттисков по плечу и горлу (рис. 1, 6, 15, 17, 22); 2) поясok верных, а также флажковых треугольников на шейке и плечике (рис. 1, 3, 5, 12); 3) поясok зигзага, выполненный параллельно поставленными штампами (рис. 1, 11); 4) поясok заполненных и не заполненных штампом ромбов (рис. 1, 13, 18); 5) сочетание зигзага с вертикальными насечками (рис. 1, 21). Не менее семи сосудов имеют орнамент, обведенный горизонтальной чертой. У всех сосудов с гребенчатым орнаментом есть отогнутый или напешной бортик, встречено сочетание гребенчатого и шнурового штампов. У одного из сосудов с гребенчатым орнаментом имеется короткий вертикальный напеш, по-видимому, имитирующий ручку (рис. 1, 20). Лишь один сосуд с бортиком на венчике орнаментирован очень тонкими шнуровыми оттисками, образующими многорядный зигзаг на горле и полосы разнонаклонных оттисков на плечике (рис. 1, 1). Сам рисунок соответствует гребенчатым, а не шнуровым орнаментам.

Все три венчика, орнаментированных простыми редкими поясками тонкого, глубоко вдавленного шнура, не имеют бортика и чашевидно изогнуты (рис. 1, 14). Такой прогиб характерен для фатьяноидной керамики поселений⁴. Оригинален слегка вогнутый венчик тонкостенного сосуда со шнуровым орнаментом: горизонтальные ряды шнуровых оттисков переходят в волнистые, а по основанию венчика идет ряд вертикальных оттисков гладкого штампа и плоскодонных ямок (рис. 1, 2). Волнистый шнуровой рисунок типичен для ранней фатьяновской керамики Ханевского⁵ и Давыдовского⁶ могильников, но венчики их — без изгиба, свойственного керамике круга абашевской.

Найдено несколько фрагментов одного сосуда с раковинной примесью, тонкими плотными стенками с четким расчесом зубчатым штампом поверхностей внутри и снаружи. Сохранился нагар. Орнамент выполнен тонким шнуром горизонтальными поясками, по обрезу и по прогибу горла — ряд квадратных ямок (рис. 1, 23). Такой же расчес имеется у сосуда, не отличающегося от фатьяновских по тесту и по округлости тулова (венчик не сохранился). Орнамент выполнен горизонтальными поясками короткого, относительно крупнозубого гребенчатого штампа и доходит до середины тулова (рис. 1, 24). Такой орнамент не характерен для фатьяновской керамики. Орнаментация коротким гребенчатым штампом, в том числе горизонтальными поясками, свойственна керамике, нередко сопровождающей фатьяновскую: Никольская II на оз. Тростенское, Воймежная в центральной Мещере, Варос на оз. Неро⁷, Станок в Костромской низине⁸. Часто такие сосуды содержат в тесте примесь мелкотолченой раковины. Три венчика эсвидного профиля не орнаментированы.

Керамика, относимая к фатьяновской культуре, встреченная на Мышецкой стоянке, обладает признаками и балаховской, и абашевской, и, менее отчетливо, поздняяковской. К последней достоверно относятся два сосуда, один из которых реконструируется довольно полно. Для них характерны орнаментация «жемчужинами», крупным гребенчатым штампом и сетчатая поверхность тулова. Подобное сочетание фатьяновских и абашевских черт с инокультурными элементами характерно для керамики всех поселений с достаточно большими сериями керамики эпохи бронзы.

В каменном инвентаре Мышецкой стоянки можно выделить серию орудий, не свойственных неолиту. В первую очередь это два кремневых клиновидных топора линзовидного сечения со шлифованными лезвиями. Их отличает от топоров из погребальных комплексов сильная изношенность и далеко не столь тщательная обработка, но это именно топоры, а не тесла. Топоры же в неолитических комплексах Волго-Окского междуречья не встречаются. Один из них сделан из старицкого лилового кремня (рис. 2, 15), другой — из моренного (московского?) желтого (рис. 2, 16). Пластины и орудия из них, характерные для фатьяновских могильников, на фоне раннеолитического комплекса выделяются недостоверно. Более или менее можно быть уверенным в фатьяновской принадлежности ножа из широкой пластины черного кремня, прозрачного, с неровной плоской чешуйчатой ретушью (рис. 2, 9). Один из скребков (рис. 2, 14) повторяет найденный в могиле. Среди стрел до 10 могут быть отнесены к фатьяновским — короткие ромбические с треугольным пером и массивным черешком, некоторые — с частичной ретушью (рис. 2, 10—13), но и для раннего этапа льяловской культуры характерны короткие ромбические стрелы с неполной ретушью. Вероятна фатьяновская принадлежность песчаникового песта со скульптурно выделенным валиком на рукоятке, а также желобчатого абразива из мелкозернистого песчаника с поперечным желобком.

Фатьяновская могила была найдена на стоянке Альба I, расположенной на правом берегу речки, на округлом бугорке озерной террасы. Могила находилась в центре площадки, в 15 м от берега. Фатьяновского материала на стоянке не было; господствует раннеолитический, небольшая примесь средне- и позднеолитического имеется в верхнем горизонте. Могила заполнена бледно-бурым культурным слоем, аналогичным слою верхнего горизонта. Материк — плотный белесый суглинок. Над могилой отмечена западина глубиной около 7 см. Размеры ямы 204×146 см, глубина от поверхности до 78 см, стенки близки к вертикальным (рис. 2, 17). Ориентировка ямы меридиональная, с незначительным отклонением южного конца к востоку. Скелет не сохранился. Вдоль южной стенки прослеживалась полоска глена шириной 10—12 см — остатки луба или плахи. На ней в юго-западном углу лежал развал сосуда, под которым найден кремневый клиновидный топор овального сечения (рис. 2, 2). Сосуд относится к типу высокошейных удлиненных, с шейкой раструбом (В-3 по классификации Д. А. Крайнова)⁹. Тулово шаровидное, чуть сужено книзу, ямка на дне отсутствует. Толщина стенок 4—6 мм, внешняя поверхность носит следы лощения, в тесте — примесь дресвы. Орнамент нанесен по шейке и плечу поясками кривой решетки, выполненной мелкозубым штампом. Дополняют орнамент прочерченные линии. Диаметр по венчику и высота 15,5 см (рис. 1, 25). В средней части могилы найдены сверленный боевой ромбический узкообушковый топор из серого диорита (рис. 2, 1), два крупных скребка из плоских пластинчатых отщепов с округлыми лезвиями, выполненными пологой ретушью (рис. 2, 3, 4) и двусторонне ретушированный треугольничерешковый наконечник стрелы. Два других наконечника стрел оказались в заполнении, смещенные кротовиной (рис. 2, 5, 7). У северной стенки могилы найден нож из пластины с мелкой ретушью и заполиро-

←

Рис. 1. Фатьяновская керамика стоянки Мышецкая (1—24) и сосуд из погребения на стоянке Альба I (25)

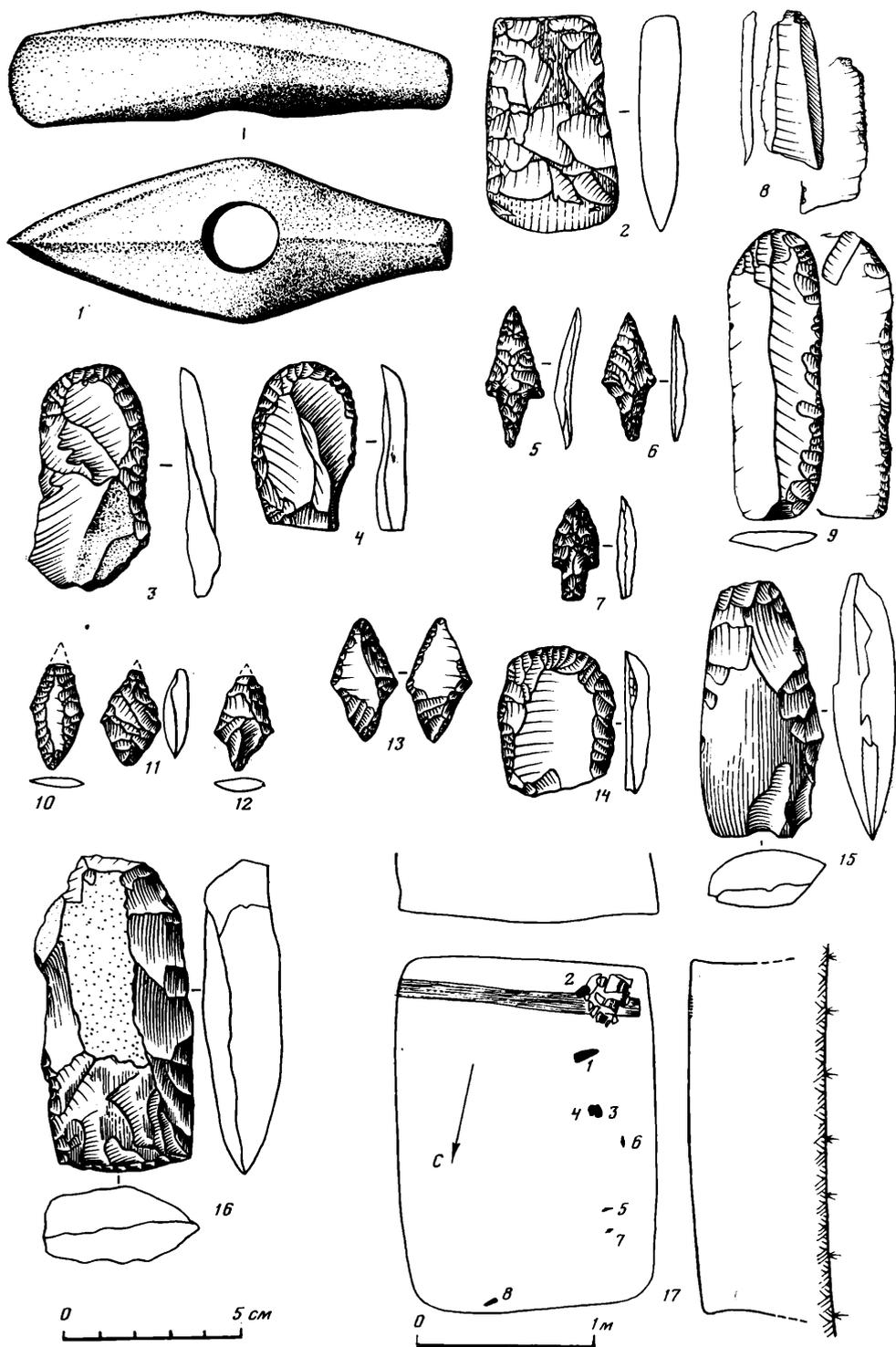

Рис. 2. Фатьяновские вещи (1—16), план и разрезы погребения на стоянке Альба I (17)

1—8 — каменные орудия из погребения на стоянке Альба I (номера соответствуют номерам на плане 17); 9—16 — изделия со стоянки Мышецкая

ванными краями. Судя по расположению, он находился среди остатков мясной пищи, но кости не сохранились (рис. 2, 8).

Ближайшей аналогией этому погребению является могила 4 фатьяновского могильника на стоянке Никольская Правая на оз. Тростенское¹⁰. Совпадают южная ориентировка, расположение, форма и орнамент сосуда, форма и положение боевого топора — за спиной, форма и положение колчана стрел — у таза, положение ножа. Отличаются положение рабочего топора, форма и положение скребков, форма ножа. Более полных совпадений среди фатьяновских могил нет. Это позволяет не только синхронизировать оба названных памятника, но видеть в них свидетельство тесных родственных связей. Расстояние между ними 50 км.

Могила на Альбе входит в круг позднефатьяновских могильников московской группы: Николо-Перевоз, Большое Буньково, Верейский, Истринский. К ним же относится и Тростенский. Если ранние фатьяновские могильники занимают высокие холмы над реками, то эта группа, кроме Истринского, располагается низко, чаще — на местах неолитических стоянок, у воды. Устанавливается их связь с синхронными стоянками, которые тоже занимают места неолитических стоянок. Наблюдаются и некоторые изменения в обряде: становится устойчивой меридиональная ориентировка, но различно место боевого топора в могиле. В инвентаре появляются неорнаментированные сосуды, ножи на отщепах, а не только на ножевидных пластинах, кремневые топоры — линзовидные или овальные в сечении.

Часть могильного инвентаря не отличается от некоторых изделий на стоянках, но в то же время можно отметить значительно меньшую однородность материала стоянок, связанного с фатьяновским комплексом. Разнообразнее формы, технология, орнаменты сосудов, более неолитоидный облик носит кремневый инвентарь, что затрудняет его выделение. Керамика из бытовых комплексов содержит значительно больше абашевских признаков, чем из погребальных, и эти признаки органично переплетаются с фатьяновскими. Именно на материалах поселений прослеживается формирование на основе фатьяновской керамики абашевских типов. Этот процесс, по-видимому, завершился к середине II тысячелетия до н. э.

¹ Сидоров В. В. Отчет о разведках и раскопках Московского областного краеведческого музея за 1970 г. Архив ИА, р-1, № 4353; То же за 1971 г. — № 4547; То же за 1972 г. — № 4888.

² Трусов А. В. Работы Московского областного краеведческого музея. — АО 1979 г. М., 1980, с. 82.

³ Розенфельдт И. Г. Мышецкая стоянка. — КСИА, 1973, 134, с. 68—71.

⁴ Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. — МИА, 1963, 110.

⁵ Сидоров В. В. Отчет о разведках и рас-

копках в Подмоскowie в 1969 г. Архив ИА, р-1, № 4003.

⁶ Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.

⁷ Дворниченко В. В., Сидоров В. В. Новая стоянка на Туголесских озерах. — АО 1972 г. М., 1973, с. 62, 63; Сидоров В. В. Отчет за 1976 г. Архив ИА, р-1, № 6780; Он же. Отчет за 1980 г.

⁸ Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы...

⁹ Крайнов Д. А. Древнейшая история..., с. 50, 51.

¹⁰ Сидоров В. В. Отчет... за 1972 г.

А. Н. СОРОКИН, В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

ФАТЬЯНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА СТОЯНКЕ РЕССЕТА III

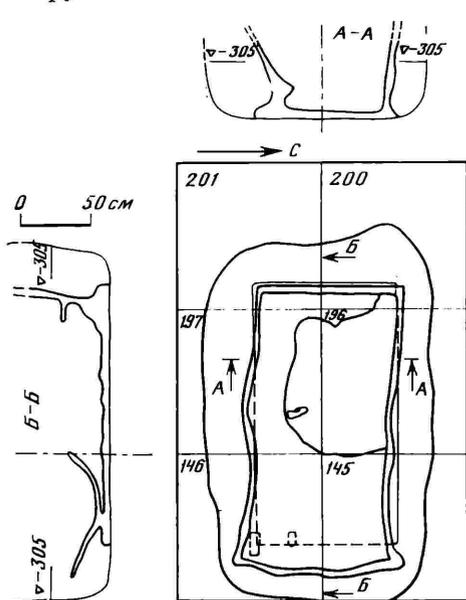
В 1983 г. работами отряда Деснинской экспедиции Института археологии в Хвастовичском р-не Калужской обл. на мезолитической стоянке Рессета III было открыто грунтовое захоронение фатьяновской культуры. Оно располагалось в центральной части стоянки, занимающей донное

вскопление на краю первой надпойменной террасы р. Рессета, правого притока р. Жиздра.

В культурном слое стоянки (светло-сером песке мощностью до 40 см) признаки захоронения не прослеживались. Только на уровне материка было замечено пятно со смешанным серовато-белым песчаным заполнением, выделявшееся на фоне буро-коричневого материкового песка. На глубине 70 см от поверхности пятно приобрело форму овала размерами 255×195 см, вытянутого с запада на восток. В серовато-желтом заполнении встречались отщепы, пластины и отдельные угольки.

Следы погребального сооружения отмечены с глубины 120 см в виде прерывистых полос темного тлена толщиной до 4 см. Ниже очертания сооружения приобрели форму вытянутого с запада на восток прямоугольника размерами 200×110 см (рис. 1).

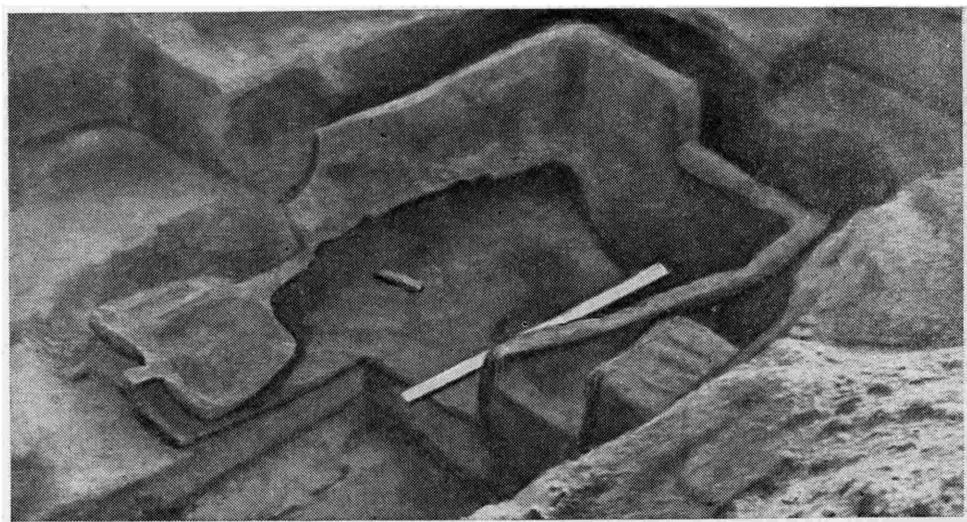
Погребальное сооружение сохранилось на высоту до 70 см. Южная и северная длинные стенки слегка прогнулись внутрь и как бы нависли над дном сооружения. Короткая восточная стенка прослеживалась в виде двух изогнутых полос тлена, соединявшихся только у дна (рис. 1). Очевидно, она расслоилась и прогнулась частью наружу, частью — внутрь сооружения. В восточной части сооружения удалось выявить следы рухнувшего перекрытия в виде тонкой

полосы темного тлена, шедшей почти горизонтально на высоте 20 см от дна. В месте ее соединения с длинными стенками наблюдалось значительное утолщение тлена. В центре погребения и в северо-западной его части остатки перекрытия отсутствовали, а в юго-западном углу образовывали как бы небольшой выступок с рваными краями, выступавший внутрь погребения. Дно сооружения толщиной до 4 см соединялось со стенками почти под прямым углом и, утолщаясь в местах соединения до 10 см, выступало за пределы стенок на 5–8 см. Сооруже-

Рис. 1. План и разрезы погребения на стоянке Рессета III c.

Рис. 2. Вид погребального сооружения

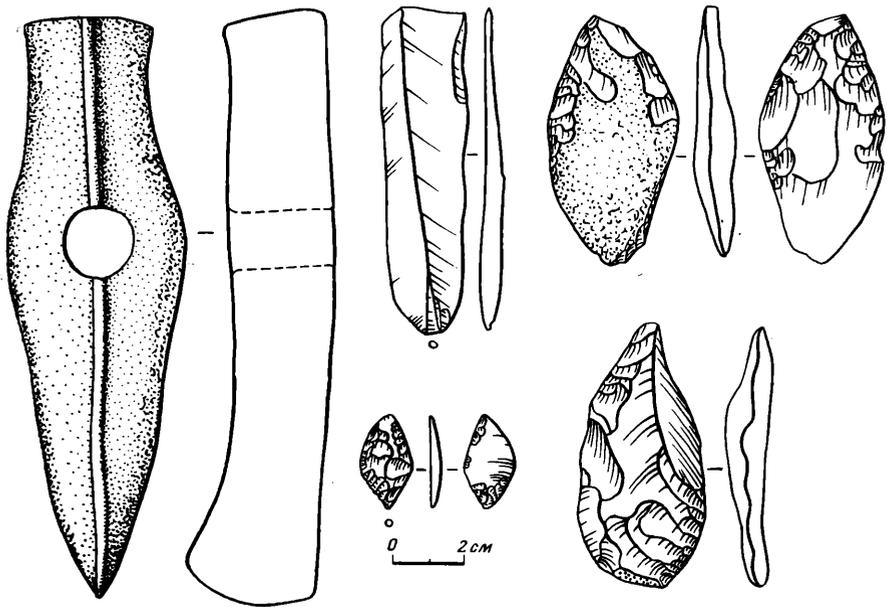

Рис. 3. Каменный инвентарь из погребения

ние было установлено на горизонтальном дне могильной ямы, глубина которой от поверхности достигала 190 см.

В центральной части внутримогильного сооружения лежал каменный сверленный топор-молоток, обращенный лезвием к южной стенке (рис. 2). Топор относится к типу коротколопастных (подтип 1 по Д. А. Крайнову, 13а — по О. Н. Бадеру, А. Х. Халикову)¹ и имеет небольшую скошенную внутрь лопасть. Лобная часть топора уплощена, с продольной хордой. Длина лопаты 16,5 см, ширина — 5,7 см. Рядом с топором найден нож на пластине светлого кремня длиной 9,4 см. К инвентарю погребения, очевидно, следует отнести отщепы, куски кремня и заготовки орудий, найденные в виде нескольких скоплений в засыпке погребения. Среди 42 кремней — пять отщепов, из них два — с ретушью, восемь заготовок дротиков (рис. 3), остальные — куски кремня с отдельными сколами. Однотипность сырья (черный кремень с известняковой коркой), грубость оббивки и нечеткость форм заготовок наводят на мысль о том, что все они составляют единый комплекс и сделаны одновременно, специально для погребения. Не исключена связь с захоронением и небольшого ромбического наконечника стрелы, найденного в верхней части заполнения могильной ямы (рис. 3). Он изготовлен на пластине черного кремня и подобно многим наконечникам из фатьяновских захоронений имеет брюшко, оформленное ретушью только по краям. Близкий наконечник известен в материалах Тургиновского могильника².

Глубина могильной ямы, размеры сооружения и присутствие в составе инвентаря боевого топора позволяют предполагать, что захоронение было мужским (кости не обнаружены). Необычно отсутствие в погребении керамики, составляющей неперенную черту как фатьяновского, так и среднеднепровского погребального обряда. Могила могла быть потревожена, на что указывают характер разрушения перекрытия в центральной и юго-западной частях погребального сооружения и изменение очертаний ямы в юго-западном углу. Возможно, именно при нарушении погребения часть инвентаря попала в верхние слои заполнения могильной ямы.

Наибольший интерес среди материалов рессетинского захоронения представляет хорошо сохранившееся погребальное сооружение. До сих пор в окско-деснинских памятниках подобные конструкции не были известны, очень редки они и в московско-клязьминских могильниках и счи-

гаются типичными лишь для верхневолжской группы³. Именно с последними найденное погребальное сооружение и обнаруживает наибольшую близость.

Сходство проявляется даже в размерах и пропорциях. Так, во многих мужских захоронениях Кривцовского, Ильинско-Хованского, Тимофеевского, Волосово-Даниловского, Воронковского и других могильников погребальные сооружения имели размеры 200—210×100—110 см при высоте около 50 см⁴. Совпадает, очевидно, и материал, из которого изготавливалось сооружение, на что указывает аналогичная деформация стенок. Подобно верхневолжским, найденное сооружение имело стенки, утолщающиеся при соединении с полом, и дно, выходящее за пределы стенок. Правда, отсутствовала такая важная деталь, как «отростки» в углах сооружения, но они не всегда прослеживались и в верхневолжской группе⁵. В этом случае углы бывают слегка закруглены и имеют значительную толщину, что и отмечалось в рессетинском погребении. Не имеют «отростков» в углах и внутримогильные сооружения балановских памятников⁶.

Немногочисленный инвентарь все же позволяет выявить культурные и хронологические особенности погребения. Сверленный коротколопастный топор-молоток относится к типу, широко распространенному в культурах боевых топоров, в том числе в среднеднепровской и фатьяновской. В ярославско-калининских памятниках его вытеснил очень близкий по общим очертаниям длиннолопастный топор. Концентрация коротколопастных топоров в Калужской обл. и находки их в погребениях Михеевского, Детчинского, Бежицкого и других здешних могильников позволила Д. А. Крайнову считать эту форму характерной именно для окско-деснинской группы фатьяновских племен⁷.

Кремневые ножи, аналогичные найденному в погребении, часто встречаются как в фатьяновских, так и в поздних среднеднепровских памятниках (Стрелица, Ходосовичи и др.)⁸. Особого внимания заслуживают скопления кремня в засыпке погребения. Находки отдельных отщепов нередки в фатьяновских захоронениях, но в виде скоплений они встречаются лишь в единичных случаях⁹. Напротив, такие скопления неоднократно отмечены в погребениях днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры¹⁰. Заготовки орудий в фатьяновских погребениях не встречены, между тем как очень близкие рессетинским заготовки дротиков происходят из грунтового могильника Стрелица¹¹.

Не только по географическому положению, но и по составу погребального инвентаря могильник на стоянке Рессета III входит в круг памятников, выделенных Д. А. Крайновым в окско-деснинскую группу фатьяновской культуры¹². В этой группе он пока остается одним из самых южных, находясь в непосредственной близости от районов распространения днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры. Этим фактом во многом объясняются черты сходства с могильниками Десны и ее притоков: расположение на краю боровой террасы, значительное количество и формы кремневого инвентаря. Тем более показательно преобладание фатьяновских признаков, причем тех из них, которые относятся к важнейшим особенностям погребального обряда: размеры и глубина могильной ямы, ориентировка погребения, устройство погребального сооружения.

Находка погребального сооружения не только обогащает наши представления об окско-деснинских памятниках, но и служит еще одним подтверждением единства фатьяновской культуры на всей территории ее распространения. Вместе с тем проявившаяся в материалах рессетинского погребения устойчивость таких признаков, как западно-восточная ориентировка могил, присутствие в инвентаре коротколопастных топоров и значительного количества отщепов и кремневых изделий, лишней раз указывает на правомерность выделения окско-деснинских памятников, отражающих одновременно и региональные особенности, и определенный этап в развитии фатьяновских племен.

Материалы погребения не дают возможности судить о его абсолютной дате. Однако ранний тип сверленого топора, обилие кремневых изделий и ориентировка могилы позволяют сблизить рессетинское захоронение с ранними памятниками московско-клязьминской группы, датируемыми Д. А. Крайновым концом первой — второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹³

¹ Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 55; Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры. — САИ, 1976, вып. В1-25, с. 64.

² Гадзяцкая О. С. Новые раскопки Тургиновского могильника. — КСИА, 1971, 127, с. 67, рис. 24.

³ Крайнов Д. А. Древнейшая история..., с. 182.

⁴ Там же, с. 172—176, табл. 3.

⁵ Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры: ярославско-калининская группа. — САИ, 1964, вып. В1-20, с. 18.

⁶ Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры, с. 30.

⁷ Крайнов Д. А. Древнейшая история..., с. 229.

⁸ Там же, с. 73; Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, с. 40.

⁹ Гадзяцкая О. С. Милославский фатьяновский могильник. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964, с. 90.

¹⁰ Артеменко И. И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964, с. 81.

¹¹ Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья..., с. 93, рис. 57.

¹² Крайнов Д. А. Древнейшая история..., с. 229.

¹³ Там же, с. 226.

ХРОНИКА

Б. Г. ТИХОНОВ

СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В 1983—1984 ГГ.

Исследование истории древнего населения, разработка вопросов этногенеза древнейших народов являются основой научных интересов сотрудников сектора. Как и в предыдущие годы, важное место в работе сектора занимала подготовка к изданию многотомной «Археологии СССР». М. Ф. Косаревым и Д. А. Крайновым отредактирован том «Бронзовый век лесной полосы СССР». Продолжается редактирование томов «Мезолит СССР» (Л. В. Кольцов), «Бронзовый век Кавказа и Средней Азии» (В. И. Марковин и В. И. Сарияниди). Н. Я. Мерперт и В. П. Шиллов работают над томом «Бронзовый век степной полосы Евразии». Н. О. Бадер написал раздел «Поздний палеолит Кавказа» в томе «Палеолит СССР» (М., 1984). В. И. Марковин для тома «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» написал раздел о Дагестане.

А. А. Формозов опубликовал книгу «Начало изучения каменного века в России» (М., 1983). В работе показано становление первобытной археологии в России на фоне развития науки и общественного движения, борьбы науки с церковными догмами. Он же опубликовал научно-популярную книгу «Историк Москвы И. Е. Забелин» (М., 1984), в которой намечены основные вехи жизненного пути этого замечательного русского историка, определено его место в истории нашей науки и культуры.

С. В. Ошибкина выпустила книгу «Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья» (М., 1983), основанную на материалах памятников, открытых и исследованных автором. Работа имеет важное значение для решения вопроса об освоении человеком Севера нашей страны.

Вышла книга А. П. Погожевой «Антропоморфная пластика Триполья» (Новосибирск, 1983), в которой разработаны типология и хронология глиняных трипольских статуэток, рассмотрены вопросы их происхождения и назначения.

М. Ф. Косарев опубликовал монографию «Западная Сибирь в древности» (М., 1984). Работа посвящена исследованию социально-экономического уклада и духовной культуры населения Западной Сибири от неолита до раннего средневековья. Наряду с археологическими материалами привлечены данные палеоклиматологии, экологии, этнографии и фольклористики.

В. И. Сарияниди издал монографию «Золото Бактрии» (Л., 1984), в которой опубликованы золотые изделия I в. н. э. из некрополя Тилля-Тепе. Он же написал научно-популярные книги «Афганистан: Сокровища безымянных царей» (М., 1983) и «Бактрия — сквозь мглу веков» (М., 1984), которые содержат изложение результатов раскопок автора в Афганистане и Туркмении. Им же в Афганистане издан на языке дари альбом «Сокровища кушанской Бактрии» (Кабул, 1983).

Сотрудниками сектора в различных изданиях Советского Союза и за рубежом опубликованы 122 статьи, заметки, тезисы, рецензии.

Ряд сотрудников завершил выполнение плановых тем. А. А. Формозов написал работу «Наскальные изображения и их изучение». Она характеризует наскальные изображения в целом (от палеолита до средневековья) как специфический вид археологических памятников и особый тип произведений искусства. Используя опыт мировой науки, автор намечает некоторые перспективные направления в разработке тематики, связанной с наскальными изображениями.

Монография Х. А. Амирханова «Чохское неолитическое поселение» содержит обобщение и интерпретацию материалов мезолита и неолита горного Дагестана. В ней рассмотрены вопросы палеогеографии, типологии археологического материала, проблема происхождения и датировки чохской культуры. Особое значение придается вопросу сложения производящего хозяйства на северо-восточном Кавказе.

Проблемам неолита северо-запада европейской части СССР посвящена работа М. П. Зиминной «Каменный век бассейна р. Мсты», в которой рассмотрены вопросы истории этого района от мезолита до раннего бронзового века, определена относительная и абсолютная хронология памятников, охарактеризованы идеология и хозяйственная деятельность древних племен.

Е. К. Черныш окончила исследование «Поселение Флорешты», в котором подведены итоги раскопок 1955—1961 гг. под руководством Т. С. Пассек. Ценность памятника заключается в четкой стратиграфии слоев культур линейно-ленточной керамики и раннего триполья (Докукутени II). Среди находок выделяется раннетрипольская керамика, положившая начало развитию трипольской керамики всех последующих периодов.

«Храм и некрополь Тилля-Тепе» — монография В. И. Сариниди, содержащая описание храма огня периода поздней бронзы, исследованного Советско-Афганской археологической экспедицией. Обосновывается его датировка и проводятся сопоставления с памятниками соседних территорий. Основная часть монографии посвящена некрополю раннекушанского времени.

В серии Свод археологических источников СССР Д. А. Крайнов и О. С. Гадзяцкая подготовили выпуск «Памятники фатьяновской культуры». В работе рассматриваются общие вопросы истории фатьяновских племен во II тысячелетии до н. э., периодизации памятников, относительной и абсолютной хронологии, этногенеза на базе антропологического и археологического материала. Дается подробный указатель памятников.

В. С. Титов для первого тома «Истории Европы» написал раздел «Европа в каменном и бронзовом веке» и завершил свою часть работы над коллективной монографией «Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — начало II тысячелетия н. э.»

В. П. Шилов по заданию Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики завершил работу над монографией «К древнейшей истории Калмыкии». В ней наряду с полной публикацией комплексов Три Брата I и II дана характеристика этапов развития региона от ямной культуры до позднего средневековья.

В. И. Марковиным и Р. М. Мунчаевым подготовлена книга «Северный Кавказ: Очерки истории и культуры», в которой рассматривается развитие истории и культуры народов Кавказа от эпохи камня до современности, при этом большое внимание уделено археологии.

Проведено 63 заседания сектора, на которых заслушано 99 докладов и сообщений по различным проблемам первобытной археологии. Обсуждались завершённые плановые работы, докторские и кандидатские диссертации и результаты экспедиционных исследований. Сектор обсудил докторские диссертации С. В. Ошибкиной («Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья»), А. Т. Синюка («История населения донской лесостепи в V—II вв. до н. э.: Неолит—энеолит—бронза»), Ю. А. Савватеева («Писаницы Фенноскандии») и В. И. Маркевича («Позднетрипольские племена северной Молдавии»).

Сектор рекомендовал принять к защите кандидатские диссертации аспирантов и соискателей Г. Д. Атаева, А. Н. Габелия, М. Г. Жилина, В. В. Сидорова, Н. В. Лобановой и др.

Сотрудники сектора рецензировали и редактировали монографии, сборники, статьи, отчеты о полевых исследованиях.

Один из основных видов деятельности сотрудников сектора — полевые исследования. За рубежом продолжает работу Советско-Иракская экспедиция (Н. О. Бадер и Н. Я. Мерперт). Советско-Йеменская экспедиция (Х. А. Амирханов) по тематике сектора провела разведки, в процессе которых обнаружено более 20 памятников каменного века и среди них — орудия нижнепалеолитического времени. Советско-Болгарская экспедиция (Н. Я. Мерперт, В. С. Титов) продолжает раскопки поселения Юнаците, где вскрыты жилые постройки и уникальная фортификационная система начала III тысячелетия до н. э. Советско-Венгерская экспедиция, в составе которой 10 полевых сезонов проработал В. С. Титов, продолжала раскопки на комплексе памятников Кестхес-Фенекпуста. Обнаружены слои, относящиеся к культуре линейно-ленточной керамики в ее южнозадунайском варианте, и слои раннеолитического комплекса старшей линейно-ленточной керамики. Под руководством В. Ф. Старкова продолжает исследования памятников русских поморов экспедиция на Шпицбергене. Маргианская экспедиция под руководством В. И. Сарияниди исследовала памятники различных эпох в Каракумах. Интересен храмовый комплекс позднего бронзового века, связанный с культом огня.

Волго-Уральская экспедиция под руководством Л. Л. Галкина исследовала памятники Гурьевской и Мангышлакской областей. Изучены памятники загонной охоты эпохи бронзы. Найдены также остатки поселений этого периода.

В Сибири отряд по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции под руководством М. А. Дэвлет продолжал фиксацию наскальных изображений в долине Енисея. Западносибирская экспедиция под руководством М. Ф. Косарева проводила раскопки памятников бронзового века на оз. Юрчаркуль в Тобольском р-не Тюменской обл. Т. М. Потемкина занималась изучением поселений эпохи бронзы в Курганской и Петропавловской областях.

Причерноморская экспедиция (начальник В. В. Бжания) продолжала исследования поселения Кистрик и ряда других памятников. На Кистрике вскрыты слои колхидской культуры VIII—VI вв. до н. э. и слой неолита. Начаты раскопки Тамышского поселения поздней бронзы и раннего железа. Волго-Донская экспедиция во главе с В. П. Шиловым продолжала раскопки курганов эпохи бронзы в Калмыкии. В Туапсинской экспедиции В. И. Марковин исследовал интереснейший подкурганый дольмен.

Трипольская экспедиция под начальством Е. К. Черныш исследовала поселение у с. Ворошиловка Тывровского р-на Винницкой обл., характеризующее, вероятно, особый вариант трипольской культуры. В Причерноморской экспедиции Е. К. Черныш работала в качестве консультанта. А. П. Погожева провела разведочные работы по обнаружению трипольских поселений на Украине. В 1983 г. она участвовала в работах Западносибирского отряда Новосибирского отделения АН СССР.

Воронежская экспедиция под руководством Б. Г. Тихонова работала в двух областях. В Куйбышевской обл. исследованы поселение Лбище, где обнаружены два жилища новой для этого района культуры, по-видимому, второй четверти II тысячелетия до н. э., и поселение Григорьевское I с жилищем периода поздней бронзы и остатками металлургического производства. В Воронежской обл. изучались Чесменский и Растошинский могильники, в основном с погребениями бронзового века преимущественно срубной культуры. В составе Курской экспедиции работал Ю. А. Смирнов.

В Верхнем Поволжье работали три экспедиции. Верхневолжская

экспедиция под руководством Д. А. Крайнова продолжала раскопки памятников различных эпох в Ивановской и Ярославской областях. Следует отметить торфяниковые стоянки Ивановская I и II, Вашутинская и Малая Ламна I и III. В работе экспедиции принимала участие О. С. Гадзяцкая. Горьковская экспедиция (начальник М. Г. Жилин) проводила раскопки и разведки стоянок мезолита и неолита в Горьковской обл. и Чувашии. Калининская экспедиция во главе с Л. В. Кольцовым занималась исследованием разновременных памятников в верховьях Волги.

Северо-Западная экспедиция под руководством М. П. Зиминой продолжала исследования поселений и могильников в Новгородской обл. На поселении и в могильнике Репище, кроме материалов эпох от неолита до раннего железа, обнаружено 40 погребений с янтарными украшениями.

В Вологодской и Архангельской областях Северная экспедиция под руководством С. В. Ошибкиной при участии Е. П. Голубевой продолжала раскопки интереснейшей стоянки Нижнее Веретье с богатейшим костяным инвентарем мезолитического времени. Проведены также разведочные работы в бассейне р. Сухона и небольшие раскопки других памятников.

Одна из сторон научной деятельности сотрудников сектора — участие в работе совещаний, симпозиумов и конференций. Они выступают с докладами, руководят организацией и проведением заседаний, активно участвуют в обсуждении прочитанных докладов.

На Всесоюзной конференции археологов в Москве в 1983 г. Д. А. Крайнов руководил работой секции неолита и бронзы, Л. В. Кольцов — секцией палеолита, с докладом выступил Ю. А. Смирнов, участвовали М. Г. Жилин, Г. Н. Матюшин. В 1983 г. в Ленинграде на Международном совещании по Шпицбергену и на Совещании по проблемам Арктики делал доклады В. Ф. Старков. Он же в 1984 г. в Польше сделал доклады на совещании по Шпицбергену и на Международном симпозиуме по проблемам экологии и истории Шпицбергена («Работа Советской археологической экспедиции в 1983 г.» и «Принципы датировки русских памятников на Шпицбергене»).

В работе конференции «Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное» (Москва, 1983 г.) участвовали М. Ф. Косарев и Э. В. Сайко. Конференция была подготовлена Д. А. Крайновым.

На XXVII Международном геологическом конгрессе Г. Н. Матюшин прочитал доклад «Реконструкция палеогеографических условий в голоцене по данным археологии» (Москва, 1984 г.). В работе Всесоюзной конференции по античной балканистике (Москва, 1984 г.) участвовала Е. Е. Кузьмина; конференции, посвященной древней культуре и искусству Киргизии (1983 г.), проходившей в Эрмитаже, — Е. Е. Кузьмина и В. И. Сарияниди; XXIII Международной ассириологической конференции (Ленинград) — Е. Е. Кузьмина и Э. В. Сайко. На конференции «Становление человека и общества» (Ленинград, 1984 г.), проходившей под руководством Д. А. Крайнова, были Г. Н. Матюшин, Н. О. Бадер, Х. А. Амирханов. Д. А. Крайнов прочел доклад на советско-финском симпозиуме в Ленинграде (1984 г.).

В 1983 г. на II советско-американском симпозиуме «Археология Средней Азии и Ближнего Востока» в Самарканде прочитали доклады Н. О. Бадер и Н. Я. Мерперт, в 1984 г. на II советско-индийском симпозиуме в Ашхабаде — В. И. Сарияниди и Е. Е. Кузьмина. В работах полевого семинара, организованного Петропавловским пединститутом в 1983 г., выступили с докладами М. Ф. Косарев, Г. Н. Матюшин, Н. Я. Мерперт и Т. М. Потемкина.

В Свердловске на XIII Уральском археологическом совещании (1983 г.) выступили с докладами М. Ф. Косарев, С. В. Ошибкина и В. Ф. Старков. В чтениях памяти А. П. Окладникова (Новосибирск, 1983 г.) участвовали

М. Ф. Косарев, С. В. Ошибкина и М. А. Дэвлет. В работе Совещания по применению методов естественных и точных наук (Барнаул, 1983 г.) принимал участие М. Ф. Косарев. На VI Западносибирском археолого-этнографическом совещании (Томск, 1984 г.) были М. А. Дэвлет, М. Ф. Косарев, Е. Е. Кузьмина и С. В. Ошибкина. В Красноярске на конференции «Проблемы исследования каменного века Евразии» (1984 г.) выступила М. А. Дэвлет.

На международном симпозиуме по бронзовому веку Кавказа и Юго-Восточной Европы (Тбилиси, 1983 г.) сделали доклады В. И. Марковин и Н. Я. Мерперт. В юбилейной сессии Института археологии АН УССР в Киеве участвовали Ю. Н. Захарук, Д. А. Крайнов, Т. М. Потемкина и Б. Г. Тихонов. В Киеве на конференции молодых ученых в 1983 г. сделал доклад М. Г. Жилин. В 1983 г. он же сделал доклады на конференции «25-летие Верхневолжской экспедиции» в Ярославле и на конференции, посвященной 100-летию Ростовского историко-художественного музея (Ростов). В Пскове на археологическом семинаре в 1984 г. с докладом «Проблемы неолита и энеолита в центре Русской равнины» выступил Д. А. Крайнов.

Во всесоюзном симпозиуме «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока» (Москва, 1984 г.) участвовали Х. А. Амирханов и Ю. А. Смирнов. На конференции по электронике и астрономии в г. Фрязино в 1983 г. Г. Н. Матюшин прочел доклад «Новейшие археологические данные о происхождении человека».

В последние годы широкое распространение получают конференции памяти известных советских археологов. Так, на Крупновских чтениях в 1983 г. (Майкоп), посвященных вопросу о происхождении западнокавказских дольменов, сделал доклад В. И. Марковин; Рыковских чтениях в Саратове в 1984 г. (председатель Н. Я. Мерперт) Б. Г. Тихонов совместно с И. Б. Васильевым сделали доклад об исследовании поселения Лбище с керамикой нового для Куйбышевского Поволжья типа. Следует отметить огромное значение таких конференций для развития археологии на местах.

Сотрудники сектора выступали с докладами в других научных организациях, на методологическом семинаре Института, руководили работой аспирантов и соискателей, участвовали в качестве оппонентов в защите диссертаций. Значительное внимание уделялось популяризации археологической науки.

За два прошедших года в составе сектора произошли изменения. Переведены в другие подразделения Института из состава сектора старшие научные сотрудники Н. О. Бадер, Г. Н. Матюшин и В. П. Шилов и включенные в 1984 г. в состав сектора доктора исторических наук Ю. Н. Захарук и Э. В. Сайко.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Н. Н. Гурина.</i> Некоторые образцы изобразительного искусства древних племен Кольского полуострова	3
<i>Л. И. Авилова.</i> Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы	9
<i>И. И. Заец, Э. В. Сайко.</i> Керамический комплекс Клищева	14
<i>И. А. Гей.</i> Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты	22
<i>М. Д. Хлобыстина.</i> Тройные погребения евразийской степи в бронзовом веке	28
<i>С. Н. Кореневский.</i> О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья	35
<i>Л. П. Лашук, Л. П. Хлобыстин.</i> Север Западной Сибири в эпоху бронзы	43
<i>Э. Б. Вадецкая.</i> Сибирские курильницы	50
<i>Г. Б. Зданович.</i> Щитковые псалии из Среднего Пришимья	60
<i>Ю. С. Гришин.</i> О керамики стоянки Лысая Сопка на Байкале	66

Публикации

<i>Е. Л. Костылева, Д. А. Крайнов, А. В. Уткин.</i> Стоянка Малая Ламна I	71
<i>И. А. Лозе.</i> Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звезде	78
<i>О. С. Гадзяцкая.</i> Стоянка Сахтыш VII	82
<i>В. П. Третьяков, А. А. Выборнов.</i> Поселение Имерка 6	88
<i>Д. А. Крайнов.</i> Фатьяновские памятники Калининской области.	92
<i>В. В. Сидоров, А. В. Трусов.</i> Фатьяновцы на Круглом острове	98
<i>А. Н. Сорокин, В. Ю. Дукельский.</i> Фатьяновское поселение Ресета III	

Хро

Б. Г. Тихонов. Сектор неолита и бронзы
1984 гг. . . . .